

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

ЗАКЛЯТИЕ
ДРЕВНИХ МАОРИ

ПОСЛЕДНИЙ
ЗАНАВЕС

Золотой век английского детектива

Найо Марш

**Заклятие древних маори.
Последний занавес**

«Издательство АСТ»

1943, 1947

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Заклятие древних маори. Последний занавес / Н. Марш —
«Издательство АСТ», 1943, 1947 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-132791-0

Инспектор Родерик Аллейн – аристократ, интеллектуал и лучший детектив Скотленд-Ярда – приехал отдохнуть на тихий новозеландский курорт инкогнито. Там можно подлечиться грязевыми ваннами, восстановить душевный покой, пообщаться с симпатичными людьми – такова, по крайней мере, официальная версия пребывания Родерика в Новой Зеландии. Однако мирный отдых иностранного гостя не задался. Один из обитателей курорта загадочно исчезает, а на следующий день его тело находят в горячем вулканическом озере. Что это: несчастный случай, убийство или заклятие маори, довлеющее над курортом? Но инспектор Аллейн ставит вопрос иначе: кто следующий в списке жертв? Молодая талантливая художница Трой, супруга инспектора Скотленд-Ярда Родерика Аллейна, отлично знала, какие сплетни ходят о знаменитом театральном актере сэре Генри Анкреде, чей портрет она собиралась писать. Но умереть при загадочных обстоятельствах сразу после парадного обеда – пожалуй, слишком экстравагантно даже для гения сцены. Трой совершенно уверена: здесь имело место убийство. Но кто из многочисленных членов труппы сэра Генри – убийца? Ведь, в сущности, мотив избавиться от него был у всех присутствующих. И возможность совершить преступление – тоже! В одиночку Трой не справиться. И тогда ей приходится призвать на помощь своего мужа и провести расследование вместе с ним...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-132791-0

© Марш Н., 1943, 1947

© Издательство АСТ, 1943, 1947

Содержание

Заклятие древних маори	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	67
Глава 7	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Найо Марш

Заклятие древних маори. Последний занавес

Заклятие древних маори

Действующие лица:

Доктор Джеймс Акрингтон, доктор медицины, доктор физиологии, президент гражданской службы федеральных медиков
Барбара Клэр, его племянница
Миссис Клэр, его сестра
Полковник Эдвард Клэр, его зять
Саймон Клэр, его племянник
Хойя, горничная пансиона Ваи-Ата-Тапу
Джеффри Гаунт, заезжая знаменитость
Дайкон Белл, секретарь знаменитости
Альфред Колли, лакей
Морис Квестинг, деловой человек
Руа Те-Каху, вождь племени те-рарауас
Герберт Смит, человек на подхвате в Ваи-Ата-Тапу
Эру Саул, полукровка
Септимус Фолс
Принцесса Те-Папа (миссис Те-Папа) из племени те-рарауас
Сержант Уэбли из уголовной полиции Гарпуна Суперинтендант полиции

Маорийские слова и выражения, использованные в этом тексте

Ауи! Ауи! Ауи! Те мамаи и ау! – Увы! Увы! Увы! О горе!
Ху! – привет!
Хаере маи – здравствуй, привет
Хапу – клан
Каинга – лачуга
Марай – замкнутое пространство, двор перед домом Матагоури – неверный пес
Дискариа тоумауту – колючий кустарник
Макуту – заклятие, колдовство
Па – поселение
Пакеха – чужеземец. Обычно – белый
Токи – топор
Токи-поутангата – топорик из диабазы или зеленого порфира Ухаре – дом

Глава 1

Клэры и доктор Акрингтон

I

В понедельник днем, тринадцатого января, доктор Джеймс Акрингтон добрался до Гарпун-клуба в наипресквернейшем расположении духа, готовый метать громы и молнии. Казалось, все вокруг просто сговорилось, чтобы довести его до белого каления. Начать с того, что он дурно спал после склоки с сестрой, вспыхнувшей по какому-то совершенно пустяковому поводу, – сначала они повздорили, не сойдясь во мнении насчет целебной ценности грязевых ванн, а потом вконец разругались из-за того, как правильно жарить глазунью. Попросив ежедневную газету за прошлый четверг, доктор Акрингтон услышал в ответ, что в нее завернули какую-то снедь для пикника мистера Мориса Квестинга. Юная племянница доктора, Барбара, уличенная в этом злодеянии, выслушав справедливое обвинение доктора, разразилась своим обычным идиотским смехом, после чего принесла газету, заляпанную тухлым жиром и насквозь провонявшую луком. Гневно потрясая перед носом негодницы изувеченной газетой, доктор Акрингтон преобильно стукнулся копчиком о край стола. Скрежеща зубами от боли и охваченный слепой яростью, он проковылял в свою комнату, разделся, принял душ, закутался в банный халат и, припадая на ногу, как подстреленная птица, гневно проковылял к самому горячему целебному источнику. И что же – там уже восседал (чтоб его черти разорвали!) мистер Морис Квестинг, нежа свои омерзительные чресла в пузырьках газа, тучами вздымавшихся на поверхность. При виде доктора мистер Квестинг нахально расхохотался и заявил, что собирается торчать в источнике еще целых двадцать минут. Более того, негодяй посмел указать доктору Акрингтону на соседние источники, куда менее горячие, но зато пустующие. Доктор Акрингтон, с трудом балансируя на затвердевшем иссиня-сизом глинистом берегу источника, в самых отборных и изощренных выражениях высказал все, что думает по поводу такой наглости, но его голый противник в ответ только гнусненько хихикал. Кипя от злости, доктор Акрингтон вернулся к себе, оделся и, не найдя, на ком излить свой справедливый гнев, взгромоздился в машину и, нещадно пришпоривая металлического скакуна, погнал его вверх по крутому косогору к дороге на Гарпун.

Пройдя в здание клуба, он забрал почту и завернул в читальню. Окна ее выходили на живописную бухту, воды которой в этот мирный летний денек¹ были безмятежно гладки, бережно сохраняя безукоризненную голубизну неба и сказочную белизну песка, оттеняемого огненным багрянцем пышно цветущих деревьев – гордости Нортленда². Призрачно мерцающие волны тепла, вздымаясь с раскаленного асфальта у входа в клуб, причудливо искажали очертания деревьев и окаймляющих залив гор, словно раскачивая их на невидимых качелях, отчего весь этот сохранившийся со времени оного пейзаж казался скорее миражом, нежели подлинным творением природы.

Зрелище было изумительное, но доктора Акрингтона оно не тронуло. Подумав лишь, что день выдался до омерзения жарким, он один за другим вскрыл конверты и быстро просмотрел письма. Внимания заслуживало лишь одно. Разложив его перед собой на столе, доктор Акрингтон погрузился в чтение, тихонько насвистывая. Вот что он прочитал:

«Харли Чамберс,

---

¹ В Новой Зеландии в январе стоит разгар лета. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Провинция на севере Новой Зеландии.

Окленд, С1,
Новая Зеландия.

Глубокоуважаемый доктор Акрингтон!

Осмелюсь спросить Вашего совета по весьма деликатному поводу. Речь идет об одном из моих пациентов – нашей заезжей знаменитости, Джеффри Гаунте. Как Вам, должно быть, известно, перед самым началом войны он приехал в Австралию в составе труппы шекспировского театра, а потом в числе прочих актеров остался на Зеленом континенте, играя благотворительные спектакли и отдавая все сборы различным патриотическим фондам. Когда же труппу распустили, он перебрался к нам, в Новую Зеландию, где (это, должно быть, ускользнуло от Вашего внимания, ибо я помню Вашу нелюбовь к радио) не раз выступал в эфире с пламенными патриотическими призывами. Месяц назад он обратился ко мне с жалобой на бессонницу, острую боль в суставах, потерю аппетита, депрессию и общее недомогание. Спросил, могут ли его с такими симптомами призвать на действительную военную службу. Сказал, что готов вернуться в Англию, но только в том случае, если сможет реально помочь своей родине. Я определил у него фиброзит и нервное истощение, прописал умеренную диету и сказал, чтобы он и думать забыл об армии. Кажется, ему втемяшилось в голову написать автобиографию. Похоже, все просто помешались на автобиографиях. Я сказал, что неплохо бы объединить это занятие с водными процедурами и полным покоем. Предложил ему махнуть в Роторуа, но Гаунт пришел в ужас. Сказал, что сыт по горло охотниками на львов и прочими авантюристами, да и вообще терпеть не может болтаться где-то при стечении народа.

Вы, должно быть, уже догадались, куда я клоню.

Я знаю, что Вы живете в Ваи-Ата-Тапу, а заведует курортом Ваша сестра или ее муж. Я слышал также, что Вы трудитесь над *magnum opus*³, из чего сделал вывод, что атмосфера на курорте вполне благоприятствует спокойной работе и отдыху. Буду очень признателен, если Вы ответите, подойдет ли это место для моего пациента и согласятся ли полковник Клэр и миссис Клэр принять его месяца на полтора-два. Я знаю, что в последнее время Вы отошли от активной практики, а потому заранее извиняюсь за следующую просьбу. Не возьмете ли Вы на себя труд хоть немного присматривать за мистером Гаунтом? Это необычайно колоритная личность, и, возможно, Вам будет небезынтересно заполучить такого уникального пациента. От себя добавлю, что буду счастлив и горд поручить его столь выдающемуся целителю.

Гаунт путешествует вместе с секретарем и слугой, желательно поселить их отдельно.

Прошу простить меня за столь затянутое и (возможно) несколько бестактное послание.

Искренне Ваш
Иан Форстер».

Дважды перечитав письмо, доктор Акрингтон сложил его пополам, упрятал в книгу и, не переставая насвистывать, набил трубку табаком и закурил. Минут пять спустя он придвинул к себе чистый лист бумаги и быстро набросал ответ витиеватым почерком.

---

³ Главный труд (*лат.*).

«Дорогой мой Форстер!

Благодарю за письмо. Оно заслуживает откровенного ответа и – вот он. Местечко Ваи-Ата-Тапу, как Вы справедливо заметили, и впрямь принадлежит моей сестре и ее мужу, которые открыли здесь климатический курорт с термальными источниками. Лично я считаю обоих Клэров отъявленными ослиами, однако в отличие от многих других они честные ослы и настоящие трудяги. На мой взгляд, на курорте царит полный бардак, но почему-то (я это точно знаю) мое мнение никто не разделяет. Полковник Клэр – бывший служака, и я никак не возьму в толк, что ему мешает навести у себя такой же порядок, как в казарме, тем более что я уже не раз ему это предлагал. Сестрица же моя вообще витает в облаках. Ввязавшись не в свое дело, она тем не менее ухитряется ладить с приезжающими страдальцами; кроме меня, упрекать ее никто не решается. Добавьте ко всему, что, вкалывая до седьмого пота, эта парочка не получает ни малейшей прибыли. Что же касается пресловутых целебных свойств местных источников, то вода их чрезвычайно богата щелочами, серой и углекислотой. Есть здесь также кремнистые грязевые ванны, о которых мой зять говорит с придыханием: якобы из них выделяется радиоактивный газ. Я-то считаю, что это полная чушь, но я единственный, кто так думает. Впрочем, кто его знает: может, эта грязь и вправду окажется чудодейственной. Во всяком случае, хуже моей ноге не стало.

Что касается Вашего уникального пациента, то, даже не зная, насколько высоки его требования к удобствам, могу твердо обещать, что в Ваи-Ата-Тапу он таких не получит, хотя все тут, без сомнения, с ног собьются, чтобы ему угодить. С другой стороны, даже если мои беспутные родственники сядут в лужу, особо страдать ему все равно не придется – как-никак при нем будут секретарь и слуга. Словом, я сомневаюсь, что здесь Вашему протезе будет значительно хуже, чем в любом другом уголке этой несравненной страны. Денег с него точно взыщут меньше, чем где бы то ни было. Разве что Гаунт закажет себе отдельную гостиную, за которую с него возьмут дополнительно. Но безусловно, не втридорога. Наблюдает за пациентами здесь некий доктор Тонкс из Гарпуна. Тут я молчу. Возможно, это даже послужит косвенной рекомендацией целебности местных источников, но покамест еще никто из пользовавшихся ими пациентов Тонкса не отправился на тот свет. Очевидных причин отказывать Вам в присмотре за мистером Гаунтом у меня нет, поэтому если Вы (равно как и он) и в самом деле этого желаете, то извольте. Заодно должен признаться, что Ваши слова о мистере Гаунте несколько изменили мое о нем представление как о чванливом кастрированном павлине – увы, но в наши проклятые дни таковы почти все представители интеллигенции нашей старой доброй Англии.

Мой *magnum opus*, как Вы его (без всякого сомнения – иронично) окрестили, медленно, но верно продвигается, несмотря на упорные попытки моих ближайших сподвижников этому воспрепятствовать. Скажу Вам без обиняков, что хотя автобиографические излияния театральных деятелей даже отдаленно не согласуются с моим понятием о серьезной работе, я тем не менее искренне надеюсь, что мистеру Джеффри Гаунту удастся преуспеть там, где сяду в калошу я.

Еще раз благодарю за письмо.

Ваш Джеймс Акрингтон.

P.S. Я окажу Вам и Вашему пациенту медвежью услугу, если умолчу, что его пребывание на курорте может быть безнадежно отравлено наигнуснейшей личностью, когда-либо обитавшей на Земле, которая каким-то мистическим образом ухитряется околачиваться сразу повсюду. Я не шучу – это крайне подлый, наглый, мерзопакостный и сверх всякой меры подозрительный субъект.

Дж. А.»

Когда доктор Акрингтон запечатал и надписал конверт, его привычно суровое лицо вдруг на мгновение просветлело. Он позвонил в колокольчик, заказал порцию виски с содовой и с чувством выполненного долга приступил к сочинению второго письма.

«Родерику Аллейну, эсквайру,
старшему инспектору уголовного отдела.
Главное полицейское управление,
Окленд.

Сэр!

Наши газетчики со свойственной им то ли халатностью, то ли неосторожностью сообщили о Вашем приезде в Новую Зеландию в связи с расследованием возмутительной утечки информации, которая привела к гибели парохода «Ипполита» в прошлом ноябре.

Считаю своим долгом проинформировать Вас о крайне подозрительном поведении одного субъекта, в настоящее время проживающего на курорте Ваи-Ата-Тапу, на берегу Гарпунской бухты. Этот субъект, именующий себя Морисом Квестингом, регулярно с наступлением темноты покидает дом. Насколько я знаю, он забирается на вершину пика Ранги, расположенного на территории национального заповедника и выходящего западным склоном прямо к морю. Я неоднократно наблюдал, как по ночам с этого склона кто-то подает странные световые сигналы. Обратите внимание, что «Ипполита» была пущена ко дну всего в двух милях от Гарпунской бухты.

На расспросы вышеупомянутый Квестинг отвечает крайне уклончиво, а порой и откровенно лжет.

Я счел необходимым поделиться своими подозрениями с местными блюстителями порядка, однако расшевелить их и пробудить от преступной (да-да!) дремоты мне так и не удалось.

Имею честь засвидетельствовать свою преданность и уважение, Джеймс Акрингтон, доктор медицины, доктор физиологии, президент гражданской службы федеральных медиков».

Официант принес напиток. Доктор Акрингтон тут же обвинил его в подмене заказанной марки виски на какую-то дрянь, но отчитал его вяло, влекомый скорее чувством долга, нежели гневом. Безропотный лепет провинившегося он воспринял тем не менее с поразительной мягкостью, в конце даже великодушно заметил, что, должно быть, схалтурили сами изготовители. Осушив стаканчик, доктор Акрингтон нахлобучил набекрень шляпу и заковылял к выходу. Швейцар услужливо распахнул перед ним дверь.

– Говорят, с театра военных действий поступают хорошие новости, сэр, – учтиво произнес он.

– Чем раньше мы все сохнем, тем лучше, – ухмыльнулся доктор Акрингтон. Затем визгливо захихикал и быстро захромал вниз по ступенькам.

– Он шутит так, что ли? – недоуменно спросил швейцар официанта. Тот возвел глаза к небу.

II

Полковник Клэр и его жена прожили в Ваи-Ата-Тапу уже двенадцать лет. В Новую Зеландию они приехали из Индии, когда их дочери Барбаре, появившейся на свет через три года после свадьбы, было тринадцать, а сыну Саймону – девять лет. Друзьям Клэры сообщили, что хотят вырваться из рутины жизни, обычно поджидавшей отставных военных в Англии. К тому же полковник получил кое-какое наследство, на большую часть которого Клэрам, перебравшимся в курортное местечко, прославившееся своими минеральными водами, и удалось отстроить неброский, но уютный пансион. Оставшуюся сумму чета потихоньку спустила, поучаствовав в нескольких сомнительных сделках. Работали Клэры как лошади: все хорошие советы они с благородным негодованием отвергали, зато дурные принимали с трогательной благодарностью. Вдобавок эта семейка обладала поразительной способностью собирать вокруг себя совершенно невыносимых людей, и вот сейчас, в те дни, когда разворачивается наше повествование, они как раз привадили невозможного субъекта по имени Герберт Смит.

Дождавшись ухода на пенсию своего талантливой, но вспыльчивой брата, миссис Клэр предложила ему оставить Англию и присоединиться к ним. Доктор Акрингтон согласился переехать в Ваи-Ата-Тапу, но только в качестве обычного жильца; он хотел сохранить полную свободу, чтобы иметь возможность вволю критиковать и жаловаться – занятие, которому наш почтенный муж предавался столь же самозабвенно, сколь и постоянно, особенно по отношению к своему племяннику Саймону. Барбара Клэр, племянница доктора, трудилась сразу за двоих слуг и почти не выходила из дома, старательно сохраняя в нем милый добрый дух ортодоксальной английской провинциальности, которую переняла от матери. Саймон, напротив, посещал местную школу и, находясь, с одной стороны, под влиянием фамильной бедняцкой гордости, а с другой – подозрительности местной ребятни по отношению к «помми» – английским переселенцам, стал типичным колонистом, порой замкнутым, но определенно неотесанным. За год до начала войны он оставил школу и теперь проходил стажировку в летной части.

В то утро, когда доктор Акрингтон покати́л в Гарпун, Клэры занимались привычными делами, хлопоча по хозяйству. В полдень полковник Клэр, страдающий радикулитом, погрузился в радоновую ванну, миссис Клэр лелеяла ишиас в горячем источнике, Саймон отправился в свою келью упражняться в азбуке Морзе, а Барбара готовила обед в раскаленной душевной кухоньке; Хойя, юная девушка-маори, помогала ей.

– Займись-ка лучше тарелками, Хойя, – попросила Барбара, стряхивая со лба непокорный, влажный от пота локон тыльной стороной ладони. – Что-то я совсем закопалась. Для столовой нам потребуется только шесть приборов – мистер Квестинг обедает сегодня на свежем воздухе.

– Как здорово! – живо откликнулась Хойя. Барбара сделала вид, что не расслышала. Хойя, двигаясь с животной грацией, свойственной всем маори, радостно заулыбалась и принялась нагружать поднос тарелками. – Терпеть его не могу, – буркнула она себе под нос.

Барбара вскинула голову. Хойя вдруг ни с того ни с сего звонко расхохоталась – смех у нее был грудной, сочный. «Никогда я их не пойму», – невольно подумала Барбара. А вслух сказала:

– Не лучше ли будет, если в следующий раз, когда мистер Квестинг начнет к тебе... начнет тебя поддразнивать – ты просто сделаешь вид, будто не слышишь его?

– Он выводит меня из себя, – сказала Хойя, и вдруг глаза ее гневно заблестели. – Дуралей чертов! – выкрикнула она, топнув ногой – точь-в-точь как рассерженный ребенок.

– Неужели ты и вправду так на него сердисься?

Хойя покосилась на Барбару, скорчила потешную гримаску и прыснула.
– Не забудь про чепец и фартук, – сказала Барбара и вышла из знойной кухни в столовую.

Деревянный одноэтажный пансион Ваи-Ата-Тапу был выстроен в виде буквы Е, у которой не хватало средней палочки. Столовая располагалась в центре длинной части здания, отделавшей кухню, раздаточную и подсобки от комнат постояльцев, занимавших также и восточное крыло. Западное крыло, целиком отведенное Клэрам, состояло из цепочки тесно прилепившихся друг к другу комнатенок и крохотной гостиной. Полковник Клэр в свое время сам разработал проект на основе планов армейских казарм, чуть-чуть разбавив крепкое военное варево санаторным бульончиком. «Для вкуса». Коридоров в доме не было, и все комнаты выходили на крытую веранду. Изнутри деревянные стены были покрыты желтовато-рыжей масляной краской. В пансионе стоял едва уловимый запах льняного масла и очень ощутимый – серы. Наблюдательный гость мог бы даже проследить историю развития бизнеса Клэров. Гравюры с видами Лондона, резные столы и стулья, покрытые неплохо сохранившимся лаком, аккуратно начертанные плакаты; развешанные в ваннах и туалетах рифмованные обращения, призывающие гостей соблюдать чистоту и порядок, – все это свидетельствовало о больших начинаниях. Сломанные паспарту, облупившаяся местами краска, рябая штукатурка и сиротливо висевшие по углам липучки для мух не менее красноречиво говорили о постепенном, но неуклонном упадке. В доме было прибрано и чисто, местами даже царил близкий к идеальному порядок, но вот дух того особого семейного уюта, что присущ старым английским пансионатам, почему-то почти не ощущался. Наружная стена столовой была сконструирована из застекленных панелей, которые по первоначальному замыслу должны были разъезжаться в стороны, но вместо этого по какой-то дьявольской прихоти предпочитали застревать. Зато через стеклянную стену можно было, не выходя из-за обеденного стола, любоваться горячими минеральными источниками.

С минуту Барбара постояла у окна, рассеянно созерцая причудливый пейзаж. Горы, испещренные заплатками кустов, горбатились на фоне сизого предгрозового неба. За ними, по другую сторону невидимого залива, торчал усеченный конус пика Ранги – потухшего вулкана столь характерной формы, словно в окружающий ландшафт его воткнула проказливая рука современного художника-примитивиста. Удаленный на целых восемь миль, вулкан был различим гораздо четче близлежащих гор, очертания которых то тут, то там скрывались за столбами густого пара, вздымавшегося вертикально вверх из восьми термальных источников. До самих источников было рукой подать – они располагались прямо позади естественной террасы из глины и пемзы, раскинувшейся перед пансионом. Пять горячих источников скрывались от дома густыми зарослями мануки – чайного дерева. Над шестым возвышалась грубо сколоченная купальня. Седьмой являл собой небольшое озерцо, над темными водами которого клубились и медленно дрейфовали паровые облака. Восьмой источник был заполнен целебной грязью – не столь, правда, горячей, чтобы от нее валил пар. Темная поверхность этой естественной грязевой ванны журчала и переливалась из-за искрящихся пузырьков воздуха. Источник был огорожен только с одной стороны, поэтому Барбаре не составило труда различить торчащую над поверхностью розовую лысину на тонком черешке шеи.

Выйдя на веранду, Барбара дернула за шнурок висевшего там колокольчика, который звонко заверещал. Розовая лысина медленно поплыла, рассекая радужную поверхность, словно какой-то фантастический перископ, и скрылась за ограждением.

– Обедать, папа! – громко выкрикнула Барбара, хотя нужды в том и не было. Она спустилась по ступенькам, пересекла террасу и приблизилась к проложенной посреди кустарника тропе. Надпись на покоробленном из-за дождей и пара щите гласила: «Источник “Эльфин”». А чуть ниже торчала табличка: «Занято». Клэры придумали довольно аляповатые и безвкус-

ные названия для всех своих источников, а Барбара выжгла их с помощью линзы на фанерных щитах.

– Мамочка, ты там? – окликнула Барбара.

– А где же еще, – ответил ей женский голос. – Заходи, милочка.

Обогнув плетень, Барбара приблизилась к источнику и увидела свою мать, пышное тело которой скрывалось под дымящейся темной гладью. Кружевная резиновая шапочка защищала волосы миссис Клэр, а на носу красовались очки. В правой руке, высоко держа ее над водой, женщина сжимала дешевое издание «Крэнфорда».

– Так здорово, – проворковала она. – Они все такие лапочки. Обожаю эти книжки.

– Обед почти готов.

– Что ж, значит, пора вылезать. Этот «Эльф» просто восхитителен, Ба. Моя зловредная рука уже почти не ноет.

– Я очень рада, мамочка, – громко сказала Барбара. – Я хочу тебя кое о чем спросить.

– О чем? – любопытствовала миссис Клэр, переворачивая большим пальцем страничку.

– Тебе нравится мистер Квестинг?

Миссис Клэр удивленно вскинула глаза. Барбара стояла в странной позе, неуклюже балансируя на правой ноге и поджав левую ступню под правой лодыжкой.

– Дорогуша, – вздохнула миссис Клэр, – не стой так, прошу тебя. Фигуру испортишь.

– Так нравится или нет? – настаивала Барбара, резко выдергивая плененную ногу.

– Ну, я бы не сказала, что он из колоды тузов, – томно произнесла миссис Клэр. – Бедняжка.

– Ты мне не ответила, ма. Да и потом – что это за колода такая? Странная у тебя манера классифицировать людей. Извини, конечно, мамочка, я не хотела тебя обидеть, но кто мы такие, чтобы обсуждать аристократов! – Барбара громко хохотнула. – Ты только посмотри на нас!

Миссис Клэр переместилась к краю пруда и бросила дочери книгу.

– Держи «Крэнфорда», – сказала мать. От потревоженной воды резко пахло серой. Барбара взяла книжку. Миссис Клэр надвинула резиновую шапочку глубже на уши.

– Дорогая моя, – произнесла она замогильным голосом, – не путаешь ли ты богатство с благородным происхождением? Мало ли, кто чем занимается... – Она приумолкла. – Но ведь бывает и нечто врожденное... Когда в жилах человека течет голубая кровь, это сразу видно, – неуверенно добавила она.

– В самом деле? Да ты только посмотри на Саймона.

– Ах Саймон, лапочка моя!

– Да, он лапочка. Я его тоже очень люблю. О лучшем брате я бы и не мечтала, но вот насчет голубой крови ты, пожалуй, погорячилась.

– Если бы еще не его кошмарный акцент... Жаль, что у нас нет денег, чтобы отправить его учиться...

– Вот видишь! – воскликнула Барбара. И тут же торопливо застрекотала, словно выстреливая слова из тяжелого пулемета: – Нет, мамочка, классовая принадлежность – это все чепуха. Главное – деньги.

С веранды снова послышался звон колокольчика.

– Ой, нужно бежать, – засуетилась миссис Клэр. – Это Хойя.

– Я ведь не потому недолюбливаю мистера Квестинга, что он дурно со мной разговаривает, – заспешила Барбара. – Нет, он мне сам не по нутру. И мне не нравится, как он ведет себя с Хойей. Как, впрочем, и со мной, – добавила она дрогнувшим голосом.

– Должно быть, это потому, что прежде он был коммивояжером, – попыталась вступить за гостя миссис Клэр. – Он так привык.

– Мамочка, ну почему ты всегда придумываешь ему оправдания? Почему папа терпит Квестинга, хотя, казалось бы, должен был его ненавидеть? Он даже смеется его идиотским шуткам. Неужели все это из-за того, что мы нуждаемся в его деньгах? Вспомни, как папа и дядя Джеймс выкурили отсюда богатых американцев, хотя мне они показались милыми и обаятельными. – Барбара запустила длинные пальцы в свои мышиного цвета волосы и, избегая взгляда матери, уставилась на вершину пика Ранги. – Может, у него какая-то власть над нами? – произнесла она, вдруг раздражаясь нервным хохотом.

– Барби, милая, – в голосе миссис Клэр прозвенел металл, – я думаю, не стоит больше обсуждать эту тему.

– Но ведь дядя Джеймс его точно терпеть не может! – выкрикнула Барбара.

– Барбара!

– Обед, Агнес, – прозвучал спокойный голос из-за изгороди. – Ты опять опаздываешь.

– Иду, дорогой. Пожалуйста, Барбара, ступай с папочкой, – попросила миссис Клэр.

III

Доктор Акрингтон лихо съехал на машине с горы и, подкатив к веранде, так резко затормозил, что автомобиль едва не встал на дыбы. Барбара дождалась, пока доктор вылезет, и взяла его за руку.

– Только не торопи меня, – поморщился он. – Ты меня прикончишь. – Однако руки племянницы не выпустил.

– Опять нога болит, дядя Джеймс? – участливо спросила Барбара.

– Она всегда болит. Не спеши.

– Но вам удалось понежиться утром в «Котле каши»?

– Нет. И знаешь почему? Там ошивался этот паскудный мерзавец!

– Ой, как обидно, – всплеснула руками Барбара.

– Это еще не все! – обиженно возопил доктор Акрингтон. – Этот паразит никогда не моется! Ей-богу! Почему, черт побери, вы не требуете, чтобы постояльцы принимали душ, прежде чем лезть в источник? Он пачкает мою драгоценную грязь своим вонючим потом.

– Дядюшка, вы уверены...

– Уверен! Конечно, уверен, черт возьми! Я следил за ним. Он и на милю к душе не подходит. Просто не понимаю, как твои родители его терпят...

Барбара вздохнула:

– Как раз этот вопрос, дядя Джеймс, я только что задала своей матери.

Доктор Акрингтон замер на месте и ошалело уставился на племянницу. Внимательный наблюдатель заметил бы, как они похожи. Барбара и в самом деле походила на своего дядю больше, чем на мать, однако если рыжеволосый доктор смотрелся настоящим красавцем, то назвать красавицей Барбару вряд ли у кого повернулся бы язык. Нет, черты ее лица были безукоризненны, однако волосы, одежда, угловатые жесты и неряшливые манеры напрочь перечеркивали приятное впечатление, которое производила ее хорошенькая мордашка. Несколько секунд они с дядей стояли молча, поедая друг друга взглядом.

– Вот как? – произнес наконец доктор Акрингтон. – И что ответила твоя мать?

Барбара скривила губы.

– Она меня отчитала, – капризным голосом пожаловалась девушка.

– Не строй рожи! – рявкнул дядя.

Окно в гостиной Клэров распахнулось, и в проеме между занавесками показалась розовая физиономия с выцветшими усами и копной седых волос.

– Привет, Джеймс, – сварливо пророкотала физиономия. – Обедать пора. А куда запропастилась твоя мать, Ба? И где Саймон?

– Она идет, папочка. Всех уже позвали. Саймон! – выкрикнула Барбара.

Миссис Клэр, запахнутая в темно-вишневый фланелевый халат, поспешно взбежала на веранду и скрылась в глубине дома.

– Господи, неужели нам никогда не удастся пообедать? – горько вздохнул полковник Клэр.

– Удастся, – заверила его Барбара. – Может, начнешь пока сам, папочка, раз уж ты так торопишься? Пойдемте, дядя Джеймс.

Вынырнувший из-за угла молодой человек резво настиг их у самых дверей. Он был высокий и широкоплечий, с соломенными волосами и оттопыренной нижней губой.

– Привет, Сим, – улыбнулась Барбара. – Идем обедать.

– Бегу.

– Как успехи с морзянкой?

– Блеск, – расцвел Саймон. – Клёвей не бывает.

Доктор Акрингтон обернулся словно ужаленный.

– А что мешает тебе сказать «лучше не бывает»? – свирепо спросил он.

– Ха! – последовал ответ.

Они прошествовали в столовую, где за длинным столом уже восседал полковник Клэр.

– Мы не будем дожидаться, когда наконец придет твоя мать, – мстительно произнес он, складывая ладони на самой выпуклой точке внушительного пуза. – Вознесем же хвалу Господу нашему за яства, которые он нам дарует. Хойя!

Вошла Хойя в туго накрахмаленном чепце и хрустящем от крахмала фартучке. Словно полинезийская богиня в варварском наряде.

– Холодную ветчину, холодную баранину или жареные бифштексы? – провозгласила она глубоким и густым, как леса ее родного племени, голосом. Потом, спохватившись, вручила Барбаре меню.

– Если я закажу бифштекс, – задумчиво произнес доктор Акрингтон, – будет ли он зажарен...

– А разве вы едите мясо сырым, дядюшка? – хихикнула Барбара.

– Дай мне закончить. Если я закажу бифштекс, будет ли он зажарен или провялен? Словом – бифштекс это или... бильтонг?

– Бифштекс, – томно произнесла Хойя.

– Так он уже зажарен?

– Да.

– Благодарю покорно, – удовлетворенно ухмыльнулся доктор Акрингтон. – Тогда мне ветчину.

– Черт побери, в чем дело, Джеймс? – раздраженно спросил полковник Клэр. – Ты говоришь загадками. Что ты на самом деле хочешь?

– Я хочу жареный бифштекс, Джеймс. Жа-ареный, понимаешь? Только если он уже зажарен, то это не бифштекс, а кусок дерь... Словом, это подметка. Господи, что за страна – нигде приличным мясом не накормят.

Хойя устремила вопросительный взгляд на Барбару.

– Хойя, зажарь, пожалуйста, доктору Акрингтону свежий бифштекс.

Доктор Акрингтон метнул на Хойю испепеляющий взгляд и погрозил ей пальцем.

– Пять минут! – заорал он. – Пять минут, поняла? Секундой больше – и он станет несъедобным. Заруби это себе на носу. – Хойя улыбнулась. – А пока она с ним ковыряется, я прочитаю вам письмо, – важным тоном добавил он.

Вошла раскрасневшаяся миссис Клэр. Выглядела она как миссионер, только что обративший в истинную веру несколько сотен дикарей. Клэры высказали Хойе свои пожелания, после чего доктор Акрингтон вынул из кармана письмо от доктора Форстера.

– Это всех вас касается, – возвестил он.

– А куда подевался Смит? – спросил вдруг полковник Клэр, недоуменно оглядываясь. Его жена и дети обвели глазами комнату.

– Кто-нибудь позвал его? – поинтересовалась миссис Клэр.

– Да пес с ним, с вашим Смитом, – отмахнулся доктор Акрингтон. – Тем более что он не придет. Я видел его в Гарпуне. Он околачивался возле паба, и, судя по виду Смита, этот паб был на его пути уже не первым. Плюньте. Не знаю, как вам, а мне и без него хорошо.

– Он давеча как раз получил чек от предков, – прогнусавил с жутким новозеландским акцентом Саймон. – Во хиппует, веник!

– Не говори так, милый, – нежно осадила его миссис Клэр. – Бедненький мистер Смит. Душа-то у него добрая...

– Дадите вы мне прочитать письмо или нет? – прогремел доктор Акрингтон.

– Конечно, дорогой. Оно из Англии?

Доктор Акрингтон свирепо шлепнул по столу ладонью. Его сестра испуганно притихла. Полковник Клэр рассеянно пялился в окно, а вот Саймон и Барбара после первых же двух фраз дружно наострили уши. Закончив читать, доктор Акрингтон бросил письмо на стол и обвел присутствующих самодовольным взглядом.

Барбара присвистнула.

– Ух ты, – фыркнула она. – Сам Джеффри Гаунт! Чтоб мне провалиться!

– Но со слугой. И с секретарем. Даже не знаю, что и сказать, Джеймс, – пробормотала миссис Клэр. – Я, право, озадачена. Мне все-таки не кажется...

– Мы не можем его принять, – громко заявил Саймон.

– Почему, скажи на милость? – взвился его дядя.

– На фиг он нам сдался, и на фиг мы ему сдались? Он привык к роскоши и чтобы все перед ним стелились. Слугами вон обзавелся. На кой ляд нам тут нужны его паршивый лакей с секретарем? Я понимаю еще – секретарша! Зачем они ему? – с неожиданной враждебностью спросил Саймон. – Дебил он, что ли?

– Это он-то дебил? – взвизгнула Барбара. – Как ты смеешь! Да он величайший из ныне здравствующих актеров.

– Перьшко ему в зад! – хмыкнул Саймон.

– Черт побери, Агнес, неужели ты не можешь научить своего сынка выражаться по-человечески?

Саймон кротко вскинул брови.

– Неужели, дядюшка, вам не нравится, как я выражаюсь?..

– Господи, да уймитесь же вы наконец! – в сердцах воскликнула Барбара. – Давайте перейдем к делу. Значит, Саймон против того, чтобы мы пригласили сюда мистера Гаунта. Я – за, а мама колеблется. Вы, дядя Джеймс, по-моему, тоже за?

– Я по простоте душевной решил, что три новых постояльца хоть как-то поддержат вашу пустеющую казну, – вздохнул доктор Акрингтон. – Давайте послушаем мнение главы семейства. – Он повернулся к полковнику Клэру: – Что скажешь, Эдвард?

– Ась? – встrepенулся полковник, широко раскрыв рот и испуганно вытаращившись на зятя. – Это насчет бумаги, что лежит на столе? Я не слушал. Прочитай заново.

– О Господи!

– Ваш бифштекс, – промурлыкала Хойя, подавая доктору Акрингтону большую тарелку, на которой беспомощно распростерся в луже крови омерзительно-бледный, вспученный кусок мяса.

Последовавшая сцена украсила бы любой комедийный фильм. Доктор Акрингтон изрыгал площадную брань, Барбара билась в пароксизмах истерического хохота, миссис Клэр растерянно бормотала утешительные слова, Саймон прыгал, ржал, приседал и шлепал себя по

ляжкам, а Хойя поочередно мотала головой, нервно хихикала и невнятно извинялась. Наконец, разразившись слезами, она схватила тарелку и, не чуя под собой ног, помчалась на кухню, а донесшиеся оттуда грохот и звон битого стекла красноречиво поведали о том, какая судьба постигла злополучный бифштекс.

Полковник Клэр, все это время недоуменно поедавший зятя глазами, потихоньку взял письмо от доктора Форстера и погрузился в чтение. И продолжал читать, когда доктору Акрингтону подали холодный ростбиф.

– А кто такой этот Джеффри Гаунт? – осведомился полковник Клэр после продолжительного молчания.

– Папочка! Неужели ты не знаешь? Ты же видел его в «Джейн Эйр», когда мы ходили в кино на прошлой неделе. Он невероятно знаменит. – Барбара умолкла, чтобы перевести дух. – Именно таким я себе и представляла мистера Рочестера⁴! – со страстью добавила она.

– Актеришка! – скривился ее отец. – Только его нам тут доставало.

– Во-во! – радостно поддержал Саймон. – И я про то же.

– Боюсь, мистер Гаунт найдет нас довольно скучной компанией, – сказала миссис Клэр. – Может, нам лучше сидеть и не высовываться? Как ты думаешь, милая?

– Мамочка, ну как ты... – начала Барбара, но доктор Акрингтон, заговоривший с пугающим спокойствием, перебил ее.

– Я ничуть не сомневаюсь, моя дражайшая Агнес, – произнес он, – что Гаунт, привыкший вращаться в высших кругах, найдет вашу компанию более чем скучной. Правда, в ответном письме Форстеру я высказал предположение, что в Ваи-Ата-Тапу ему будет не так уж и плохо, поскольку недостаток комфорта с лихвой возместится добротой и вниманием окружающих. Должно быть, я ошибся. Почему-то мне втемяшилось в голову, что вы держите этот пансион на водах, чтобы сюда приезжали больные. Видимо, я ошибся. Вы предпочитаете держать у себя клиентуру иного сорта: алкоголика-неплательщика и отпетого негодяя, по которому давно веревка плачет.

Полковник Клэр удивленно изогнул брови.

– Ты имеешь в виду Квестинга, Джеймс?

– Да.

– Зря ты так.

– Это еще почему?

Полковник Клэр сложил вместе вилку с ножом и, внезапно побагровев, уставился на противоположную стену.

– Потому что, – проскрипел он, – я перед ним в долгу.

Последовало долгое молчание.

– Понимаю, – произнес наконец доктор Акрингтон.

– Агнес и дети ничего об этом не знают, – добавил полковник. – Я ничего им не говорил, полагая, что это касается только меня. Но ты, Джеймс, и вы, мои дети, так невзлюбили мистера Квестинга, что я... я не могу себе позволить... Словом, я умоляю вас: ради меня, будьте к нему снисходительнее.

– Ты не можешь себе позволить, – задумчиво повторил доктор Акрингтон. – Черт побери, что же ты натворил, дружище?

– Прошу тебя, Джеймс, не будем об этом.

С видом мученика полковник Клэр встал из-за стола и прошествовал к окну. Миссис Клэр попыталась было последовать за мужем, но он произнес: «Нет, Агнес», – и она остановилась как вкопанная.

---

⁴ Возлюбленный Джейн Эйр.

- С другой стороны, – добавил полковник Клэр, – пожалуй, можно было бы и принять здесь этих людей. Я... я посоветуюсь на этот счет с Квестингом. А сейчас оставим эту тему.
- Он вышел на веранду и, вышагивая деревянной поступью, скрылся из виду.
- Что за чертовщина у вас тут творится? – не выдержал доктор Акрингтон.
- О, Джеймс, не надо, прошу тебя! – воскликнула миссис Клэр и залилась слезами.

IV

Хойя плюхнула на стойку последнюю тарелку, спустила воду из раковины и покинула кухню, оставив там относительный порядок. Хойя жила со своей семьей в поселении маори по другую сторону горы и, поскольку Клэры отпустили ее на остаток дня, решила сходить туда и переодеться в праздничный наряд. Обогнув дом, она пересекла пемзовую террасу, прошла по тропинке, огибающей горячее озеро, и, миновав подножие горы Ваи-Ата-Тапу, зашагала через долину термальных источников. Свинцовое небо угрожающе набухло, воздух был удушающе неподвижен. Хойя, казалось, не шла, а скользила. Естественно и непринужденно. Она была словно составной частью этого первобытного ландшафта. Белые люди ходили по этой земле, а маори были ее сущностью. Такой же, как окружающие деревья, озера и горы.

Вскоре тропа привела Хойю к высоким зарослям мануки. Внезапно из-под сени деревьев навстречу Хойе вышел молодой человек. Эру Саул, полукровка. Из уголка его губ свешивался окурок.

- Ху! – сказала Хойя. – Тебе-то чего здесь нужно?
- У тебя ведь выходной? Пойдем погуляем.
- Некогда, – отрезала Хойя. И двинулась вперед, но Эру удержал ее, схватив за руку.
- Нет, – сказал он.
- Отстань!
- Но я хочу поговорить с тобой.
- О чем? Говорить, говорить, говорить... Заладил, как испорченная пластинка. Утомил ты меня.
- Знаешь что... Поцелуй меня, а?
- Хойя расхохоталась, закатив глаза.
- Ты совсем обалдел. Веди себя прилично. Миссис Клэр тебя живьем сожрет, если ты будешь ко мне приставать. Я спешу домой.
- Постой, – пробормотал юноша, обнимая ее.
- Хойя отбивалась, посмеиваясь. Эру отступил на шаг и гневно заговорил:
- Ясно, я для тебя рылом не вышел. С пакеха связалась, да? С белыми якшаешься?
- Замолчи, дуралей! – гневно прикрикнула Хойя. – Гадкий мальчишка.
- Понятно, у меня нет машины, и я не ворую. А Квестинг твой – вор! Ворюга!
- Ерунда! – вспыхнула Хойя. – Он хороший.
- А зачем он лазает по ночам на пик Ранги? Какие у него там дела?
- Да ты только языком чесать и можешь.
- Передай ему, чтобы впредь поостерегся, не то я ему рога пообломаю. Как тебе это понравится?
- Мне-то? Да мне наплевать на него.
- Неужели? Ну-ка повтори!
- Отстань от меня! – Хойя нетерпеливо топнула ногой. – Вот привязался, дубина. Прочь с дороги! Вот пожалуй прадедушке, и он наложит на тебя макуту.
- Ха! Эру никому не заколдовать!
- Моему прадедушке это раз плюнуть, – засверкала глазами Хойя.

– Послушай, Хойя, – начал увещевать ее Эру, – ты ведь с динамитом играешь. Это может для тебя плохо кончиться. И еще – в следующий раз, когда этот пакеха предложит тебе прокатиться, передай ему от моего имени, чтобы он оставил тебя в покое. Ясно? И добавь, что если он ослушается, то следующий поход на Ранги станет для него последним.

– Сам ему это скажи, – окрысилась Хойя. И присовокупила к этим словам крепкое маорийское выражение. Змейкой проскользнув мимо застывшего с отвисшей челюстью Эру, девушка припустила по тропинке.

Эру стоял, хмуро пялясь в землю. Истлевший окурок опалил ему губу. Эру сплюнул. Затем повернулся и медленно побрел следом за быстро удалявшейся Хойей.

Глава 2

Первое падение мистера Квестинга

I

– Звонил доктор Форстер, сэр, – сказал Дайкон Белл, метнув на хозяина взволнованный взгляд. Когда Гаунт стоял, вздернув плечи до ушей и глубоко засунув руки в карманы долгополого халата, нужно было держать ухо остро. Актер вдруг резко обернулся, и бдительный Дайкон не преминул заметить, что ногу тот сегодня поутру подволакивает больше обычного.

– Ну! – прорычал Гаунт.

– Он сделал нам заманчивое предложение.

– Не поеду я на этот серный курорт!

– Вы имеете в виду Роторуа, сэр?

– А-а, он так называется?

– Он понимает, сэр, что вам нужно место поспокойнее. И поэтому подобрал нам уютный курорт в Нортленде. На западном побережье. Субтропический климат.

– И серная пневмония?

– Но, сэр, должны же мы вылечить вашу ногу.

– Да, должны. – Мгновенно преобразившись – качество, вызывавшее обожание зрителей, – Гаунт повернулся и весело похлопал своего секретаря по плечу. – Ты ведь, Дайкон, тоже соскучился по дому, верно? Хотя ты и родился в Новой Зеландии, но тебя неудержимо влечет в Лондон. А мы вынуждены торчать здесь. Ужасное ощущение, да? Как будто кто-то из близких тяжело заболел, а ты не в состоянии к ним приехать.

– Да, в чем-то вы правы, – сдержанно произнес Дайкон.

– Пожалуй, я не стану тебя удерживать. Отправляйся домой, мой друг. А я подберу себе кого-нибудь из местного населения, – сказал Гаунт с оттенком грусти.

– Вы меня увольняете, сэр?

– Если бы они и впрямь поставили меня на ноги...

– Они поставят, сэр. По словам доктора Форстера, водолечение должно подействовать очень быстро, – повторил Дайкон слова врача. – Увы, в вербовочных пунктах меня уже на порог не пускают. Не позволяют хоть чем-то помочь своей стране. А все из-за моего проклятого зрения. Можно, конечно, в какую-нибудь контору податься...

– Делай что считаешь нужным, – мрачно произнес Гаунт. – Брось меня здесь, на растерзание стервятникам. Все равно Англии от меня проку нет. Да.

– Но вы ведь собрали для фонда целых двенадцать тысяч фунтов, сэр. Если Англии этого мало...

– Я теперь никому не нужна развалина, – промолвил Гаунт таким тоном, что даже Дайкон без труда припомнил финальную сцену из «Джейн Эйр». – Чего ты так гаденько ухмыляешься? – прогромычал Гаунт.

– Меньше всего на свете вы напоминаете развалину, сэр, – улыбнулся Дайкон. – Пожалуй, я все-таки останусь, если вы меня не выгоните.

– Ладно, тогда расскажи про это ваше уютное местечко. Что-то мне подозрительна твоя хитрая физиономия. Что за каверзу вы мне подстроили? Признавайся.

Дайкон поставил свой атташе-кейс на письменный стол и раскрыл.

– Ваши поклонники сегодня превзошли себя, – сказал он, извлекая из кейса пачку писем и фотографий.

– Прекрасно! – расцвел Гаунт. – Обожаю, когда меня обожают. Сколько из них прислали свои бессмертные творения с просьбой помочь протолкнуть их на сцену?

– Четверо. Одна дама даже посвятила свою пьесу вам. Об инопланетянах.

– О Боже!

– А вот письмо от доктора Форстера с приложенным к нему письмом доктора Джеймса Акрингтона, медицинского светила с Харли-стрит. Может быть, взглянете?

– Господи, как меня воротит от всех этих светил!

– И все же будет лучше, сэр, если вы прочитаете.

Гаунт скорчил гримасу, но письма взял и опустился в стоявшее возле стола кресло. Дайкон следил за ним с некоторым трепетом.

Из сорока пяти лет своей жизни Джеффри Гаунт провел на сцене двадцать семь, причем последние шестнадцать – в утвердившемся качестве звезды. Прославившийся в амплу героя-любownika, он затем быстро достиг сценических высот в интеллектуальных ролях. Его наивысшим достижением признали поразительную способность доносить до зрителей не только пафос, но и скрытую музыку шекспировского слога. Среднего роста, темноволосый и поджарый, Гаунт не отличался необыкновенной красотой, но обладал двумя бесценными для актера дарами: величественно посаженной головой и изумительными руками. Что же касается его характера, то шесть лет назад Дайкон Белл, прослуживший к тому времени у Гаунта ровно неделю, отправил своему другу письмо, в котором описал нового хозяина такими словами: «Он горазд на выдумку, непредсказуем, влюблен в театр, необычайно одарен, скор на расправу и невероятно эгоистичен, но с каждым днем все больше и больше мне нравится». За все шесть лет службы у молодого человека ни разу не возникло повода усомниться в верности этой первоначальной характеристики.

Гаунт пробежал глазами записку доктора Форстера, затем внимательно прочитал письмо доктора Акрингтона.

– Черт побери, – вскричал он, – и где только Форстер откопал такого старого фигляра? Ты заметил, сколько яда он вылил на своих родственников? И такие помои Форстер называет рекомендацией! Предлагать мне полное отсутствие комфорта взамен на безграничную доброту ослов-домочадцев! Ха! Да еще столь наглый выпад против меня в последнем абзаце. На месте Форстера я бы уничтожил это письмо, если, конечно, он и впрямь хочет запихнуть меня на свои дурацкие грязи. Тоже мне психолог.

– Психолог в данном случае я, – скромно потупился Дайкон. – Форстер и в самом деле хотел уничтожить это послание. Я же взял на себя смелость показать его вам. Я подумал, что если вы не остановитесь у Клэров, сэр, то никогда не получите возможность утереть нос доктору Акрингтону. А так хотелось бы сбить с него спесь.

Гаунт метнул на секретаря подозрительный взгляд.

– Что-то ты у меня сегодня слишком умный, приятель, – задумчиво проронил он.

– Как-никак, – убеждающе заговорил Дайкон, – он все-таки пишет, что эта грязь и впрямь чудодейственна.

Гаунт захохотал, потом неловко дернулся, и тут же его лицо исказила болезненная гримаса.

Дайкон сочувственно покачал головой:

– Вот видите. Нет, сэр, мне все-таки кажется, что ради того, чтобы подлечить вашу ногу, стоит стерпеть некоторые неудобства. Да и книга продвинется.

– Да, в этом чертовом отеле я не сочиню ни строчки. Господи, до чего же я ненавижу отели! Слушай, Дайкон! – вскричал вдруг он. – А не махнуть ли нам в Америку? Поставим

там «Генриха Пятого». Они же просто обалдеют! «И Криспианов день забыт не будет отныне до скончания веков»⁵. Да, положительно нужно сыграть «Генриха» в Нью-Йорке.

– А не лучше ли вам сыграть его в Лондоне, сэръ? На самодельных подмостках, для солдат, только что вернувшихся с поля боя?

– Разумеется, лучше, черт тебя дери!

– Тогда вам тем более нужно попытаться счастья в этом местечке. А потом, залечив ногу, с новыми силами рвануть в... Лондон.

– Ты говоришь прямо как моя впавшая в детство няня, – капризно произнес Гаунт. – Должно быть, вы с Колли сговорились, чтобы заманить меня в эту дыру. Кстати, где этот тип?

– Гладит ваши брюки, сэръ.

– Позови-ка его сюда.

Дайкон куда-то позвонил, минутой спустя дверь номера распахнулась, и в ее проеме возник тщедушный человечек с физиономией, напоминавшей смятую детскую перчатку. Это и был Альфред Колли, камердинер и персональный слуга Гаунта. Прослужив у Гаунта уже много лет, он так и не усвоил лакейских привычек. Он относился к хозяину со смешанным чувством фамильярности, собачьей преданности и преклонения. Войдя, Колли повесил отутюженные брюки на спинку стула, повернулся, скрестил на груди руки и заморгал.

– Ты ведь, без сомнения, знаешь об этих дурацких грязях, да? – в упор спросил Гаунт.

– Да, сэръ, – важно кивнул Колли. – Значит, мы решили поросятами заделаться?

– Я так не сказал.

– А пора бы нам подумать о здоровье, сэръ. Спим-то мы уже не так, как в былые годы, верно? Да и ножка наша пошаливает.

– Иди к дьяволу, – беззлобно отмахнулся Гаунт.

– К вам там некий господин пожаловал, сэръ. Внизу сидит. Портъе предупредил, что вы никого не принимаете, но он сказал, что все-таки подождет, и передал свою визитную карточку. Ему растолковали, что это дохлый номер, что без предварительного уговора вы его не примете, а он со словами «очень жаль» устроился в кресле со стаканчиком виски и сидит там уже битый час, не спуская глаз со входа.

– Тем хуже для него, – сказал Дайкон. – Мистер Гаунт никуда не собирается. Через полчаса придет массажист. А как выглядит этот субъект? На репортера не похож?

– Не-ееу, – протянул Колли на кокни. – Скорее смахивает на бизнесмена. Уверенный такой. Костюм дорогой. С виду – удачливый делец. Мне подумалось, что вы захотите его увидеть, мистер Белл.

– Это еще почему?

– Просто так мне показалось.

Дайкон пристально посмотрел на Колли и заметил, что тот легонько подмигивает левым веком.

– Что ж, по меньшей мере могу сказать этому типу, чтобы убирался восвояси, – произнес молодой человек. – Ты догадался взять у него визитку?

Колли запустил руку в карман.

– Очень настойчивый господин, – добавил он, извлекая визитную карточку.

Гаунт досадливо поморщился.

– Выстави его вон, Дайкон, сделай одолжение, – попросил он. – Не мне учить тебя, как это делать. Никаких торжеств я не открываю, на любительские спектакли не хожу и приглашений не принимаю. Новая Зеландия восхитительна. Эх, как жаль, что я не в Лондоне! Если его приход хоть как-то связан с войной, повремни с ответом. Для наших солдатиков я сделаю все, что в моих силах.

⁵ У. Шекспир. «Король Генрих V». Пер. Е. Бируковой.

Дайкон вышел в коридор. Уже в лифте он посмотрел на визитку и прочел:

«Мистер Морис КВЕСТИНГ.
Термальные источники Ваи-Ата-Тапу».

Внизу было приписано:

«Уделите мне всего пять минут. Дело вас заинтересует.
М.К.».

II

Мистеру Морису Квестингу было на вид около пятидесяти, причем выглядел он так, что случайному наблюдателю пришлось бы изрядно поломать голову, чтобы его описать. Такого запросто встретишь, например, в числе заядлых картежников, режущихся в покер в купе первого класса. Его близнецы кишмя кишат в частных барах и ресторанах, на ипподромах и деловых совещаниях. Черты его крупного лица казались размытыми, а вот глаза были пронизательные, даже немного колючие. Одевался наш мистер Квестинг всегда модно, с иголочки. А вот речь его не отличалась никакими сколько-нибудь примечательными особенностями ни по выговору, ни по подбору слов. Скорее его манера говорить свидетельствовала о том, что где бы мистер Квестинг ни находился, он с легкостью перенимал как местный диалект, так и самые расхожие словечки и выражения. Тем не менее, хотя голос его звучал уверенно и громко, как у профессионального диктора, в каждой его фразе сквозила некая искусственность, словно слова и мысли не связывались в одну логическую цепочку. Речь его, как уж традиционно повелось в Новой Зеландии, изобиловала американизмами, но в целом манера произношения никак не выдавала его происхождения, хотя сам Квестинг и намекал, что является уроженцем Нового Южного Уэльса. А выглядел он и впрямь как преуспевающий бизнесмен.

Увидев входящего в вестибюль Дайкона Белла, мистер Квестинг тут же отложил газету и встал.

– Прошу простить, если я ошибаюсь, – заговорил он, – но вы мистер Белл?

– М-м-м... да, – с легким удивлением произнес Дайкон, державший в руке карточку визитера.

– Личный секретарь мистера Гаунта?

– Да.

– Замечательно, – расцвел мистер Квестинг, крепко пожимая его руку. – Рад с вами познакомиться, мистер Белл. Я знаю, что вы человек занятой, но буду безмерно признателен, если вы уделите мне пяток минут.

– Что ж, я...

– Прекрасно, – закивал мистер Квестинг и прозвонил в колокольчик, подзывая к себе официанта. – Очень рад. Безмерно. Присаживайтесь, пожалуйста.

Дайкон присел на стул, закинул ногу на ногу, сложил руки на колене и внимательно посмотрел на мистера Квестинга поверх очков.

– Как поживает ваш босс? – осведомился мистер Квестинг.

– Мистер Гаунт? К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы.

– Понимаю, понимаю. Послушайте, мистер Белл, я, конечно, рассчитывал, что мне удастся побеседовать с ним, но разговор с вами тоже может принести немалую пользу. Что будете пить?

От угощения Дайкон отказался. Мистер Квестинг заказал себе виски с содовой.

– Да, – расплылся мистер Квестинг с дружелюбностью, свидетельствовавшей о том, что между собеседниками уже установилось полное взаимопонимание. – Да. Все замечательно. Так

вот, мистер Белл, скажу сразу без обиняков: я могу оказать вам большую услугу. Огромную. Прямо сейчас, не сходя с места!

– Насколько я понимаю, – осторожно произнес Дайкон, – вы приехали из Ваи-Ата-Тапу?

– Совершенно верно. Да. Я буду с вами предельно откровенен, мистер Белл. Я собираюсь вам сказать не только это. Дело в том, что я крайне заинтересован в процветании Ваи-Ата-Тапу.

– Вы хотите сказать, что владеете этим курортом? Я думал, полковник Клэр и его супруга...

– Давайте поговорим обо всем по порядку, мистер Белл. Я вам расскажу обо всем без утайки. Как на духу. Курорт для меня очень много значит. Очень.

– В финансовом смысле? – полюбопытствовал Дайкон. – Или в медицинском? А может – в сентиментальном?

Мистер Квестинг, переводивший взгляд с галстука Дайкона то на его туфли, то на руки, поднял голову и посмотрел прямо ему в глаза.

– Не гоните лошадей, – сказал он со смешком.

Ловким движением фокусника он извлек из внутреннего кармана стопку бумаг и вручил Дайкону.

– Вот, почитайте на досуге. Желательно также было бы показать их мистеру Гаунту.

– Послушайте, мистер Квестинг, – деловито произнес Дайкон, – может, все-таки перейдем к делу? Вы, безусловно, узнали, что мы заинтересовались этим курортом. Вы пришли сюда порекомендовать его. Это очень любезно с вашей стороны, но я убежден, что руководили вами отнюдь не самые альтруистические побуждения. Вы говорили об откровенности; так вот, я еще раз спрашиваю: есть ли у вас финансовый интерес в этом деле?

Мистер Квестинг огулительно захохотал и заявил, что, по его мнению, они прекрасно понимают друг друга. Его сбивчивая речь непрерывно перемежалась намеками и недомолвками. Пару минут спустя Дайкон понял, что ему предлагается некое вознаграждение. Мистер Квестинг сыпал обещания и посулы как из рога изобилия. Пусть только мистер Джеффри Гаунт согласится пройти лечение в Ваи-Ата-Тапу, а уж там его, Квестинга, благодарность воистину не будет знать никаких границ. Изображая вежливый интерес, Дайкон начал просматривать бумаги. По заключениям специалистов, целебные грязи были и впрямь чудодейственными. В распоряжение мистера Гаунта и всех сопровождающих его лиц предлагалось выделить просторные апартаменты. Мистер Квестинг лично проследит, чтобы комнаты были обставлены новой мебелью. Заметив проскользнувшее на лице Дайкона удивление, мистер Квестинг горячо заверил его, что готов пойти на любые затраты, лишь бы оказать достойный прием столь знаменитому гостю. С каждой сказанной мистером Квестингом фразой Дайкон доверял его разглагольствованиям все меньше и меньше, но зато почти окончательно убедился, что Гаунта на этом курорте ждут и впрямь не только радушный прием, но и вполне сносная и комфортабельная обстановка. Он закинул пробный шар.

– Насколько я понимаю, у вас там имеется свой врач?

К его изумлению, мистер Квестинг переменялся в лице.

– Доктор Тонкс, – произнес он, – у нас постоянно не проживает, мистер Белл. Он живет в Гарпуне. Но это всего в нескольких минутах езды. Очень, очень славный доктор.

– Я имел в виду доктора Джеймса Акрингтона.

Мистер Квестинг ответил не сразу. Он предложил Дайкону сигарету, потом закурил сам и снова зазвонил в колокольчик, подзывая официанта.

– Мы говорили о докторе Акрингтоне, – напомнил Дайкон.

– О да. Верно. Старый доктор. Анатом. Презанятная личность.

– Он живет в пансионе?

– Да, совершенно верно. Да. Именно так. Старик уже отошел от практики.

– Он ведь, кажется, крупный специалист по нервно-мышечным заболеваниям?

– В самом деле? – переспросил мистер Квестинг. – Ну надо же. Кто бы мог подумать. Ай да старикан. Послушайте, мистер Белл, я хочу вам сделать одно предложение. Что, если вам прокатиться в Ваи-Ата-Тапу, чтобы увидеть все своими глазами? Завтра я еду туда. На машине это всего шесть часов езды. Я буду рад захватить вас с собой. Номер, конечно, к нашему приезде приготовить не успеют, но все же...

– Вы там живете, мистер Квестинг?

– Надолго я оттуда обычно не уезжаю, – уклончиво ответил бизнесмен. – Так как насчет моего предложения?

– Это очень любезно с вашей стороны, – задумчиво ответил Дайкон. Он встал и протянул руку. – Я все передам мистеру Гаунту. Большое спасибо.

Мистер Квестинг нервно пожал его ладонь.

– До свидания, – вежливо попрощался Дайкон.

– Ночую я здесь, мистер Белл, и буду ждать...

– О да. Спасибо. До свидания.

Он повернулся и зашагал к лифту.

III

В субботу днем старый Руа Те-Каху сидел на вершине горы, вздымавшейся над его родным селением. Горная гряда служила естественной границей между резервацией маори и термальным курортом Ваи-Ата-Тапу, где жили Клэры. Повернув голову направо, Руа посмотрел на разведенную серными парами крышу пансиона, затем кинул взгляд налево и вниз, где виднелись лачуги и хозяйственные постройки деревни маори. С обеих сторон ввысь вздымались язычки пара – маори тоже разбили свое селение близ термальных источников.

Руа был очень стар – он и сам не знал, сколько ему лет; однако его отец, великий вождь племени те-рарауас, поставил свой крестик под Договором Ваитанги, незадолго до того, как Руа, его младший сын, появился на свет. Дедушка Руа, вождь племени каннибалов, жил еще по законам каменного века. Руа прекрасно помнил, как поступали белые пришельцы с людьми каменного века. Он рано столкнулся с цивилизацией. В юности он воевал, затем работал в редакции местной газеты и был даже избран депутатом парламента. А вот достигнув преклонного возраста, Руа решительно порвал с цивилизацией и возвратился к своему племени, к образу жизни, который лишь смутно помнил с детских пор.

– Моему прапрадедушке уже сто лет, – хвастал малыш Хоани Смит, который учился в Гарпунской начальной школе. – Он самый старейший в Новой Зеландии. Он такой же древний, как сам Господь. Да вот!

Одежда Руа выглядела обветшалой. Старые кости постоянно мерзли, поэтому плечи вождя были укрыты одеялом. Несмотря на неряшливый вид, выглядел старик величаво. Гордо посаженная голова с высоким лбом, орлиный нос с хищно вырезанными ноздрями, тонкий волевой рот, кустистые, вразлет, брови – все свидетельствовало о благородстве и мудрости. Глаза по-прежнему светились живым умом. Настоящий патриций. Если бы не смуглая кожа, никто не заподозрил бы, что в его жилах течет меланезийская кровь.

Каждый вечер, за час до заката, он взбирался на вершину горы и, садясь спиной к пику Ранги, выкуривал трубку. Порой к нему присоединялся кто-то из его внуков или старейшин племени, но чаще старик сидел в одиночестве, погруженный в воспоминания. Клэры, возясь во дворе, частенько видели его величественный силуэт на фоне пика Ранги, Хойя махала старику рукой и посылала приветствие на родном языке. Она была одной из его бесчисленных правнучек.

В этот вечер внизу, в Ваи-Ата-Тапу, творилось много интересного. Сначала старик увидел, как к пансиону подкатил огромный крытый фургон. Из дома донеслись возбужденные

возгласы. Старый Руа узнал голос Хойи и залихватский смех мисс Барбары Клэр. Затем на дороге появилась красивая легковая машина, которая спустилась с горы и остановилась перед домом. Из машины вылезли мистер Морис Квестинг и незнакомый молодой человек. Руа пригнулся вперед, крепче стиснул посох и опустил подбородок на узловатые руки. Он словно врос в гору, слившись с ней воедино. Некоторое время спустя его уши уловили привычный звук. Кто-то поднимался по тропинке. За его спиной хрустнула сухая веточка. Мгновением позже рядом со старым Руа возник мужчина.

– Добрый вечер, мистер Смит, – произнес старик, не поворачивая головы.

– Здравствуйте, Руа.

Пришедший шагнул вперед и присел на корточки возле Те-Каху. Он был европеец, но легкость, с которой он принял туземную позу, говорила о близком знакомстве с обычаями маори. На узком подбородке темнела щетина. Лицо, несмотря на некоторую костлявость, выглядело одутловатым. Вообще было в его внешности нечто выдававшее его беспутный характер: потрепанная одежда, всклокоченные волосы. На плечи он набросил дождевой плащ, карман которого некрасиво оттопыривался из-за бутылки. Смит начал сворачивать самокрутку дрожащими, пожелтевшими от никотина пальцами. От него исходил устойчивый запах алкоголя.

– Ну и суета у них там внизу, – заметил он.

– Да, похоже, забот у них полон рот, – невозмутимо произнес Руа.

– А знаете почему? К ним приезжает крупная шишка. Это его секретарь там вертится. Можно подумать – сам король приезжает. Полдня уже всех шпыняют. Мне надоело на них смотреть, вот я и решил удрать.

– Столь важный гость заслуживает торжественного приема.

– Пф, какой-то актер.

– Мистер Джефффри Гаунт – весьма известная личность.

– А-а, так вам уже рассказали?

– Да, – кивнул старый Руа.

Смит передвинул самокрутку в уголок рта.

– Это работа Квестинга, – наябедничал он. Руа беспокойно дернулся. – Это ведь он надоумил Гаунта ехать сюда, уверив в чудодейственности местной грязи. Он прямо-таки с ног сбился, вылизывая эту берлогу. Видели бы вы его новую мебель! Ну, Квестинг! – прошипел Смит и со вздохом добавил: – Ничего, рано или поздно он свое получит.

Руа неожиданно хихикнул.

– Да, получит! – запальчиво выкрикнул Смит. – Все у нас тут его просто на дух не выносят. Особенно старый доктор. Только Клэр почему-то терпит. Да и то лишь потому, что Квестинг прибрал его к рукам. Так мне кажется.

Смит закурил и уголком глаза покосился на Руа.

– Вы что-то не слишком разговорчивы, – хмыкнул он и потянулся дрожащей рукой к карману. – Тяпнете со мной рюмашку за компанию?

– Нет, спасибо. А что мне говорить? Меня это все не касается.

– Послушайте, Руа, – заговорил Смит, – мне ваш народ нравится. Я с вами лажу. И всегда ладил. Вы согласны?

– Да, вы и впрямь со многими дружны, – согласился старик.

– Да. Так вот, я вам кое-что скажу. Открою глаза на Квестинга. – Смит чуть приумолк. Вечер выдался необычайно мирный и тихий, поэтому любые долетавшие снизу звуки слышались здесь, на вершине горы, с поразительной отчетливостью. А из деревни маори сюда доносился аромат сладкого картофеля, который женщины в цветастых платках, повязанных вокруг головы, поджаривали на костре. Уже наверху аромат батата причудливым образом смешивался

с едким запахом серы. Тем временем разгрузившийся фургон полз вверх по дороге, а возле дома Клэров продолжали суетиться люди. Солнце уже зашло за вершину пика Ранги.

– Квестинг затеял какую-то игру, – продолжил Смит. – Он обхаживает вашу правнучку и сыплет байками про мальчишек и девчонок, которые зарабатывают на жизнь, прыгая со скал в море на потеху публике. Сулит большие деньги. Не понимает, видите ли, почему одни только люди племени арауа во всем Роторуа должны извлекать доходы из туристического бизнеса.

Руа медленно приподнялся. Повернувшись спиной к источникам, он устремил свой взор на восток, где у подножия горы раскинулась его собственная деревня, уже полускрытая в наступивших сумерках.

– Мой народ ни перед кем не склонял голову, – гордо произнес он. – Мы не арауа. Мы идем своей дорогой.

– И еще кое-что... – не унимался Смит. – Этот проходимец без конца болтает о торговле безделушками и сувенирами. Сует свой длинный нос куда не следует. То и дело про старые времена расспрашивает. Пиком интересуется. – Смит понизил голос до заговорщического шепота. – Кто-то уже рассказал ему про топор Ревы.

Руа обернулся и впервые посмотрел прямо в лицо своему назойливому собеседнику.

– Это скверно, да? – засуетился Смит.

– Мой дедушка Ревы, – вполголоса произнес Руа, – был достойным и уважаемым человеком. Он посвятил свой топор богу Тане и назвал в его честь Токи-поутангата-о-Тане. Этот топор священный. Это наша реликвия. Место его захоронения священо и является глубокой тайной.

– Квестинг знает, что топор зарыт где-то на пике. Он вообще считает, что здесь находится много такого, из чего можно извлечь выгоду. Он рассказал, что кто-то из ваших людей неоднократно водил его сюда и рассказывал про реликвии и захоронения.

– Пик Ранги – национальный заповедник!

– Квестинг уверяет, что договорится с кем надо.

– Я старик, – с чувством заявил Руа, – но я еще не мертв. Он не найдет предателей среди моего народа.

Смит хмыкнул.

– Держите карман шире! Поговорите с Эру Саулом – он-то знает, за чем охотится Квестинг.

– Эру – паршивая овца. Он плохой маори, пакеха.

– Эру не нравится, как ведет себя Квестинг с юной Хойей. Он считает, что Квестинг пытается через нее втереться в доверие к вашим людям.

– Он не найдет среди них изменников, – гордо заявил Руа.

– Деньги многим развязывают язык, – задумчиво произнес Смит.

– На токи-поутангата моего дедушки наложено заклятие.

Смит посмотрел на старика с нескрываемым любопытством.

– Вы и в самом деле этому верите?

– Я ведь рангитира. Ведун, по-вашему. Мой отец обучил меня древнему искусству колдовства тохунга. Мне ни к чему верить, – хихикнул старый Руа. – Я знаю.

– А вот белые люди никогда не поверят в существование ваших сверхъестественных сил, Руа. Даже ваша молодежь сомневается...

Руа перебил его. Его внезапно окрепший голос громом раскатился в сумрачном воздухе.

– Мой народ, – провозгласил он, – стоит между двумя мирами. Всего за один век нам пришлось проделать путь, который вы преодолели за девятнадцать столетий. Немудрено, что мы страдаем эволюционным несварением желудка. Мы верноподданные сыны британского Содружества наций; ваши враги стали нашими врагами. Вы говорите о нашей молодежи. Она сродни путешественнику, оказавшемуся на каное в океане между двумя островами. Порой

наши дети взбрыкивают и ведут себя как расшалившиеся щенки. Иногда пакеха обучают их чему-то дурному. – Руа пылливо посмотрел на Смита, который, казалось, под его взглядом увял и съежился. – Да, законы пакеха наказывают людей, которые натворят чего-нибудь, напившись виски или пива, но другие пакеха сами толкают их на то, чтобы нарушить закон. Другие законы учат наших девушек быть смиренными и не заводить детей до замужества, однако в моем хапу живет и некий маленький мальчик по имени Хоани Смит, который согласно этим законам вовсе не имеет права носить такое имя.

– Ладно вам, Руа, это давняя история, – отмахнулся Смит.

– Хорошо, я вам напомню другую давнюю историю. Много лет назад, когда я был еще молод и полон сил, девушка из нашего хапу заблудилась в тумане и очутилась на пике Ранги. Случайно, не ведая, что творит, она забрела к священному месту захоронения моего дедушки и, будучи голодной, съела кусочек пищи, которую прихватила с собой. В таком месте большего святотатства и не придумать. Когда туман рассеялся, она поняла, что наделала, и, охваченная ужасом, вернулась. Пока старейшины решали, как с ней быть, ее отослали в горы. Ночью же, пытаясь пробраться назад в деревню, она сбилась с пути и свалилась прямо в Таупо-Тапу, кипящий источник. Ее предсмертный крик слышали все жители деревни. На следующее утро ее платье выбросило на поверхность – дух Таупо-Тапу отверг его. Когда ваш друг Квестинг в следующий раз спросит про токи моего дедушки, расскажите ему эту историю. И добавьте, что и в наши дни крик этой девушки порой еще раздается по ночам. А теперь – прощайте, – сказал Руа, величественно запахиваясь в одеяло. – Кстати, это правда, мистер Смит, что мистер Квестинг не раз заявлял о том, что, как только станет хозяином на курорте, вы лишитесь работы?

– Ну и черт с ним, – сердито заявил Смит. – Мне наплевать на эту работу. Если он станет боссом, я и сам уволюсь.

Вытащив из кармана бутылку виски, он принялся отвинчивать крышечку.

– А жаль, – покачал головой Руа. – Место у вас завидное. Спокойной ночи.

IV

Устроившись в уютной гостиной Клэров, Дайкон Белл разглядывал выцветшие фотографии времен индийской войны, запыленные корешки книг и картину с изображением британского полковника весной. Переместив взгляд в сторону, Дайкон невольно залюбовался раскинувшимся за окном первозданным пейзажем. Вопреки своей воле он был глубоко тронут – так неискушенный в музыке слушатель может быть потрясен звуками, которые неспособен осознать. За последние восемь лет, что Белл отсутствовал в Новой Зеландии, он много попутствовал по свету и посетил множество мест, славных своим античным прошлым, однако пейзаж, расстилавшийся сейчас перед ним за окном особняка Клэров, показался ему куда более диким и первобытным. Не осталось в нем и шрамов утерянной цивилизации.

Белл не знал, что скажет Гаунт, увидев все это. На следующий день после его возвращения они вместе сядут в машину и отправятся в Ваи-Ата-Тапу. Так, втроем, они исколесили уже не одну страну. Останавливались в лучших отелях или в роскошных квартирах, и везде – Гаунт иначе не мог – их ждал самый пышный и радушный прием. Дайкона вдруг охватило чувство паники. Как он мог поддаться на уговоры чудовищного мистера Квестинга и порекомендовать Гаунту этот любительский курорт с занудливыми и бесцветными Клэрами? Даже в тростниковой лачуге Гаунту было бы интереснее, чем в этой дыре.

Под окном промелькнула какая-то тень, и вскоре в гостиную вошла мисс Клэр. Дайкон, наметанный глаз которого быстро ловил всякие мелочи, не преминул отметить нелепость ее наряда, немодную стрижку и полное отсутствие какого-либо макияжа.

– Мистер Белл, – сказала Барбара, – мы хотели спросить вас, как лучше обставить комнаты мистера Гаунта. Должно быть, – добавила она, по-клоунски закатывая глаза, – вы находите нас примитивными и неловкими, да?

«Господи, что за шутовство, – подумал Дайкон. – А ведь она, наверное, считает, что кокетничает». Вслух же он произнес, что с удовольствием посмотрит комнаты, и, нервно теребя галстук, последовал за ней на веранду.

Восточное крыло пансиона, расположенное прямо напротив прибежища Клэров, преобразовали в апартаменты для Гаунта, Дайкона и Колли. Они состояли из четырех комнат: двух маленьких спален, одной совсем крохотной спальни и комнаты побольше, которую переделали в кабинет, соответствующий представлениям мистера Квестинга о том, как должен выглядеть кабинет знаменитости. Посередине торчали два хромированных стула, вместительное кресло и письменный стол – все аляповатое и в дурном вкусе, но зато с бирками изготовителя. Пол застлали новыми коврами, а на окна миссис Клэр вешала шторы. Мистер Квестинг, попыхивая толстой сигарой, по-хозяйски развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Завидев Дайкона, он вскочил.

– Ну надо же, кто к нам пожаловал, – расцвел он. – Как дела?

– Нормально, спасибо, – ответил Дайкон, который, проведя рядом с Квестингом почти целый день, уже с трудом переносил его развязный тон.

– Ну как, годится? – осведомился Квестинг, обводя рукой комнату. – Кто бы мог подумать: ведь всего сорок восемь часов назад мы с вами еще не были знакомы, мистер Белл. Наш вчерашний разговор настолько меня взбудоражил, что я помчался в лучшую мебельную компанию Окленда и сказал менеджеру: «Послушайте, я заберу у вас весь ваш ассортимент, если вы доставите все завтра к полудню в Ваи-Ата-Тапу. Если нет – то нет». Вот как я люблю делать дела, мистер Белл.

– Надеюсь, вы объяснили хозяевам, что Гаунт еще не дал окончательного согласия на свой приезд? – поинтересовался Дайкон. – Здорово вам пришлось потрудиться, миссис Клэр.

Миссис Клэр перевела вопросительный взгляд с Квестинга на Дайкона.

– Боюсь, – жалобно произнесла она, – что я не в состоянии по достоинству оценить современную мебель. Мне всегда казалось, что привычная домашняя обстановка куда уютнее... Впрочем, о вкусах не спорят.

Квестинг тут же вмешался с возражениями, но Дайкон лишь вполуха слушал его разглагольствования о необходимости следовать духу времени. Однако стоило Квестингу развязным тоном обратиться к Барбаре, как молодой человек мигом встрепенулся.

– А что наша маленькая Бабс скажет по этому поводу? – игриво спросил Квестинг.

Барбара отпрянула. Инстинктивно, как показалось Дайкону, точно на змею наступила. Он тут же, сам не зная почему, проникся к девушке сочувствием. Барбара больше не вызывала у него раздражения, а, напротив, представлялась трогательной и беззащитной. Быстро взглянув на миссис Клэр, Дайкон заметил, что она нахмурилась и стиснула руки. Судя по всему, могла разразиться сцена. Однако в это самое мгновение снаружи загромыхали прихрамывающие шаги, и несколько секунд спустя в проеме двери возник крупный рыжеволосый мужчина в летах, но сохранивший не просто привлекательность, но даже особую, какую-то гневную красоту. Увидев Квестинга, незнакомец остановился как вкопанный и метнул на бизнесмена испепеляющий взгляд.

– О, Джеймс, это ты, – сказала миссис Клэр, с некоторым облегчением, как показалось Дайкону. – Познакомься с мистером Беллом. Мой брат, доктор Акрингтон.

Уголкем глаза Дайкон заметил, что Барбара приблизилась к дяде.

– Хорошо доехали? – любопытствовал доктор Акрингтон, устремляя колючий взгляд на Дайкона. – Ужасные у нас дороги, верно? А я вот на рыбалку ходил.

Застигнутый врасплох этим неожиданным сообщением, Дайкон лишь вежливо пробормотал:

– В самом деле?

– Если, конечно, можно назвать это рыбалкой. Надеюсь, вы с Гаунтом не рассчитываете наловить здесь форели. Из-за расплодившихся национальных парков и постыдного поведения белых скотов-браконьеров здесь и за двадцать миль рыбу не встретишь.

– Ну что вы, доктор, – поспешно взвился Квестинг. – Как вы можете! Всем известно, что самые зарыбленные реки в Новой Зеландии...

– Вам нравится, Квестинг, когда вас называют просто «мистер»? – сварливо накинулся на него доктор Акрингтон. Голос его прозвучал с такой пугающей громкостью, что не ожидавший этого Дайкон даже подскочил, как током подброшенный.

Мистер Квестинг поежился, пожал плечами и ответил:

– Не особенно.

– Тогда не называйте меня просто «доктор», – требовательно заявил доктор Акрингтон.

Квестинг оглушительно заржал.

– Ладно, ладно!

Доктор Акрингтон обвел глазами комнату; вдруг у него отвалилась челюсть.

– Что вы тут натворили? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Мистер Квестинг, – судорожно сглотнув, ответила миссис Клэр, – любезно предложил...

– Что ж, я мог сразу узнать его неподражаемый стиль, – прогудел ее брат, поворачиваясь спиной к Квестингу. – Вы, разумеется, ночуете здесь, мистер Белл?

– Да, доктор Акрингтон.

– Я бы хотел перекинуться с вами парой слов. Загляните ко мне в комнату, когда выдастся свободная минутка.

– Непременно, сэр, – легонько поклонился Дайкон.

Доктор Акрингтон метнул взгляд на улицу и нахмурился.

– Во, лучший постоялец ползет, – фыркнул он. – Как всегда, почти на четвереньках. Повезло мистеру Беллу – может сразу же познакомиться почти со всеми нашими достопримечательностями.

Все высыпали наружу. Дайкон с неприязнью увидел невразумительную фигуру, валкой походкой приближавшуюся к дому.

– О Боже! – всплеснула руками миссис Клэр и беспомощно взглянула на брата. – Джеймс, ты не можешь...

Доктор Акрингтон решительно пересек веранду и приблизился вплотную к незнакомцу, который вдруг остановился и, яростно взмахнув руками, словно желая разодрать небеса, сунулся в карман плаща и после продолжительной борьбы со складками выудил на свет божий бутылку виски.

На глазах у Дайкона отвратительный субъект, тряхнув бутылку и убедившись, что она пуста, разинул пасть и тупо уставился на нее выпученными глазами, словно медитирующий йог. Затем, громко икнул, задрал голову и воззрился на доктора Акрингтона.

– Так-так, Смит, – укоризненно прогудел тот.

– Ха, – радостно осклабился пьяница. – З-здоровуха, док. Я вот тут как раз думал, ш кем бы мне выпить. Пойдем, пропустим штаканчик.

– Я бы на вашем месте воздержался, – строго сказал доктор Акрингтон.

Смит близоруко сощурился. Узнав кого-то, он вдруг злобно ощерился, но, шагнув вперед, зацепился одной ногой за другую, пошатнулся и едва не упал.

– Сейчас я с ним разберусь, – важно пообещал Квестинг и, торжественно попыхивая сигарой, приблизился к Смигу. Тот стоял, уцепившись за деревянный столб, и свирепо поедал противника глазами.

– Чтоб этого больше не было, Смит! – грозно произнес Квестинг, для вящей убедительности помахав пальцем перед носом выпивохи.

– Иди в жопу, – отчетливо произнес Смит. Затем, обедев взглядом зрителей, стащил шляпу и церемонно поклонился. – К ошталным не относиться, – добавил он.

– Вы слышали, что я сказал? – наступал на него Квестинг, сверкая очами. – Немедленно угомонитесь!

Смит пропустил его выпад мимо ушей.

– Это – ик, – што ли, и есть ваш гость? – спросил он, тыкая пальцем в сторону Дайкона. – Ради него вы тут так все расшкурочили? Ну-ка дайте поглядеть, что это за псиса...

Дайкону вдруг захотелось провалиться сквозь землю. Он даже не знал, кто из присутствующих сильнее сконфузился. Доктор Акрингтон вдруг оглушительно гоготнул, Барбара сдавленно захихикала, а миссис Клэр рассыпалась в извинениях. Сам Дайкон прикинулся, что не понимает, в чем дело. Может, ему и удалось бы разрядить положение, если бы в следующую секунду Смит не кинулся к нему, испустив истошный вопль:

– Пошмотрите-ка на этого пижона!

Квестинг попытался преградить ему дорогу, но с таким же успехом он мог бы остановить быка. Смит, радостно взревев, пригнул голову и смачно погрузил кулак в самую физиономию Квестинга, после чего налетел на него со всего маху, так что оба противника, потеряв равновесие, тяжело бухнулись на деревянный пол и покатались по веранде.

И вдруг, точно по мановению волшебной палочки, шум и гам прекратились. Дайкону случилось видеть подобное в голливудских фильмах. Смит, по частям выпростав свое брэнное тело, приподнялся и, весь дрожа, принялся бормотать какие-то извинения, в то время как Квестинг, выудив из кармана носовой платок, прикладывал его к рассеченной губе. Дымящаяся сигара, выпавшая из его рта, одиноко тлела на полу. Вся эта картина была выписана жутковатыми красками, поскольку блики закатившегося за пик Ранги солнца подсвечивали небо багрово-пурпурными тонами, а в отдалении ввысь мрачно вздымались столбы пара из горячих источников.

Дайкон догадался, что сейчас последует ожесточенная перепалка. И был не разочарован.

– У, тварь проклятая, – пропыхтел Квестинг, поглаживая вспухшую челюсть. – Вы за это полатитесь. Все, вы уволены.

– Ха, можно подумать, што вы мой босс, – презрительно выпалил Смит. – Ишь, размечтался.

– Ничего, уволю, – твердо пообещал Квестинг. – Как только все это станет моим...

– Хватит болтать, – оборвал его доктор Акрингтон.

– В чем дело? – послышался раздраженный голос. Из-за угла вынырнул полковник Клэр, следом за которым вприпрыжку трусил Саймон. Смит пьяно рыгнул и стоял раскачиваясь.

– Вам придется выгнать этого забулдыгу, – сказал Квестинг.

– А что он натворил? – с интересом осведомился Саймон.

– Я ему по жубам вдарил, – с гордостью заявил Смит. Сграбастав Саймона за лацканы, он радостно чмокнул его в щеку. – За всех вас заштупился. Твой папаша не выгонит меня, а, Сим?

– Это мы еще посмотрим, – многозначительно произнес Квестинг.

– Но почему... – спросил было полковник, однако доктор Акрингтон оборвал его.

– Позвольте мне пока увести мистера Белла ко мне, – произнес он ледяным тоном. – Если, конечно, он не предпочитает сидеть возле самого ристалища. Пойдемте, Белл, пропустим по стаканчику.

Дайкон с благодарностью принял приглашение и покинул поле боя, сопровождаемый шквалом извинений со стороны миссис Клэр и Барбары. Он проследовал за бойко прихрамывающим доктором в комнату последнего – довольно мрачный, хотя и опрятный закуток с громоздким, словно дредноут, письменным столом.

– Присаживайтесь, – пригласил доктор Акрингтон. Распахнув дверцы грубо сколоченного буфета, он достал с полки бутылку и две рюмки. – К сожалению, могу предложить вам только виски, – сказал он. – Хотя, возможно, после столь впечатляющей встречи с мистером Смитом вас это и не слишком прельщает. Современные напитки я как-то не очень уважаю.

– Спасибо, – кивнул Дайкон, – я люблю виски. А могу я спросить – кто этот человек?

– Смит-то? Совершенно никчемная личность. Пропойца. Безнадежный субъект. Еще подростком сюда прибился. Агнес, мою дражайшую сестрицу, пленило, что у него высшее образование. Впрочем, ей вообще свойственно преувеличивать, так что ничего удивительного я в ее поведении не нахожу. Порой в его речи и впрямь проскальзывают отдельные вполне приличные выражения, хотя большей частью его и без того небогатый лексикон напоминает помойку. Происхождения он сомнительного – полукровка, не помнящий отца. Впрочем, маори – добрые души – сочувствуют таким детям природы. Я ответил на ваш вопрос?

– Да, сэр, спасибо, – кивнул Дайкон, принимая рюмку виски.

– Моя сестрица относится к нему как к инвалиду. Должно быть, какое-то звериное чутье привело его сюда лет десять назад. Чувствует он себя здесь как рыба в воде. Его кормят, держат да к тому же еще и приплачивают за то лишь, чтобы он изредка пошатался по близлежащим склонам с топором. Смит, правда, предпочитает топорю бутылку виски. Словом, личность совершенно пропадающая, но вам он, надеюсь, докучать не станет. Откровенно говоря, сегодня вечером мои симпатии были на его стороне. Он сделал то, о чем я сам мечтаю вот уже последних три месяца. – Перехватив удивленный взгляд Дайкона, доктор Акрингтон пояснил: – Давно пора было вмазать Квестингу по роже. – Злорадно улыбнувшись, он тут же добавил: – Давайте выпьем за удачу.

Оба выпили.

– Что ж, – произнес доктор Акрингтон после некоторого молчания, – не сомневаюсь, что по возвращении в Окленд вы посоветуете своему боссу сторониться этого места как чумы.

Поскольку слова доктора Акрингтона как нельзя лучше отразили настроение Дайкона, он довольствовался только вежливым кудахтаньем.

– Хотя, если уж быть точным, вы угодили в самое пекло; ведь Смит не всегда пьян, а Квестинг не всегда здесь торчит.

– Вот как? А я думал...

– Нет, он частенько отлучается. Для меня его отъезд – праздник, так что причинами я не интересуюсь.

Доктор Акрингтон опустошил рюмку и прокашлялся. Дайкон чуть подождал, но его собеседник молчал, не развивая затронутую тему. Дайкону еще предстояло привыкнуть к тому, что доктор Акрингтон с равной легкостью способен ронять убийственные фразы и хранить гордое молчание.

– Что ж, – неуверенно пробормотал Дайкон, – коль скоро мы заговорили на эту тему, я хочу признаться, что пребываю в некоторой растерянности от встречи с мистером Квестингом. Могу я осведомиться, в самом ли деле этот курорт является... э-э-э... его собственностью?

– Нет, – мотнул головой доктор Акрингтон.

– Я задал этот вопрос, – поспешил объясниться Дайкон, – исключительно по той причине, что нас пригласил приехать сюда именно он. Я, разумеется, предупредил его, что Гаунт может и отказаться, но мистер Квестинг тем не менее пошел на риск и, как я вижу, не пожалел ни времени, ни денег, чтобы подготовить дом к приезду моего хозяина. И еще... доктор Форстер написал нам, что обращаться по всем вопросам мы должны к полковнику и миссис Клэр.

– Так оно и есть.

– Понимаю, – ответил Дайкон, который ровным счетом ничего не понимал. – Но – Квестинг?

– Если курорт вас не устраивает, скажите это моей сестре, – широким жестом разрешил доктор Акрингтон.

– И все-таки, – произнес Дайкон уже настойчивее, – к вопросу о Квестинге...

– Не обращайтесь на него внимания.

– Ах вот как.

Снаружи слышались шаги, а затем зазвучали и голоса: Смит сердито шепелявил, полковник Клэр истерично, на высоких тонах, обвинял, а Квестинг ревел как раненый лев. Дошей доктора Акрингтона и Дайкона стали доноситься обрывки фраз.

– ...раз полковник удовлетворен, жначит, все в порядке.

– ...вы давно уже напрашивались, так что теперь пеняйте на себя.

– ...только пошмейте, я вам снова жадницу надеру...

– ...какой позор! При гостях...

– ...завтра ты у меня отсюда вылетишь!

– Хватит, Квестинг! – вскричал полковник Клэр. – Это уже чересчур. Должен вам напомнить, что пока еще я здесь распоряжаюсь.

– Неужели? А кто вам позволяет? Следите за тем, что говорите, Клэр.

– За шобой лучше следи! – взревел вдруг Смит. – Жашранец чертов!

Доктор Акрингтон раскрыл дверь и вышел на веранду. Тут же воцарилось гробовое молчание. В распахнутую дверь ворвались серные пары.

– Я предлагаю, Эдвард, – произнес доктор Акрингтон, – чтобы вы продолжили свою столь содержательную беседу на помойке. У мистера Белла определенно сложилось мнение, что у нас ее нет.

Он захлопнул дверь.

– Налить вам еще рюмочку? – любезно осведомился он.

Глава 3

Гаунт на водах

I

– Еще каких-то пять дней назад, – заявил Гаунт, – ты всеми правдами и неправдами пытался заманить меня на этот курорт. Теперь же ты рвешь на себе волосы и голосишь, как штатная плакальщица на похоронах фараона. Не могу сказать, что ты очень последователен. Ух!

Автомобиль, в котором они ехали, внезапно подпрыгнул, угодив колесом в колдобину. Дайкон притормозил.

– Как-никак я все-таки побывал там, сэр. Пожалуйста, не забудьте, что я вас предупредил.

– Ты перестарался, дорогой. Уж в слишком мрачных тонах ты все это расписал, разбудив тем самым мое любопытство. И пожалуйста, Дайкон, постарайся, чтобы мы ухнули не в самую глубокую пропасть. Неужели новозеландцы и впрямь называют эту козью тропу главной дорогой?

– К сожалению, сэр, это единственное шоссе, которое соединяет Гарпун с Ваи-Ата-Тапу. Впрочем, это еще цветочки. Нортленд вообще не считается тут гористой местностью. Самые кручи у них на юге.

– Ты рассуждаешь как формалист, Дайкон. По мне, так это самая настоящая круча. Сорвавшись отсюда в пропасть, я не стану радостно хихикать, оттого что пролетел всего пятьсот футов, а не тысячу. Слушай, а почему здесь так воняет?

– Это аромат термальных источников, сэр. Говорят, когда привыкаешь, он даже начинает нравиться.

– Ерунда. Ты еще жив, Колли? – спросил он, обернувшись.

Колли, по самые уши заваленный багажом, слабым голосом простонал, что сам не знает, поскольку последние минуты сидит с зажмуренными глазами.

– Утром, когда мы ехали через леса, все было нормально, – добавил он, – но теперь, на этих проклятых ухабах, мне кажется, что мы вот-вот взлетим.

Дорога, петлявшая вдоль пересохшего речного русла, наконец-то выбралась на побережье. С левой стороны вдоль берега протянулась бесконечная полоска пустоши – Стомильный пляж. Тасманово море глухо рокотало в посвежевшем воздухе, а в отдалении уже горделиво вздымалась махина пика Ранги.

– Н-да, видик довольно мрачноватый, – заметил Гаунт. – Не пойму я, Дайкон, почему этот пейзаж так напоминает сказочный? Ведь эти холмы нельзя сравнить ни с причудливыми Доломитами, ни с величественными Скалистыми горами. И все же вид у них презагадочный, точно они хранят какую-то многовековую тайну. В чем дело?

– Возможно, это из-за того, что по очертаниям они напоминают вулканы, сэр. Впрочем, если они и впрямь скрывают какую-то тайну, ведают об этом только маори. Боюсь, вон тот конус вам еще изрядно поднадоест, сэр. Он ведь возвышается над всеми горными грядами близ курорта.

Дайкон выжидательно замолчал. Гаунт частенько проявлял интерес к пейзажам и окружающим красотам лишь для того, чтобы начать беспокойно ерзать и зевать, едва кто-то соглашался про них рассказывать.

– А почему только маори знают их тайну? – спросил актер.

– Эти горы с допотопных времен служили им местом погребения. Тела усопших сбрасывали в кратер. Это ведь и в самом деле потухший вулкан. Говорят, останков там как сельдей в бочке.

– Боже милосердный! – вырвалось у Гаунта.

Автомобиль лихо вкатил на косогор, и перед глазами путников раскинулось необъятное подножие пика Ранги, изрезанное морщинами уступов.

– Отсюда можно даже увидеть тропы, по которым они восходили, – произнес Дайкон. – По словам мисс Клэр, маори останавливались у самого подножия и разбивали лагерь на три дня. Танги устраивали – поминки то есть. Затем носильщики, сменяя друг друга, поднимали тело на вершину. Когда умирал вождь, плач и стелания слышались даже в Ваи-Ата-Тапу.

– Жуть! – воскликнул Колли.

– А можно заглянуть в кратер?

– Не уверен. По словам Клэров, вся эта территория – резервация маори. Значит – строжайшее тапу.

– Тапу?

– Мы привыкли произносить это слово иначе – табу. Неприкосновенная святыня. Запретная зона. Впрочем, я не знаю, забираются ли маори на пик Ранги в наши дни. Хотя для пакеха доступ туда строжайше воспрещен. Уж очень велик соблазн – ведь вместе с вождями хоронили и их оружие. Когда лет сто назад умер вождь Реви, где-то на склоне вулкана похоронили его драгоценный топор, который он унаследовал от предков. Легенды об этом топоре, прославившемся в кровавых сечах, передавались у маори из поколения в поколение. Токи-поутангата – топорик из зеленого порфира. На нем есть какой-то тайный знак, и, говорят, великий бог Тане наделил его сверхъестественной силой. Любой коллекционер отдал бы за него целое состояние. Однако белый человек не смеет там появляться.

– Как далеко отсюда до этого пика?

– Миль восемь.

– А кажется – не больше трех.

Некоторое время они ехали, храня молчание. Горы плавно скользили назад, словно переносная декорация. Дайкон уже узнавал местность и ощущал нарастающую тревогу.

– Эй, а что там за сарай справа внизу? – спросил вдруг Гаунт. – На казарму похож.

Дайкон не ответил, вырвав к обветшалым воротам.

– Надеюсь, ты не посмеешь сказать, что мы прибыли на место? – грозно осведомился Гаунт.

– Увы, сэр, вы правы.

– Ну, Дайкон, ты у меня за это попляшешь! Что за клоповник такой! И воняет как в преисподней. Колли, нас предали!

– Мистер Белл предупреждал вас, сэр, – отважно напомнил Колли. – Кстати, по-моему, здесь довольно мило.

– К сожалению, сэр, привычного комфорта вы здесь не найдете, – вздохнул Дайкон. – А вот, кстати, и сами целебные источники.

– Как, вон те мерзкие лужи?

– Да. А вон и Клэры, на веранде собрались. Встречают вас, сэр, – елеинным голосом добавил Дайкон. Уголком глаза он заметил, что актер проверил узел галстука, а затем поправил шляпу. «Как перед выходом на сцену», – подумал он.

Автомобиль прогромыхал по подъездной аллее и выкатил на пемзовую террасу. Дайкон остановил его перед самой верандой, затем выбрался наружу и, сняв шляпу, поднялся к застывшим в ожидании Клэрам. Молодой человек трясся как осиновый лист. Семейство Клэр расположилось словно на портрете старого мастера: миссис Клэр с полковником сидели в шезлонгах, Барбара пристроилась рядом на ступеньках, сжимая в руках упиравшуюся собачонку, а

Саймон, с горящими нетерпением глазами и свирепой физиономией, гневно высился за спиной матери. Для полноты картины не хватало только пса с парой гончих на сворке.

Не успел Дайкон взойти на первую ступеньку, как на веранду вышел доктор Акрингтон.

– Вот и мы! – с наигранной живостью воскликнул Дайкон. Клэры дружно, как по команде, встали. Не помня себя от сомнения, смущения и опаски, Дайкон обменялся со всеми рукопожатием. Барбара кинула взгляд через его плечо, и молодой человек с беспокойством (впоследствии оказавшимся пророческим) заметил, как побелели не тронутые помадой губы девушки.

Вдруг, почувствовав прикосновение руки Гаунта, Дайкон спохватился и поспешно представил его хозяевам.

Теплее всех встретила звезду миссис Клэр, однако оказанный ею прием мог показаться актеру не только непривычным, но и странным: с таким же успехом она могла приветствовать, например, немощного викария, назначенного в нищий приход.

– Вы, должно быть, устали, – заботливо заквохтала она. – Целый день провели в машине.

– Нисколько, – залихватски ответил Гаунт, достигший возраста, в котором мужчина еще способен проявлять присущий молодости задор.

– Но дорога ведь такая разбитая, да и вид у вас усталый, – настаивала миссис Клэр. Дайкон заметил, как заморозилась улыбка на губах Гаунта. Он повернулся к Барбаре. Дайкону отчего-то вдруг захотелось, чтобы девушка понравилась Гаунту. Поэтому на лице его появилось тревожное выражение, когда она судорожно дернулась, а затем широко раскрыла глаза и игриво склонила голову набок, словно замышляющий каверзу щенок.

«О черт, опять она за свои гримасы», – с трепетом подумал он.

– Добро пожаловать в нашу смиренную обитель, сэр, – замогильным голосом произнесла девушка.

Гаунт быстро отдернул руку.

– Вам здесь, должно быть, скучно будет? – пророкотал полковник Клэр, посмотрев на гостя и тут же отведя глаза в сторону. – Не привыкли небось к такой тихой провинции?

– Что вы, – поспешно заулыбался Гаунт. – Мы даже обсуждали по дороге, насколько окружающий пейзаж напоминает театральную декорацию. – Он небрежно махнул тростью в сторону пика Ранги. – Как будто вот-вот оркестр грянет.

Полковник Клэр показался озадаченным и даже слегка обиженным.

– А это мой брат, – пробормотала миссис Клэр. Доктор Акрингтон неуклюже приблизился, припадая на одну ногу. Внимание Дайкона привлек Саймон – молодой человек вдруг сорвался с места, сбежал по ступенькам, подскочил к растерявшемуся Колли и крепко стиснул его правую руку. Колли, который собирался разгрузить багаж, от неожиданности отпрянул, чуть не упав.

– Здорово, – радостно выпалил Саймон. – Я помогу вам таскать вещи.

– Спасибо, сэр, я сам справлюсь.

– Давайте же, – не унимался Саймон. Схватив за ручку чемодан из свиной кожи, он резко, как морковку из грядки, выдернул его из машины и плюхнул на землю. Колли отчаянно завещал.

– Э, так не пойдет! – прогремел властный голос. Откуда-то возникший мистер Квестинг поспешно затопал вниз по ступенькам. – Отойдите-ка, молодой человек, – повелительно произнес он, оттирая Саймона от машины.

– С какой стати?

– С дорогими вещами так не обращаются, – высокомерно изрек мистер Квестинг. – Вам бы уже следовало это знать. Такой багаж требует бережного обхождения. – Он вдруг подмигнул Дайкону: – Верно я говорю?

В следующий миг, увидев Гаунта, мистер Квестинг сдернул шляпу. Произшедшая с ним перемена была поразительна. Так преобразиться мог лишь опытный лицедей или деше-

вая марионетка в умелых руках уличного кукловода. Любезность, граничащая с заискиванием, выпирала у него из всех пор.

– Увы, не имею чести... – начал он.

– Мистер Квестинг, – представил его Дайкон.

– Это воистину великий день для нашего курорта, – с придыханием произнес мистер Квестинг. – Настоящий праздник.

– Благодарю вас, – сдержанно сказал Гаунт, смерив его взглядом. – С вашего позволения, я хотел бы посмотреть свои комнаты.

Он повернулся к миссис Клэр:

– Дайкон сказал, что вы просто с ног сбились, мадам, обустривая мое жилье. Это очень любезно с вашей стороны. Я очень тронут, поверьте.

Дайкон не преминул заметить, насколько речь его, произнесенная с подкупающей искренностью, которой был славен Гаунт, пленила миссис Клэр. Она так и просияла.

– Я постараюсь не слишком обременить вас, – добавил Гаунт. И кивнул. – Да.

Последнее слово адресовалось уже мистеру Квестингу.

Выстроившись гуськом, они зашагали по веранде. Возглавлял шествие мистер Квестинг, почтительно державший шляпу в руке.

II

Сидя на краешке раскладной кровати в маленькой душной спальне, Барбара разглядывала платье. Какое из двух ей надеть на первый ужин? Оба одеяния знавали лучшие времена. Кружевное красное прислала пару лет назад из Индии ее младшая тетка, которая, судя по всему, и сама красовалась в нем не один год. Барбара подогнала платье по фигуре, однако что-то напутала с плечами, которые теперь некрасиво пузырились именно в тех местах, где им следовало прилегать. Чтобы хоть немного скрасить впечатление, девушка пришила к одному плечу большой черный бант. Платье было длинное, и прежде она никогда его не надевала. Появись она в нем к ужину, Саймон наверняка отмочит какую-нибудь гадость. А что делать? Не надевать же короткий синий сарафан с грязно-желтым узором. Барбара, правда, расшила его мелкими ракушками и смастерила атласный пояс, но даже ей самой сарафан представлялся довольно страшеньким. Эх, была не была! Решительно стянув через голову легкое ситцевое платье, Барбара облачилась в красное кружевное платье и посмотрела в почерневшее от времени зеркало. Нет, в этом наряде она всегда будет напоминать себе неведомую тетку Винни, которая два года назад начертала в сопроводительной записке: «Посылаю всякую ерунду. Надеюсь, красный цвет окажется к лицу малышке Ба». Окажется ли? Барбара с сомнением посмотрела в зеркало на свое неясное отражение. И вдруг, решившись, принялась сдирать с себя пропахшее нафталином одеяние.

– Барбара! – послышался нетерпеливый голос ее матери. – Где ты, Ба?

– Иду!

Что ж, выхода нет, придется натянуть сарафан.

Наконец запыхавшаяся и взмокшая Барбара оделась. Облачившись в чистый фартук, она молитвенно сцепила руки.

«О Боже, сделай так, чтобы ему здесь понравилось, – подумала она. – Пожалуйста, Господи, помоги мне».

III

– Неужели вы и впрямь сможете это вынести? – спросил Дайкон.

Гаунт возлежал на софе, вытянувшись во весь рост и закинув руки за голову.

– Смогу, – усмехнулся он. – Я вынесу все, что угодно, не считая Квестинга. Этот субъект пусть держится от меня подальше.

– Я же вам говорил...

– Господи, ну что ты заладил как попугай: «Говорил я вам!» Нужно было убедить меня! Быть понастойчивее. – Покосившись на Дайкона, актер вдруг улыбнулся и добавил: – Ладно, не дуйся. В свое время мне пришлось немало попутешествовать, а это место до странности напоминает одну из бесчисленных ночлежек, в которых мне доводилось останавливаться. А там посмотрим – стерпится-слюбится. Единственная просьба – избавь меня от Квестинга, и я готов хоть в пещере жить.

– Сегодня вечером по меньшей мере он не будет вам докучать. Очередная деловая встреча. На случай, если бы ему вздумалось ее отменить, я сказал, что вам страшно жаль, но вы устали и рано ляжете спать. И спровадил его.

– Замечательно. В таком случае я отужинаю *en famille*⁶ и лягу спать, когда мне заблагорассудится. Между прочим, я еще с мистером Смитом не познакомился. А вдруг он снова отделает нашего Квестинга?

– Похоже, Смит напивается, только когда получает очередной чек, – сказал Дайкон, затем, чуть помявшись, добавил: – Как вам понравились Клэры, сэр?

– Занятные персонажи. Даже пародийные. В Уэст-Энде таких днем с огнем не сыскать. А бравым усищам полковника позавидовал бы и бригадир Жерар.

– Миссис Клэр просто влюблена в вас, – сказал Дайкон.

Гаунт пропустил его реплику мимо ушей.

– Поразительная галерея персонажей, – произнес он. – Даже не верится, что они и в самом деле существуют. Одежда, речь... А мисс Клэр – такую кривляку ведь даже нарочно не придумаешь.

– По-моему, – сдавленно произнес Дайкон, – она довольно миловидная. Если не обращать внимания на одежду, конечно.

– О, а ты, я вижу, шустрый паренек, – улыбнулся Гаунт.

– Они очень добрые и славные люди.

– А ведь до нашего приезда сюда ты их буквально грязью поливал. Почему же вдруг переметнулся в их лагерь?

– Я только говорил, сэр, что вам с ними будет скучно.

– Напротив, они меня очень даже развлекают. По-моему, они все очень потешные. Настоящие комедианты. А в чем дело?

– Ни в чем. Извините. Просто я вдруг проникся к ним симпатией, – выдавил Дайкон, криво улыбаясь. – Да и сцена на веранде показалась мне очень грустной. Интересно, сколько они просидели в такой позе?

– По-моему, целую вечность. Собачонка уже извертелась, а юный отпрыск, кажется, готов был растерзать нас.

– Я все равно нахожу их трогательными, сэр, – сказал Дайкон и отвернулся.

Мимо их окна на цыпочках прокрались миссис Клэр и Барбара с садовыми лопатами в руках; на головах женщин красовались широкополые шляпы, а лица выглядели торжественными и сосредоточенными. Когда обе женщины чуть отделились, Дайкон услышал их шепот.

– Господи, – вскричал Гаунт, – почему они крадутся мимо собственного дома, как грабители при лунном свете? Что они затевают?

– Просто я объяснил им, что перед ужином вы любите отдыхать. А они – чистые души – боятся вас потревожить. Должно быть, они собрались покопаться в грядках – за домом разбит огород.

---

⁶ В семейном кругу (*фр.*).

Чуть помолчав, Гаунт произнес:

– Кончится все тем, что я утрачу уверенность и начну стыдиться самого себя. Ничто так не заставляет заняться самотерзанием и кишкоедством, как постоянное общение с самоотверженными людьми. Тем более дилетантами. Давно они здесь живут?

– Лет двенадцать. Может, и больше.

– Двенадцать лет, и они так еще ничему и не научились!

– Они очень стараются, – произнес Дайкон. Выйдя на веранду, он увидел, что со стороны озера к источникам медленно бредет какой-то человек.

– К нам посетитель, – громко сказал Дайкон.

– Кого там еще черт несет? Смотри мне, Дайкон, я ни с кем встречаться не собираюсь.

– Думаю, что он не по вашу душу, сэр, – поспешил успокоить актера Дайкон. – Это маори.

И в самом деле – к курорту приближался старый Руа. На нем был костюм, приобретенный лет семь назад по случаю прибытия герцога Глостерского. Старик медленно пересек пемзовую террасу, подошел к веранде, дважды стукнул посохом по деревянной опоре и стал терпеливо дожидаться, пока его заметят. Наконец на веранду выскочила Хойя и, узнав прадедушку, сдавленно фыркнула. Руа строго обратился к ней на языке маори, и девушка, выслушав его, вернулась в дом. Старый вождь уселся на край веранды, опершись подбородком о посох.

– И все-таки, сэр, – извиняющимся тоном заговорил Дайкон, – боюсь, что он к вам. Я только сейчас узнал его.

– Я никого не приму, – скрипучим голосом сказал Гаунт. – Кто он?

– Маорийская версия «Последнего из могикан». Руа Те-Каху. Порой он даже заседает в парламенте как депутат от местного округа. Держу пари, что он пришел выразить вам свое почтение.

– Прими его сам. Надеюсь, мы прихватили какие-нибудь фотографии?

– Не думаю, что ему нужен ваш автограф, сэр, – отважился предположить Дайкон.

– Ты определенно решил добить меня, – беззлобно сказал Гаунт. – Как бы то ни было, я хочу, чтобы ты сам пообщался с ним.

В кабинете полковника Клэра, комнатенке размером с крохотную кладовку, но куда менее уютной, Руа поведал о цели своего визита. С мрачных стен угрожающе глазели выцветшие фотоснимки сикхов в тюрбанах – участников команд по игре в поло, память по Индии. Окинув взглядом фотографии, старый Руа заговорил:

– От лица моего хапу я пришел с приветствием к вашему знаменитому гостю, мистеру Джеффри Гаунту. Все маори Ваи-Ата-Тапу сердечно рады его приезду и говорят ему: «Хаере май».

– Большое спасибо, Руа, – сказал полковник. – Я непременно передам ему.

– Мы знаем, что он любит покой и уединение. Однако если ему захочется послушать, как звучат наши песни, он окажет нам честь, придя в субботу вечером на концерт. От имени своего хапу я приглашаю также ваших гостей и всю вашу семью, полковник.

Брови полковника Клэра изогнулись, а глаза и рот широко раскрылись. Не то чтобы он был очень удивлен, нет – просто таким образом он привык воспринимать все новое.

– А? – переспросил он наконец. – Как вы сказали – концерт? Чрезвычайно мило с вашей стороны, Руа, просто замечательно. Ну надо же – концерт!

– Как вы считаете, придет мистер Гаунт?

Полковник Клэр вдруг судорожно дернулся.

– Придет ли Гаунт? Э-э-э... не знаю, не уверен. Может, спросить его, а? Секретарю передать?

Руа с достоинством преклонил голову.

– Разумеется, – сказал он.

Полковник Клэр резко вскочил и высунул голову в окно.

– Джеймс! – заорал он. – Иди сюда!

– Зачем? – откликнулся доктор Акрингтон.

– Ты мне нужен. Это мой шурин, – пояснил он Руа, понизив голос. – Послушаем, что он скажет по этому поводу.

Он вышел на веранду и закричал во всю мочь:

– Агнес!

– Ау? – откликнулась из дома миссис Клэр.

– Иди сюда.

– Сейчас, дорогой.

– Барбара!

– Одну минутку, па. Я занята.

– Иди сюда, говорю.

Оповестив таким образом своих домочадцев, полковник Клэр плюхнулся в кресло и, посмотрев на Руа, вдруг ни с того ни с сего разразился смехом. Его взгляд упал на роман в стиле вестерна, который он читал перед приходом Руа. Полковник был большим поклонником остросюжетного чтения, глотая подобные поделки одну за другой, поэтому вид раскрытой книжки подействовал на него как мед на муху. Вежливо улыбнувшись Руа, полковник предложил ему закурить. Руа поблагодарил и, взяв одну сигарету, осторожно зажал ее кончиками большого и указательного пальцев. Клэр покосился в сторону своего вестерна. Будучи дальноворком, он с легкостью различал напечатанное.

– Я хотел обсудить с вами еще кое-что, – произнес Руа.

– Да? – вскинул брови полковник Клэр. – Вы много читаете?

– Боюсь, что зрение мое уже не то, что прежде, но четкий шрифт я пока воспринимаю.

– Многие современные писульки просто полная чепуха, – развил свою мысль полковник Клэр и словно невзначай потянулся к вожделенному вестерну. – Взять, например, хотя бы этот. Кровь, стрельба, драки! Полная чушь.

– Я немного обеспокоен, – продолжал Руа. – До меня дошли довольно тревожные слухи...

– Вот как? – с отсутствующим видом откликнулся полковник Клэр, переворачивая страничку.

– ...которые касаются нашей резервации. Вы ведь всегда хорошо относились к нашему народу, полковник...

– Не за что, – рассеянно произнес полковник, шаря по сторонам в поисках очков. – Всегда рад помочь... – Найдя очки, он водрузил их на нос и как бы случайно оставил раскрытую книжонку на коленях.

– С первых же дней после вашего приезда в Ваи-Ата-Тапу между вами и моим хапу завязалась дружба. Кроме вас, мы не хотим видеть здесь никого другого.

– Очень мило с вашей стороны. – Полковник Клэр уже откровенно погрузился в чтение, продолжая, однако, любезно улыбаться. Он пытался делать вид, будто только изредка посматривает в книгу, но получалось это у него довольно неуклюже. Голос старого Руа звучал с убаюкивающей монотонностью. Маори вообще отличались неторопливостью, а согласно их давним, почти забытым, традициям сразу переходить к сути разговора считалось неприличным. Доброе отношение Руа к полковнику имело под собой двенадцатилетние корни. Когда Клэры приехали на курорт, в Ваи-Ата-Тапу бушевала особенно свирепая эпидемия гриппа. Это был настоящий мор. Гарпунские врачи, ведомые вспыльчивым и переутомленным доктором Тонксом, буквально сбились с ног, пытаясь помочь больным, но оказались вконец бессильны, наткнувшись на непреодолимую преграду патриархальных обычаев маори. Сам же Руа, которого слушались беспрекословно, свалившись с жестокой лихорадкой, был не в состоянии хоть чем-то помочь своему хапу. Затягивавшиеся на несколько дней похоронные церемонии с неизменными плачем и скорбными причитаниями, исполнением песен смерти и бесконечными помин-

ками способствовали безудержному распространению завезенной из Европы заразы. Маори были запуганы, растеряны, озлоблены и невероятно упрямы, поэтому у бедных врачей просто опускались руки. Вот в какой обстановке оказались приехавшие Клэры. Миссис Клэр мигом развила бурную деятельность, предоставив свой только что отстроенный дом под больницу, а сама добровольно взвалила на себя нелегкие обязанности медсестры и сиделки. Первым ее пациентом оказался как раз Руа. Полковник Клэр, в силу своей рассеянности начисто лишенный высокомерия и чопорности, свойственных пожившим в Индии англичанам, легко сошелся с маори и быстро стал для них своим. Война же сблизила их еще больше. Полковник командовал местным народным ополчением и призвал под свои знамена многих сограждан Руа. Вождь и сам считал, что друзья-пакеха спасли ему жизнь, и был искренне к ним привязан, хотя и находил их немного потешными. Вот почему он нисколько не обиделся на полковника, когда тот стал украдкой почитать вестерн прямо у него на глазах. Старик продолжал невозмутимо бубнить, безуспешно состязаясь с белокурыми красотками и тexasскими рейнджерами, вооруженными «кольтами» и лассо.

– ...пик Ранги – наше национальное достояние, и мы не потеряем, чтобы по нему разгуливали пакеха. Один наш юноша не раз видел, как этот прохвост спускался по западному склону с рюкзаком за плечами. Поначалу он сдружился с этим отщепенцем Эру Саулом – дурным пакеха и уж совсем скверным маори. Теперь они находятся в ссоре, причем поссорились из-за моей правнучки Хойи. Хотя она и взбалмошная девчушка, но ни один из них не стоит ее мизинца. Так вот, по словам моего внука Ранги, Эру сказал ему, что мистер Квестинг затеял какую-то нечестную игру и постоянно околачивается на пике. Поскольку он ваш гость, мы делаем вид, что ничего не замечаем, однако в последнее время он начал общаться с некоторыми безмозглыми юнцами, внушать им дурные мысли и намерения. А вот это мне уже совсем не по нутру, – сказал Руа, и глаза его гневно сверкнули. – Я не потерплю, чтобы мою молодежь развращали. Достаточно и того, что мистер Герберт Смит угощает наших юношей виски, спивает и превращает в свиней. Никчемная личность. Но даже он пришел ко мне, чтобы открыть глаза на Квестинга.

Вывалившись из рук полковника Клэра, книжка плюхнулась на пол. Глаза полковника вылезли на лоб, челюсть отвисла. Лицо его сделалось белым как мел.

– К-то? – проквакал он. – Квестинг? Что вы сказали про Квестинга?

– Вы меня не слушали, полковник, – укоризненно произнес Руа.

– Нет, я слушал очень внимательно, но просто не все понял. Туговат что-то на ухо стал в последнее время.

– Прошу прощения. Так вот, я вам говорил, что мистер Квестинг лазает по пику Ранги в поисках захороненных реликвий и хвастается, что через некоторое время Ваи-Ата-Тапу перейдет в его полную собственность. Я и пришел, собственно говоря, чтобы спросить вас, полковник, с глазу на глаз, правда ли это.

– Кто там упоминает всеу имя Квестинга? – прогромыхал доктор Акрингтон, возникая на пороге в домашнем халате. – Привет, Руа. Как дела?

– Началось все с Гаунта и с приглашения на концерт, – понуро пробормотал полковник, – а теперь выяснилось, что он пришел из-за Квестинга. Причем – строго конфиденциально.

– Какого черта ты тогда меня звал, если вы тут тайком шушукаетесь? Похоже, все в этом доме сговорились не дать мне избавиться от ишиаса.

– Я просто хотел услышать твое мнение по поводу того, согласится ли Гаунт сходить на концерт к Руа. Его люди любезно предложили...

– Откуда мне знать, черт побери? Белла спроси. А с вашей стороны, Руа, это и впрямь очень мило.

– Ну вот, а потом, значит, Руа заговорил про Квестинга и про пик Ранги...

– Слушай, давай будем звать его Квислингом⁷, и тогда все сразу встанет на свои места, – громогласно предложил доктор Акрингтон. – Это ведь в точности отражает его подлую сущность.

– Джеймс! Я требую, чтобы ты... В конце концов, ведь у тебя нет никаких доказательств!

– У меня нет! Да неужели? Ладно, это мы еще посмотрим. Ждать осталось недолго.

Руа встал.

– Может быть, если это не составит вам труда, вы спросите секретаря мистера Гаунта...

– Да-да, – поспешно заверил его полковник Клэр. – Разумеется. Сейчас, одну минуту.

Он, спотыкаясь, покинул комнату, и его торопливые шаги загремели по веранде, постепенно удаляясь.

Проницательные, не по возрасту живые глаза Руа уставились на доктора Акрингтона, однако старик молчал.

– Значит, он опять шастает по вашей территории? – желчно спросил доктор Акрингтон. – Я мог рассказать вам об этом еще давно, когда пустили ко дну «Ипполиту».

Морщинистые руки Руа вздрогнули, но он по-прежнему не раскрывал рта.

– По ночам, значит, лазает? – добавил доктор Акрингтон. – С фонарем. Я ведь сам его не раз засекал. Черт бы побрал этого проныру – всюду сует свой длинный нос.

– До сих пор, – миролюбиво заговорил Руа, – я не верил всем этим историям про шпионов. Они всегда казались мне чепухой и глупыми бреднями.

– Как же! – ядовито усмехнулся доктор Акрингтон. – С какой бы это стати именно Новую Зеландию, единственную из всех стран британского Содружества, вдруг миновала чаша сия? Боятся, что ли, нас немецкие шпионы? Такие мы свирепые и страшные? Ха!

– Но ведь свидетели утверждают, что видели, как он просто копался в земле.

– А по-вашему, они должны были видеть, как он шлет сигналы? Конечно, он копает. Пытается разыскать и разграбить захоронения ваших предков. Поэтому я и не сомневаюсь, что, когда его схватят, он предъявит какие-нибудь трофеи в свое оправдание.

Поджав нижнюю губу, Руа заговорил чуть напыщенно и с расстановкой:

– Почтенный возраст до сих пор позволял мне лишь провожать своих внуков и правнуков на войну. Однако если вы правы, то и для старого воина еще найдется подходящее занятие.

Он хмыкнул, и доктор Акрингтон поспешно поднял голову.

– Я наговорил вам много лишнего, – сказал он. – Пусть все это останется между нами, Руа. Одно неосторожное движение – и мы его спугнем. Правда, я уже предпринял кое-какие шаги, чтобы подстраховаться. Кстати говоря, Руа, ведь на пике наверняка осталась целая уйма укромных местечек. Если ваши юноши еще не утратили навыков великих охотников и следопытов...

– Да, мы что-нибудь придумаем, – сдержанно произнес Руа. – Несомненно. Я сам за это возьмусь.

– В чем дело, дорогой? – спросила внезапно появившаяся в проеме двери миссис Клэр. – Ой, простите! Мне показалось, Джеймс, что Эдвард звал меня. Добрый вечер, Руа.

– Я и в самом деле звал тебя, Агнес, часа полтора назад, – едко заметил ее муж откуда-то сзади, – но теперь уже поздно. Старый Руа приходил сюда с... А, вы еще здесь, Руа! Так вот, секретарь мистера Гаунта просил передать, что они с радостью принимают приглашение.

Со стороны кухни показалась Барбара. Пристроившись к столпившимся у дверей родителям, она спросила:

– Чего ты хотел, па?

– Никто ничего не хотел, черт возьми! – раздраженно завопил полковник Клэр. – Чего вы все ко мне пристали? Ну и семейка.

⁷ Квислинг, Видкун (1887–1945) – организатор и лидер фашистской партии в Норвегии.

– Для моего народа это великая честь, – сказал Руа. – Пойду передам им радостную новость. Спокойной ночи.

Не успел он выбраться на веранду, как подскочившая правнучка Хойя зазвонила колокольчиком прямо перед его лицом, приглашая старика к ужину. Руа отечески пошлепал ее по спине и пустился в обратный путь. На веранду вынырнул несколько озадаченный Дайкон, следом за которым появился и Гаунт. Довольная, что видит воочию знаменитого гостя, Хойя закатила глаза и, громко хохоча, оглушительно тренькала колокольчиком, пока подоспевшая Барбара не отобрала его.

– К ужину зовут, – провозгласила миссис Клэр, трясая головой с несколько ошарашенным видом. Повернувшись к Гаунту, она почтительно предложила ему проследовать в столовую. Выстроившись гуськом, хозяева и гости зашагали по направлению к двери. В последний миг к ним присоединился и Саймон, выскочивший, как всегда, из своей мастерской.

Однако первому ужину так и не суждено было состояться без очередного нагромождения нелепостей и несуразностей, которые Дайкон уже привык связывать с семейством Клэров. Стоило только Гаунту и миссис Клэр приблизиться к заветной двери, как со стороны кухни послышался дикий шум.

– Где полковник? – вопил возбужденный голос. – Я должен срочно видеть полковника!

В следующую минуту с противоположной стороны в столовую влетел запыхавшийся и разгоряченный Смит. Лицо его было окровавлено. Оттолкнув Гаунта и миссис Клэр, он подскочил к полковнику и схватил его за грудки.

– Скорей! – завопил он, брызгая слюной. – Караул! Помогите мне! Он пытался меня убить!

Глава 4

Красный – значит опасно

I

Памятуя о своей предыдущей встрече с мистером Смитом, а также учуяв резкий запах винного перегара, Дайкон поначалу решил, что Смит попросту в стельку пьян. Однако немного погодя он понял, что бедняга насмерть перепуган. Судя по всему, такую же ошибку совершили и Клэры, в первые минуты тщетно пытавшиеся утихомирить Смита. В итоге именно доктор Акрингтон, бросив на Смита пытливый взгляд, сказал своему зятю:

– Постой-ка, Эдвард, кажется, ты заблуждаешься. Идемте со мной, Смит. Расскажите мне, что случилось.

– Никуда я не пойду. Хватит с меня уже этих прогулок – я чудом остался жив! Говорят вам – он убийца!

– Кто? – послышался откуда-то голос Саймона.

– Квестинг ваш.

– Побойтесь Бога, Смит! – воскликнул полковник и, ухватив его за локоть, попытался увлечь на веранду.

– Отстаньте от меня. Я знаю, что говорю. Ясно вам?

– О, папочка, только не здесь! – вскричала Барбара, а миссис Клэр поспешно добавила:

– Да, Эдвард, ступайте лучше в кабинет. – И шепнула Смицу, который упирался и брыкался, как раскапризничавшийся школьник: – Да-да, Герберт, в кабинете вам будет удобнее.

– Вы же меня не слушаете! – возмутился Смит. И вдруг, ко всеобщему смущению, за исключением разве что Гаунта, принялся громко хныкать. – Человек, можно сказать, стоял одной ногой в могиле, а вы его в кабинет тащите.

Гаунт покатился со смеху, потом вдруг посерьезнел и предложил миссис Клэр:

– Пожалуй, нам лучше уйти.

– Да, конечно, – закивала миссис Клэр.

Однако сама она вместе с Саймоном продолжала стоять в дверях, мешая проходу. Смит же, мигом раскусив их намерения, проорал:

– Не уходите! Мне нужны свидетели! Я хочу, чтобы вы все остались.

Гаунт благодушно окинул взглядом искаженные ужасом лица и сказал:

– Что ж, давайте тогда присядем.

Барбара порывисто ухватила своего дядю за руку.

– Дядюшка Джеймс! – зашептала она. – Остановите его! Вы не должны этого допустить! Пожалуйста, дядюшка Джеймс!

– Ладно, присядем так присядем, – миролюбиво произнес доктор Акрингтон.

Все торжественно и чинно прошествовали в столовую и расселись за столиками, словно готовясь любоваться выступлением певички из кабаре. Это, похоже, успокоило Смита, который занял стратегически выгодную позицию между столиками. С самодовольством убежденного седины ветерана войны, которому удалось наконец загнать в угол безропотного слушателя, он приступил к рассказу.

– Все это случилось на переезде, – начал он. – Мы с Эру Саулом находились на пике Ранги. Причину скрывать от вас не стану – Квестинг постоянно там околачивается, а маори это не нравится. Раньше днем мы с Эру увидели, как он покатил туда на машине, и решили, что, пройдя напрямик через кустарник, срежем путь и посмотрим, чем он там занимается. Однако

мы его так и не увидели – должно быть, этот проходимец обогнул пик с другой стороны. Мы прождали в засаде около часа, а потом мне надоело, и я решил спуститься. Вот так я и оказался возле железной дороги в паре чейнов⁸ от переезда.

– Возле моста, – уточнил Саймон.

– Возле моста, говоришь? – вдруг взорвался Смит. – Где же еще, черт побери! И зарубите себе на носу – там вот-вот должен был проследовать пятичасовой поезд из Гарпуна. Вы ведь представляете, как там это происходит. Железная дорога петляет в кустарнике, потом огибает подножие пика и проходит через крохотный туннельчик. Там ни черта не видно и не слышно. И глазом не успеешь моргнуть, как по тебе прокатится поезд.

– Это точно, – кивнул Саймон, словно желая защитить Смита от недоверчивых слушателей.

– А на мосту вообще полная погибель. Сигналов семафора с него не видно, а вот изгиб дороги, выходящей к переезду, оттуда виден как на ладони. Чтобы перебраться через овраг, нужно либо пересечь мост, прыгая по шпалам, как козел, или, наоборот, спуститься и перейти ручей вброд. Словом, стою я и раздумываю, стоит ли рискнуть и перебежать через мост. Я ведь этих поездов страх как боюсь. Помните, как на этом мосту задавило мальчонку-маори?

– Да, было дело.

– Вот, значит, стою я и ломаю голову и вижу вдруг, как с перевала спускается машина Квестинга и останавливается перед самым переездом. Тут этот тип высовывается из окна и замечает меня. И вот теперь самое главное. Вы же помните – ему-то семафор видно, а мне – нет. И вот смотрю я, Квестинг поворачивает голову и пялится на него.

Смит утер губы тыльной стороной ладони. Уверенный, что уже завладел вниманием аудитории, говорил он теперь медленнее и спокойнее. Присев за пустой столик, он обвел слушателей потрясенным взглядом.

– Квестинг махнул мне рукой, – сказал он. – Посмотрел на семафор и помахал мне. Вот так. Все, дескать, спокойно. Сперва я не двинулся с места, и тогда он помахал снова. Уже немного нетерпеливо. Понимаете? Словно вопрошая: «Какого черта ты там ковыряешься? Прыгай на мост!» Ну я и прыгнул! Откровенно говоря, я этот мост всегда терпеть не мог. Шпалы уложены наперекосяк, а в прорехах между ними зияет пропасть. Ну вот, значит, ковыляю я по шпалам и вдруг слышу – поезд! Буквально в двух шагах от меня, оглушительно ревет и свистит в туннеле, надсаживаясь во всю глотку. У меня от ужаса чуть позвоночник к заднице не примерз. Просто поразительно, как быстро может соображать человек в критической ситуации. У меня был выбор: спрыгнуть с моста, повиснуть над пропастью, уцепившись за шпалы, или стоять и размахивать руками, надеясь, что машинист успеет затормозить. Или хотя бы – что смерть будет мгновенной. Самое невероятное, что я успел даже подумать про Квестинга: никто ведь не узнал бы, какую свинью подложил мне этот гад! При этом я как безумный скакал по шпалам. Словно в кошмарном сне. Поезд уже наседавал мне на пятки, когда я сиганул вниз. По счастью, подо мной был уже берег, так что высота не превышала десятка футов. Тем не менее ляпнулся я так, что из меня дух вышибло. Спасибо еще, что в самые заросли тоу-мауту угодил. Исцарапался весь, шкура клочьями висит, а от штанов вообще ни черта не осталось! Вот, посмотрите. Поезд прогремел прямо надо мной, засыпав мне глаза какой-то пакостью. Мне показалось, что я попал в потусторонний мир. Словно тело мое принадлежит кому-то другому, а я наблюдаю за ним со стороны. Однако мысли о Квестинге не шли у меня из головы. Думаете, этот подонок хотя бы ждал на месте, чтобы узнать, какая участь меня постигла? Как бы не так! Я стоял, шатаюсь на дрожащих непослушных ногах, а этого мерзавца уже и след простыл. Не представляю, как бы я добрался до дома, если бы не Эру Саул. На мое счастье, Эру видел, как меня подставил Квестинг. Он и привел меня сюда. Эру – свидетель. Спросите

---

⁸ Геодезическая мера длины, равная 66 футам, или 20,1 метра.

его, он сейчас на кухне. Он все видел, он вам подтвердит... – Смит обратился к миссис Клэр: – Могу я пригласить сюда Эру, миссис Клэр?

– Я сам его приведу, – вызвался Саймон. Уйдя на кухню, он вскоре вернулся в сопровождении Эру, который остановился в дверях, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Перед взором Дайкона, который видел Эру впервые, предстал довольно внушительных размеров парень, облаченный в знававший лучшие дни голубой костюм. Под расстегнутым пиджаком виднелись красная рубашка и яркий галстук. Парень – дитя колонизации – лишь отдаленно походил на маори.

– Эй, Эру! – окликнул Смит. – Ты ведь видел, какую подлянку подстроил мне Квестинг, верно?

– Еще бы, – пробурчал Эру.

– Давай расскажи им.

Ничего нового Эру не рассказал. Он спускался по склону вслед за Смитом и хорошо видел как мост, так и машину Квестинга.

– Квестинг, значит, высунулся из окна и знаком показал Берту, чтобы тот проходил. Семафора я не видел, но, зная, что в любую минуту может пойти поезд, решил, что Квестинг спятил. Я крикнул Берту, чтобы он и не вздумал соваться на мост, но Берт меня не услышал. И тут как раз прогудел локомотив. Брр! – Оливковая физиономия Эру побелела. – Господи, мне показалось, что старина Берт угодил прямоком под колеса. Оттуда мне его уже не было видно – поезд мешал. Я уже совсем уверился, что его по шпалам размазало. Мне и в голову не пришло, что он успеет скакнуться вниз. Ох и обрадовался же я, когда увидел, как старина Берт сидит в кустах, выковыривая колючки из задницы!

Барбара нервно прыснула. Миссис Клэр метнула на нее укоризненный взгляд.

– Да, – кивнул Смит. – А потом машинист остановил состав и возвратился узнать, что случилось. Верно, Эру?

– Угу. Бледный как смерть. Бедняга, должно быть, от страха в штаны наложил. Нам пришлось даже дать ему расписку в том, что он не забыл прогудеть вовремя. Нужно же им хоть как-то подстраховаться.

– Да, именно так оно все и было, – закивал Смит. – Спасибо, Эру.

Он потер ладонями лицо и обвел ошалелым взглядом присутствующих.

– Откровенно говоря, я не прочь бы промочить горло. Вы небось думаете, что я и так уже набрался, да? Из-за запаха. Клянусь Богом и идолами, я даже капли в рот не брал. Просто чертова бутылка разбилась, когда я шмякнулся о землю.

– Это точно, – подтвердил Эру и смущенно потупил взор. – Ну, я потопал, – сказал он.

Возражений не нашлось, и Эру возвратился на кухню. Миссис Клэр проводила его задумчивым взглядом, затем встала и проследовала за ним.

Смит обхватил голову обеими руками и нагнулся вперед, опершись на локти. Доктор Акрингтон проковылял к нему и потрепал по плечу.

– Пойдем со мной, – сказал он. – Я приведу тебя в чувство.

Смит задрал голову, потом поднялся и, чуть прихрамывая, потащился к двери.

– Теперь-то хоть ему крышка, док? – спросил он. – Это ведь покушение на убийство, верно?

– Надеюсь, – вздохнул доктор Акрингтон.

II

Встав посреди кухни, миссис Клэр уставилась на Эру Саула пристальным взглядом. Хотя ростом женщина едва доставала ему до подбородка, выглядела она столь строго и внушительно, что Эру неловко мялся, избегая смотреть ей в глаза.

- Ты, должно быть, собрался домой, Эру? – спросила миссис Клэр.
- Да, миссис Клэр, – промямлил Эру, глядя на Хойю.
- Хойя сейчас очень занята, – строго произнесла жена полковника.
- Да, мэм, я знаю.
- Нам не нравится, когда ты здесь засиживаешься. Ты это помнишь?
- Но я же ничего вам не сделал, миссис Клэр. В чем моя вина?
- Может, и ни в чем, но полковник не хочет, чтобы ты сюда приходил. Понимаешь?
- Но я просто хотел спросить Хойю, не согласится ли она пойти со мной в кино.
- Я уже сказала, что не пойду с тобой, – нарочито громко заявила Хойя.
- Вот видишь, Эру, – торжествуя сказала миссис Клэр, – она не хочет.
- Другого завела, да?

Хойя замотала головой.

– Хватит, Эру, – жестко оборвала миссис Клэр юнца. – Не зарывайся.

– Эх ты, – горько скривился Эру, не сводя глаз с девушки.

– Пожалуйста, Эру, ступай своей дорогой, – попросила миссис Клэр.

– Хорошо, мэм, я пойду. Но ваша Хойя врет. Я не хотел этого говорить, но раз она себя так ведет... Словом, можете сами спросить мистера Квестинга, миссис Клэр, – сегодня днем она гуляла с ним по берегу. До свидания, Хойя.

После ухода Эру округлое лицо миссис Клэр приобрело пунцовый оттенок.

– Если он еще хоть раз придет сюда, – заговорила она срывающимся голосом, – немедленно поставь в известность полковника. Я хочу, чтобы мой муж сам поговорил с ним.

– Хорошо, миссис Клэр.

– Давай накрывать на стол.

Подойдя к двери, женщина приостановилась. Хойя услужливо улыбнулась.

– Надеюсь, Хойя, ты умеешь держать язык на привязи?

– Да, миссис Клэр.

Миссис Клэр кивнула и прошагала в столовую.

Ужин проходил в атмосфере подавленного любопытства. Доктор Акрингтон, вернувшись, сказал, что отправил Смита в постель, добавив, что без этого смутьяна им будет в любом случае спокойнее. Гаунт и Дайкон, уединившись за отдельным столиком, в течение всего ужина отвлеченно болтали. Дайкон пребывал в растерянности и смятении. Он то и дело поглядывал на Барбару – на ее жалкое одеяние, бледное лицо и неловкие жесты. Чем меньше Дайкон пытался смотреть на нее, тем хуже ему это удавалось и тем сильнее раздражало. Гаунт сидел к столу Клэров спиной, и Дайкон не раз подмечал, как девушка украдкой посматривает в сторону актера.

Поступив на службу к Гаунту, Дайкон довольно быстро научился ограждать знаменитость от докучливых поклонников, поэтому он прекрасно понимал значение взглядов, которые бросала на актера Барбара. Ему показалось, что девушка разочарована. В свою очередь, Дайкон был зол и раздосадован – зол на Гаунта, а раздосадован из-за Барбары, – что, впрочем, было ему совершенно несвойственно. В какой-то миг он даже, перехватив пристальный взгляд Гаунта, понял, что ответил невпопад. От растерянности Дайкон начал заикаться, но был спасен уходом Хойи, после которого полковник и миссис Клэр принялись в один голос извиняться за бесцеремонную выходку Смита. Впрочем, миссис Клэр довольно быстро переключилась на Квестинга, вдруг попытавшись оправдать его поведение: «Ему и самому столько доставалось... В душе-то он добрый... Пытается как лучше, но иногда боком выходит... Ох, как мне жаль, что так случилось». Полковник поощрял ее неловкие попытки, то и дело вставляя, порой весьма некстати, глубокомысленное «точно».

Спас заскучавшего Гаунта доктор Акрингтон, громогласно прервавший эти излияния.

– Милая моя Агнес, – сказал он, – и дорогой мой Эдвард. Я полагаю, вы согласитесь со мной, что покушение на убийство вряд ли можно отнести к высшим добродетелям, и ваши неуклюжие попытки сделать из дьявола агнца не заставят нас изменить это мнение. Я предлагаю покончить с этой темой. Кроме того, я хотел бы обратиться к вам с одной просьбой... Причем прямо сейчас, пока этот субъект не вернулся.

Клэры засуетились. Саймон, для которого звериный рык был, казалось, единственным способом выражения своих чувств, заявил, что собирается припереть Квестинга к стенке и сделать из него отбивную.

– Он это нарочно подстроил! – выкрикнул юноша. – Я точно знаю. Ничего, он у меня попляшет...

– Прошу тебя, не лезь не в свое дело, – оборвал племянника доктор Акрингтон. – Я также буду весьма признателен, если ты позволишь мне закончить свою мысль.

– Да, но...

– Саймон, прошу тебя, – требовательно вмешалась его мать.

– А хотел я попросить вот о чем, – продолжил доктор Акрингтон. – Позвольте я сам переговорю с мистером Квестингом, когда он воротится. У меня есть причины для такой просьбы.

– Я просто думала, что Эдвард отведет его к себе в кабинет, – с несчастным видом сказала миссис Клэр.

– А что, кабинет Эдварда превратился в сектантскую молельню? – гневно вскричал доктор Акрингтон. – Почему Квестинга нужно непременно тащить именно туда? С какой стати? И вообще, что у вас за дурацкая привычка вечно устраивать сборища в кабинете Эдварда, где и повернуться-то негде. В туалете и то более просторно! – выкрикнул доктор Акрингтон. И тут же мстительно добавил: – И куда удобнее. – Не услышав возражений, он продолжил: – Итак, согласны ли вы на мое предложение? Я хочу поговорить с Квестингом прямо здесь, не сходя с места, в присутствии всех вас.

Внимание Дайкона на мгновение отвлек Гаунт, который прошептал:

– Если ты упустишь хоть один слог из этой речи, я тебя уволю.

Клэры вдруг заговорили все разом, но доктор Акрингтон быстро положил этому конец: он скрестил на груди руки и начал сквозь зубы что-то насвистывать. После неприятного молчания миссис Клэр сказала, уже довольно робко:

– Я совершенно убеждена, что здесь приключилась какая-то ошибка.

– Разумеется, – язвительно фыркнул ее брат. – Ты хочешь сказать, что Квестинг допустил промашку и Смит выжил благодаря нелепой случайности?

– Все нет!

– А что там плел этот Смит насчет семафора? – спросил вдруг полковник Клэр. – Я чего-то не понял.

– Может быть, кто-то объяснит любезному Эдварду, что такое семафор? – свирепо вращая глазами, произнес доктор Акрингтон.

Однако полковник, не заметив его ядовитого тона, как ни в чем не бывало продолжил:

– Может быть, Квестинг просто не обратил на него внимания?

– Ты, Эдвард, – оборвал его шурин, – единственный из известных мне людей, кто способен на подобный подвиг, однако даже ты бросил бы взгляд на торчащий прямо перед твоим носом семафор, прежде чем посылать человека на узкоколейный мост. Лично я абсолютно убежден, что Квестинг действовал с явным умыслом.

Воцарилось довольно продолжительное молчание, которое на сей раз нарушил Джеффри Гаунт.

– Правильно ли я вас понял, доктор Акрингтон, – поинтересовался он, – что, по вашему мнению, в наших рядах находится потенциальный убийца?

– Да, – отрубил доктор Акрингтон.

– Странно. Никогда бы не подумал, что столь невыносимый зануда может оказаться убийцей.

Барбара визгливо хихикнула.

– Стойте! – вскричал вдруг Саймон. – Послушайте!

Все явственно услышали, как к дому подъехал автомобиль. Миновав пансион, он покатил дальше, к гаражу.

– Я требую, чтобы ты предоставил его мне, Эдвард, – заявил доктор Акрингтон непрекаемым тоном.

Полковник Клэр воздел руки к потолку.

– Может быть, нам с Барби... – начала было миссис Клэр, но доктор Акрингтон погасил ее порыв, свирепо махнув рукой. Воцарилась тишина. Наконец на веранде загромыхали шаги Квестинга.

Почему-то Дайкон ожидал, что после случившегося во внешности Квестинга произойдут какие-то зловещие перемены. Поэтому он был поражен, услышав до боли знакомый развязный голос:

– Ну надо же! Вы только посмотрите, кто здесь у нас собрался! – шутовским тоном воскликнул Квестинг. – Ну что, ребята, как дела? Оставили пожрать честному трудяге? Я голоден как волк. Добрый вечер, мистер Гаунт. А как поживает наш молодой человек?

Усевшись за свой стол, он крикнул, потирая руки:

– Где там наша красоточка? Лети сюда, крошка! Спой мне свою завлекалочку.

Вот тут-то Дайкон и осознал, что мистер Квестинг ему почему-то нравится.

III

К изумлению Дайкона, доктор Акрингтон предпринял наступление не сразу. Хойя подала мистеру Квестингу горячее, в ответ удостоившись плотоядной ухмылки и недвусмысленного подмигивания. Миссис Клэр что-то шепнула на ухо Барбаре, после чего обе они покинули столовую. Гаунт, предвкушая развлечение, пустился в непринужденную беседу с Дайконом. Трое остальных мужчин не проронили ни слова. Дайкону воцарившееся в комнате напряжение казалось почти осязаемым, однако Квестинг ничего не замечал. Он с аппетитом поужинал, продолжая заигрывать с Хойей, затем, после того как она обслужила его в последний раз, с блаженным видом причмокнул, откинулся на спинку стула, извлек портсигар и уже собирался было предложить Гаунту закурить, когда доктор Акрингтон заговорил:

– Мистер Квестинг, вы не прихватили с собой Смита?

Квестинг величаво повернулся.

– Смита? – недоуменно переспросил он. В следующий миг лицо его прояснилось. – Ах да, я же как раз хотел спросить вас про Смита. Он вернулся?

– Бедняга лежит в постели. Ему здорово досталось. До сих пор не отошел от шока.

– Ну надо же! – воскликнул Квестинг. – Кто бы мог подумать. Жаль, очень жаль. Впрочем, немудрено. Совершенно немудрено.

Доктор Акрингтон резко, со свистом, вздохнул и, похоже, на какое-то время овладел собой.

– Бьюсь об заклад, что у него на меня зуб, – жизнерадостно провозгласил Квестинг. – И я его не виню. На его месте я бы тоже затаил злобу. Вполне естественно. Вы со мной согласны?

– Да, Смит и впрямь считает покушение на убийство довольно раздражающим обстоятельством, – согласился доктор Акрингтон.

– Покушение на убийство? – нахмурился Квестинг. – Полегче на поворотах, доктор. Никто из нас не застрахован от ошибок.

Доктор Акрингтон сочно выругался себе под нос.

– Да что с вами, док? – недоуменно спросил Квестинг. – Что вас так раззадорило? Идемте на веранду, потолкуем по душам.

Доктор Акрингтон треснул кулаком по столу и заговорил с пылом и яростью, но голос его вдруг сорвался, задрожал, и доктор начал беспомощно заикаться. Однако уже в следующую минуту он гигантским усилием воли овладел собой, и речь его стала более четкой и осмысленной. Он коротко обрисовал историю чудесного спасения Смита, добавив несколько живописных подробностей, которые, по всей видимости, узнал уже после того, как уединился со Смитом. Если поначалу Квестинг просто молча внимал его рассказу, то по мере того как доктор Акрингтон украшал его новыми и новыми деталями, принялся нетерпеливо ерзать на стуле, всем своим видом выражая нетерпение и недовольство. Пару раз он даже пытался заговорить, но доктор тут же обрывал его. И все же, когда новоявленный инквизитор дошел до того места, как виновный бросил человека (возможно, смертельно раненного) на месте происшествия, Квестинг не выдержал.

– Какого, к дьяволу, смертельно раненного! – завопил он. – Да этот малый рванул вверх по склону, как разъяренный буйвол. Если кому и грозила смерть, то только мне.

– Поэтому вы и поспешили дать деру?

– Не говорите ерунду. Просто я хотел избежать ненужных неприятностей. Потом, я ведь вовсе не бросил старину Смита на поле брани – там оставался его приятель, который вполне мог за ним присмотреть. В голубой рубашке. Да и поезд, между прочим, почти сразу остановился. Мне вовсе не улыбалось выяснять отношения с машинистом. Смит был живехонек и невредим. Я видел, что он ничуть не пострадал.

– Скажите, мистер Квестинг, обратили ли вы внимание на сигнал семафора, когда махнули Смицу, что путь свободен?

Спесь мигом слетела с Квестинга. Изменившись в лице и побагровев, он произнес:

– Послушайте, доктор, к нам, между прочим, пожаловал весьма почтенный гость. Мне бы не хотелось понапрасну огорчать мистера Гаунта...

– О, не беспокойтесь, – весело откликнулся Гаунт. – Я безмерно заинтригован.

– Отвечайте же! – проорал доктор Акрингтон. – Вы знали, что вечерний поезд ожидается с минуты на минуту, и видели, как мнется перед мостом раздираемый сомнениями Смит. Итак, я спрашиваю в последний раз: вы посмотрели на семафор, прежде чем отправить человека на верную смерть?

– Разумеется, посмотрел. – Квестинг полюбовался на кончик своей сигары, исподлобья осмотрел собравшихся и сказал отсутствующим голосом: – Он не работал.

Дайкону поневоле стало стыдно. Так, должно быть, начинающий чтец-декламатор стыдится выступать перед знающей толк аудиторией. Врать Квестинг, безусловно, не умел. Фраза его прозвучала откровенно фальшиво. Впрочем, Квестинг и сам почувствовал, что ему не поверили. Даже доктор Акрингтон, казалось, смутился и увял. Прошла добрая минута, прежде чем Квестинг добавил:

– Хотя если честно, то я его и в самом деле не видел. Нужно поставить там регулировщика.

– Вы не видели красный фонарь диаметром в целых десять дюймов?

– Я же ясно сказал – он не работал.

– Это мы выясним, – сурово пообещал Саймон.

– А ты вообще не суйся, – взъелся на него Квестинг, без особого, впрочем, гнева. Дайкону даже показалось, что бизнесмен что-то недоговаривает.

– Может, вы хотя бы объясните нам, – едко спросил доктор Акрингтон, – куда вы ездили?

– В бухту Похутукава.

– Но вы же ехали мимо пика Ранги!

– Да, ну и что из того? Я решил прокатиться. Разве это возбраняется?

– И вы были в бухте Похутукава?

– Я уже сказал. Или вы оглохли?

– Полюбоваться на цветущие деревья?

– Господи, ну а что тут дурного? Почему я не мог отдать дань этому чуду? Сотни людей специально приезжают, чтобы полюбоваться цветущими похутукавами. На мой взгляд, мистер Гаунт тоже получил бы колоссальное удовольствие, побывав там. Я ездил туда специально. Мне хотелось удостовериться, что они уже расцвели, прежде чем предложить ему эту поездку.

– Но ведь вы наверняка слышали, что в этом году похутукавы не цветут. Все только об этом и говорят.

По какой-то необъяснимой причине Квестинг показался довольным.

– Нет, я ничего не слышал, – быстро ответил он. – И крайне поразился, прикатив туда. Жаль, страшно жаль.

Доктор Акрингтон с победоносным видом встал, повернулся спиной к Квестингу и торжествующе посмотрел на своего шурина.

– Что-то я никак не возьму в толк, куда вы клоните, – пожаловался полковник Клэр. – Я слушал...

– Попридержи язык, Эдвард, – негромко попросил его доктор Акрингтон. – Сделай одолжение.

– Послушай, Джеймс!

– Папа, не надо, – живо вмешался Саймон. С уважением посмотрев на своего дядю, он проревел:

– Все ясно.

– Премного благодарен. Спасибо, мистер Квестинг. Больше не смеем вас задерживать.

Квестинг затаился, затем выпустил изо рта длинную струю сизого дыма, но остался сидеть на месте.

– Минутку, – театрально проговорил он. – Вам все ясно. Это замечательно. А как же быть со мной? Я из кожи вон лезу, чтобы угодить нашему знаменитому гостю, а вы устраиваете безобразные сцены и думаете, что это сойдет вам с рук? Я хочу извиниться перед мистером Гаунтом. И еще хочу, чтобы он знал: когда законное владение этим домом перейдет ко мне, он перестанет напоминать психушку.

Он величественно встал и зашагал к двери.

– Эх, прощальной реплики не хватает, – пробормотал Гаунт.

Квестинг обернулся.

– Если вы плохо меня расслышали, Клэр, то я сказал «когда», а не «если». Спокойной ночи.

Он попытался резко хлопнуть дверью, но та, верная традициям дома, застряла на полпути. Впрочем, упорствовать Квестинг не стал. Он прошествовал под окнами, попыхивая сигарой и засунув большие пальцы в проймы жилетки.

Дождавшись, пока враг отойдет подальше, полковник Клэр возмущенно заверещал. Он ровным счетом ничего не понял. И никогда не поймет. При чем тут бухта Похутукава? Почему никто ему ничего не сказал? К тому же он впервые слышал, что похутукавы в этом году не цветут. И вообще...

Самодовольно усмехнувшись, доктор Акрингтон пояснил:

– Ты потому не слышал, Эдвард, что похутукавы в этом году не цветут, что они, наоборот, цветут, как никогда пышно и обильно. Вся бухта так и пылает. Я наживил удочку для твоего друга Квестинга, а он... проглотил наживку вместе с крючком. Вляпался в дерьмо по самые уши, как сказал бы наш юный Саймон.

IV

По окончании потехи Гаунт позвал Дайкона прогуляться на сон грядущий. Молодой человек предложил пройти мимо источников, а затем выбраться на дорогу, огибающую подножие холма, который отделял курорт от резервации маори. Однако в последний миг их задержала миссис Клэр; размахивая руками, женщина звенящим от волнения голосом предупредила гостей о подстерегающих их опасностях. В самом деле, едва ли им захочется ухнуть в кипящую грязь.

– Впрочем, – добавила она, – у нас все продумано. Там, где установлены белые флажки, гулять можно, а все опасные места обнесены красными флажками. Мистер Белл, вы уж проследите, чтобы мистер Гаунт не сбился с пути. И возвращайтесь до наступления темноты. Никогда не прощу себе, если...

Слова замерли на губах миссис Клэр, которая, должно быть, и сама сообразила, что не слишком уместно стращать гостя преждевременными сожалениями по поводу его возможной кончины в кипящей грязи.

Гаунт с Дайконом поспешили заверить добрую женщину, что перспектива свариться заживо их совершенно не прельщает, и отбыли восвояси. С момента своего приезда Гаунт уже успел полежать в «Эльфине». То ли от воздействия сернистой грязи, то ли от оживленной перепалки, свидетелем которой он только что стал, но нога у Гаунта болела куда меньше обычного, и он пребывал в отменном расположении духа.

– Всегда обожал бурные сцены, – признался он Дайкону, – но эта превзошла все ожидания. Вряд ли, конечно, они сумеют продолжать в том же духе – в противном случае мое пребывание в Ваи-Ата-Тапу стало бы сплошным праздником. В любом случае ты молодец, что привез меня сюда.

– Рад, что вы получили удовольствие, – улыбнулся Дайкон. – Хотя в глубине души меня точит червь сомнения. Уж слишком зловещей выглядела та сцена у переезда. И почему Квестинг наврал с три короба?

– У меня есть на сей счет несколько предположений. Наиболее вероятное – что тут замешана мисс Клэр.

Шедший впереди Дайкон остановился столь резко, что Гаунт врезался прямо в него.

– Что вы имеете в виду, сэр? – вскричал молодой человек. – Какое отношение может иметь Барбара Клэр к конфликту между Квестингом и Смитом?

– Возможно, я и ошибаюсь, но для меня совершенно очевидно, что Квестинг положил на девушку глаз. А ты разве не заметил? Он и с этой официанткой-маори заигрывал лишь потому, что хотел раззадорить Барбару. Хотя она, по-моему, не балует его своим вниманием. – Искося посмотрев на Дайкона, Гаунт игриво спросил: – Надеюсь, ты не влюбился в нее?

Дайкон, не поворачивая головы, буркнул:

– Как вам только могла втемяшиться в голову подобная мысль?

– Стоило мне только упомянуть Барбару, как ты тут же ощетинился, словно дикобраз. А в том, что мне в голову втемяшилась, как ты изволил выразиться, подобная мысль, нет ничего удивительного: девушка и впрямь недурна. Глаза, профиль, фигура – все при ней. Одетая, правда, в цветастый балахон, который язык не повернется назвать иначе как рубищем, но тут уж, как говорится, ничего не попишешь. – С колкостью, столь знакомой Дайкону, Гаунт добавил: – Очаровательное имечко – Барбара Клэр. Если бы ты еще отучил ее ухать по-совиному и гикать...

Дайкон готов был удушить его. Поэтому, когда Гаунт сзади ткнул его тростью под ребра, он притворился, что не заметил.

– Ну извини, Белл, – захихикал актер. – Я не хотел тебя обидеть.

– Я вовсе не обиделся.

– Тогда не лети вперед, как молодой олень во время гона. Я уже запыхался. Давай приостановимся и переведем дух. Кстати, что это за шум?

Обогнув подножие холма, путники увидели вдали селение маори. Они и не заметили, как начало смеркаться. Воздух был свеж и прозрачен. Навострив уши, Дайкон услышал необычный звук – как будто сказочные великаны медленно и размеренно пускали мыльные пузыри или неподалеку закипал гигантский чан с овсяной кашей. Плюх, плюх... Плюх, плюх... Медленно и размеренно.

Пройдя вперед, Гаунт и Дайкон очутились перед небольшим прогалом, за которым тропа круто спускалась по берегу, пересекала площадку затвердевшей синеватой грязи и исчезала в лабиринте горячих источников и гейзеров. Запах серы был здесь очень силен. Дорога же, помеченная установленными через равные промежутки белыми флажками, тянулась дальше, переваливая через вершины невысоких холмов.

– Ну что, пойдём дальше? – спросил Дайкон.

– Место тут довольно зловещее, – брезгливо скривился Гаунт. – Однако мне все же любопытно взглянуть на это адское варево.

– Только давайте придерживаться указателей. Я пойду первым, хорошо?

Вскоре почва у них под ногами сделалась податливой и зыбкой. Иногда мужчинам даже казалось, что земля немного подрагивает. Словно они вышагивали по спине исполинского уснувшего чудовища.

– Жутковатое ощущение, – произнес Гаунт. – Тут все словно дышит. Одушевленное место.

– Взгляните направо, – сказал Дайкон.

Тропа здесь раздваивалась и была с правой стороны помечена красными флажками на длинных древках.

– Мне сказали, что раньше здесь ходили свободно, – пояснил Дайкон, – но теперь тут стало опасно. Таупо-Тапу наступает.

Следуя от одного белого флажка к другому, они поднялись на вершину небольшого холма, под которым бурлило и расстиралось во всей первозданной красе кипящее озерцо Таупо-Тапу.

Было оно футов пятнадцати в поперечнике, мутновато-бурое и блестящее, словно открытая язва на теле земли. Возникающие в грязевой утробе гигантские пузыри, медленно разбухая и наливаясь соками, поднимались к поверхности и с громким шумом лопались. При каждом взрыве по грязевой поверхности разбегались колечки морщин. Казалось, озерко живет своей, скрытой от посторонних глаз жизнью.

Несколько минут Гаунт молча пялился на это чудо.

– Просто оторопь берет, – проговорил он наконец. – Если ты знаешь, какую мрачную тайну оно скрывает в своем чреве, не рассказывай мне.

– Я слышал лишь одну легенду, – сказал Дайкон. – Она и впрямь довольно мрачная.

Ответ Гаунта поразил молодого человека.

– Я бы предпочел услышать этот рассказ из уст маори, – произнес актер.

– Смотрите, там даже видно, где грязь проела старую тропу, – указал Дайкон. – Там снова начинаются красные флажки и сбегают на нашу тропу немного ниже. Не хотел бы я случайно перепутать эти тропинки.

– Не страшай меня, – содрогнулся Гаунт. – И вообще, потопали домой. Уже темнеет.

На обратном пути Дайкону приходилось сдерживать себя, чтобы не помчаться назад во весь дух. Ему показалось, что и Гаунту не терпится побыстрее выбраться из этого гиблого места. Позади, за их спинами, кто-то затанул песню, невыносимо грустную и унылую.

– Это еще что? – встрепенулся Гаунт.

– Песня маори, – ответил Дайкон. – Возможно, решили порепетировать перед концертом в вашу честь. Это подлинные народные песни, без обмана. Тут вам пыль в глаза пускать не станут.

Когда они вернулись на курорт, уже почти совсем стемнело. В спокойном ночном воздухе стоял пар. Внезапно впереди замаячило неясное пятно и послышался знакомый голос. Их встречала Барбара.

– Надеюсь, я вас не напугала? – спросила девушка. – Я услышала, что вы возвращаетесь, и решила – дай поговорю с вами.

– Что-нибудь случилось, мисс Клэр? – полюбопытствовал Гаунт. – Под поезд больше никто не прыгал?

– Нет-нет, похоже, все уладилось. Просто я хотела еще раз сказать вам, как нам всем неловко и стыдно за эту безобразную выходку. Больше извиняться я не стану, но хочу, чтобы вы знали: вы вовсе не обязаны здесь оставаться. В том смысле, чтобы вы не боялись нас обидеть. Если вам здесь не нравится, поступайте, как лучше для вас. Мы все прекрасно понимаем.

Девушка повернула голову, и ее горделивый профиль четко обрисовался на фоне пропитанного серными испарениями неба. В сумерках ее одеяние казалось уже не столь безобразным, а в очертаниях фигуры угадывались красота и изящество.

В голосе Гаунта прозвучала неожиданная теплота.

– Но мы вовсе не собираемся уезжать, моя милая. Мне это и в голову не приходило. Что же касается этой «выходки», спросите у Дайкона – я просто обожаю подобные сцены. Нам очень жаль, что у вас не все гладко, но уезжать мы, ей-богу, не намерены.

На глазах у Дайкона он взял девушку за руку и увлек к дому. К такому приему он нередко прибегал на подмостках, естественно и просто, однако Дайкону стало не по себе. Следуя за парочкой, он улавливал отдельные фразы.

– Это очень любезно с вашей стороны, – говорила Барбара. – Мне... нам было так неловко. Я чуть не сгорела от стыда, узнав, как навязчиво вел себя Квестинг, зазывая вас приехать сюда. Мы с дядей Джеймсом просто в ужас пришли.

– Меня он не зазывал, – возразил Гаунт. – Все переговоры вел Дайкон. Для этого я его и держу.

– Вот оно что... – Барбара повернула голову вполоборота и засмеялась – не так звонко и игриво, как обычно. – А я-то недоумевала, зачем вам сопровождающий.

– О, он в своем деле профи. Когда я снова начну работать, дел у него будет невпроворот.

– А вы собираетесь здесь что-то писать? Мне дядя Джеймс сказал. Неужели автобиографию? Вот будет здорово!

Гаунт легонько стиснул ее руку чуть выше локтя.

– А почему? – поинтересовался он.

– Потому что мне не терпится почитать ее. Я видела вас в роли Рочестера, а однажды у одного из наших постояльцев оказался американский журнал – «Искусство театра», кажется, – в котором была статья с вашими фотографиями в разных ролях. Больше всего вы мне понравились в роли Гамлета, потому что...

Она запнулась.

– Почему? – переспросил Гаунт.

– Потому что... эта вещь знакома мне лучше других. Нет, на самом деле не поэтому. Просто я читала «Гамлета» и все пыталась представить, как вы произносите тот или иной монолог. Особенно тот, во время которого вас сфотографировали. Впрочем, когда я увидела вас в роли Рочестера, моя задача упростилась.

– А что это за фотография, Дайкон? – спросил Гаунт через плечо.

– Вы там в сцене с Розенкранцем... – охотно подсказала Барбара.

– Да, помню.

Гаунт остановился и, отстранившись от Барбары, положил руку ей на плечо; в такой позе он стоял рядом с обмиравшим от счастья второразрядным актером, который играл Розенкранца во время гастролей в Нью-Йорке. Переведя дыхание, Гаунт звучно продекламировал:

– «О Боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны»⁹.

Восхищение, с которым Барбара внимала его словам, раздосадовало и обеспокоило Дайкона, а придыхание, с которым она еле слышно прошелестела «спасибо», и вовсе привело в ярость.

«Она ведет себя как восторженная дурочка», – подумал он, хотя прекрасно знал, что Гаунт обожает слепое поклонение. Его способность впитывать лесть и похвалу воистину не знала границ.

– Вы можете продолжить? – спросил Гаунт. – «А эти сны...»

– «А эти сны и суть честолюбие; ибо самая сущность честолюбца всего лишь часть сна»¹⁰.

– «И самый сон всего лишь тень!» Ты слышал, Дайкон?! – воскликнул Гаунт. – Она знает эту роль.

Актер снова зашагал вперед, бок о бок с Барбарой.

– У вас прекрасно поставлен голос, дитя мое, – похвалил он. – И – что поразительно – совершенно отсутствует какой-либо акцент. Не знаю только, постигаете ли вы всю глубину этих слов. Мелодика речи – это хорошо, но и значение следует понимать. Вот повторите, но уже обдумывая: «А эти сны и суть честолюбие...»

Однако на этот раз Барбара запнулась. Гаунт подсказал, они начали снова и продолжали декламировать, пока не подошли к дому. Гаунт проявлял к девушке совершенно неслыханное, на взгляд Дайкона, внимание.

Дом был еще освещен, но миссис Клэр уже всю хлопотала, устраивая предписанное затемнение. Подойдя к веранде, Гаунт остановился.

– Спокойной ночи, мисс Клэр, – сказал он. – Сумерки вам очень к лицу. Всего доброго. Не дождавшись ответа, он круто повернулся и зашагал по веранде.

– Спокойной ночи, – выдавил Дайкон.

Девушка посмотрела на него. Глаза ее сияли.

– Как я вам завидую! – вырвалось у нее. – Вы так счастливы.

– Почему?

– У вас такая чудесная работа! Всегда быть рядом с таким человеком!

– Ах вот вы о чем, – вздохнул Дайкон. – Да, конечно.

– Спокойной ночи, – распрощалась Барбара и заспешила к дверям.

Дайкон проводил ее грустным взглядом, рассеянно протирая стекла очков носовым платком.

V

Лежа в постели в крошечной тьме, Барбара мечтала. Если прежде она боялась грезить даже о том, что вполне могло сбыться, не говоря уж о сокровенных желаниях, то теперь распахнула душу настежь навстречу самым смелым мечтам.

Снова и снова она перебирала в памяти те несколько минут сказки, упиваясь каждым мгновением, смакуя блаженство каждого слова, каждого жеста, наслаждаясь собственным счастьем и в то же время недоверчиво удивляясь ему. Кто-то мог бы и посмеяться над ее востор-

---

⁹ У. Шекспир. «Гамлет». Пер. М. Лозинского.

¹⁰ У. Шекспир. «Гамлет». Пер. М. Лозинского.

женностью, но наслаждение девушки было столь неописуемым и светлым, что до таких высот дивной радости она, возможно, никогда впредь и не добралась бы.

Гаунт тоже упивался, но по-своему.

– Знаешь, Дайкон, – сказал он, – эта забавная зверюшка трепетала там, в темноте, как щеночек.

Дайкон не ответил, и Гаунт, чуть выждав, добавил:

– А все-таки приятно, что даже в такой Богом забытый уголок проникает настоящее искусство. Великий Бард – посреди серных источников! Поразительное сочетание! Ах, как приятно зажигать сердца! И влюбляться.

Глава 5

Мистер Квестинг повержен во второй раз

I

Последующие дни обошлись без происшествий, и жизнь в Ваи-Ата-Тапу наконец потекла по привычному распорядку. Полковник Клэр буквально с ног сбился, натаскивая своих бравых ополченцев. Его жена и дочь, обремененные сверх всякой меры новыми почетными обязанностями, которые сами на себя и взвалили, без устали хлопотали по дому. Гаунт, следуя наставлениям доктора Акрингтона, в предписанные часы нежил ногу в грязевых ваннах, совершал променады и начал трудиться над книгой. Дайкон не покладая рук систематизировал старые письма и программки, которые предполагалось использовать при написании автобиографии. К тому же по утрам и вечерам Гаунт в течение двух часов надиктовывал ему свои бесценные воспоминания, ожидая получить готовый отпечатанный текст уже на следующее утро. Доктор Акрингтон, стоически уединившись в своей комнате, разгадывал тайны сравнительной анатомии. В среду он возвестил, что собирается на недельку уехать, а в ответ на наивный вопрос миссис Клэр, с чем связан его отъезд, брякнул, что лучше бы им всем тут передохнуть, и был таков. Колли, который в годы Первой мировой войны был связистом, оправившись от потрясения, вызванного знакомством с Саймоном, теперь охотно помогал парню осваивать азбуку Морзе и проводил уйму времени в его келье. Сам Саймон относился к Гаунту с угрюмой настроенностью. Встреч с актером он по возможности избегал, а когда им все-таки доводилось сталкиваться лицом к лицу, юноша держался подчеркнуто вызывающе. Не желая прослыть угрюмым молчуном, он вопрошал, например, на кой черт вообще сдался этот театр, а в ответ на естественную пылкую реплику Гаунта о необходимости этого наиважнейшего из искусств, тут же с самым невинным видом интересовался ценой на билеты. Получив эти сведения, Саймон заявлял, что на такие деньги бедная семья может прожить целую неделю. В подобные дни Гаунт становился вспыльчивым и раздражительным, все у него валилось из рук, а нога ныла пуще прежнего.

Вот, например, какая перепалка разразилась между ними в один прекрасный день.

– Всему виной ваш профессиональный эгоизм! – проревел Саймон. – Не должны актеры получать такую чертову уйму денег. По-моему, всем нужно платить поровну. Пусть меньше, но зато всем.

– Включая монтеров и осветителей? – спросил Гаунт, трясаясь от ярости. – Простых рабочих? Всякую пьянь?

– Разумеется.

– Тогда содержание вашего приятеля Колли станет мне уже не по карману.

– По-моему, он и так зря старается, – фыркнул Саймон, а Гаунт, не найдя что ответить, зашагал прочь, вне себя от злости.

Судя по всему, Саймон передал содержание этой беседы Колли, а последний счел необходимым заступиться за приятеля перед своим патроном.

– Не обращайтесь на него внимания, сэр, – сказал он, растирая актеру больную ногу. – Он славный парнишка, хотя и взбалмошный. Без царя в голове. Ну и малость отравлен коммунистическими взглядами. На самом-то деле это Квестинг воду баламутит.

– Хамское отродье этот твой Саймон, – отмахнулся Гаунт. – Кстати, что там Квестинг все время болтает, будто вот-вот станет здесь хозяином?

– Увы, он и в самом деле может наложить лапу на этот пансион, – вздохнул Колли. – Саймон убежден, что полковник перед ним в долгу по самые уши. Расплатиться ему нечем, поэтому Квестинг может всех их прогнать, а дом пустить с молотка. Вот почему Саймон ополчился на всех, кто имеет хоть мало-мальское отношение к любому бизнесу.

– Да, но...

– Странный он. Я не раз говорил с ним. Он рассказал мне, как поцапался с вами. Я ему ответил, что прослужил у вас без малого десять лет и съел с вами не один пуд соли. Сказал, что на первых порах вы вообще перебивались с хлеба на воду. Да, сейчас вы зарабатываете прилично, но кто знает – долго ли это продлится?

– Что ты хочешь этим сказать, черт побери?

– Все мы ходим под Богом, сэр. Как-никак возраст уже дает себя знать. Ну да ладно. Главное – Квестинга он просто на дух не переносит. Считает исчадием ада, источником всех их бед. По его словам, Смитю кое-что известно про Квестинга – потому тот и пытался отправить беднягу под колеса поезда... Все, сэр, пятнадцати минут вашей ноге достаточно.

– Черт побери, ты с меня чуть шкуру не содрал!

– Ничего, жить будете, – невозмутимо откликнулся Колли. Набросив на хозяина одеяло, он отправился в соседнюю комнату мыть руки. – Он очень болезненно все воспринимает, наш Саймон. Молодо-зелено. Да и поведение Квестинга с мисс Барбарой тоже подливает масла в огонь.

Дайкон, печатавший на машинке, мигом наострил уши и приостановился.

– А в чем дело? – встрепнулся Гаунт.

– А вы что, не знаете, сэр? Бедняжка здорово от него натерпелась.

– Ну, что я тебе говорил, Дайкон? – спросил Гаунт.

– Девушка-то довольно привлекательная, – как ни в чем не бывало продолжил Колли, появляясь в дверях. – Да и умом не обделена. Словом, думается мне, Квестинг вынашивает планы, как бы, избавившись от остальных прихлебателей и дармоедов, оставить ее здесь.

– Господи, как это низко! – не выдержал Дайкон. – Просто омерзительно!

– Вы правы, мистер Белл. Да и юный Сим того же мнения. Он уже все продумал. Квестинг прикинется благодетелем и предложит позаботиться о стариках, если только мисс Барбара согласится на его условия. Ха! История старая как мир. Закладная на дом и все такое. Злодей преследует юную деву. Остается только избавиться от юнца, и, как мы говорим во «Сне»¹¹, сэр, дело в шляпе. Эх, люблю я наши старые постановки!

– Что-то ты стал болтлив на старости лет, – усмехнулся Гаунт.

– Вы правы, сэр. Но вы уж меня простите. После общения с юным мистером Клэром во мне пробудился бунтарский дух. Я сказал, чтобы он не беспокоился за сестру. «Видно же, что она этого пердуна терпеть не может» – так я ему сказал, извиняюсь за выражение.

– Извиняю и разрешаю отчалить. Я хочу поработать.

– Благодарю, сэр, – чинно склонился Колли и вышел.

Вероятно, он был бы весьма польщен, узнав, насколько оправдаются его предположения насчет Барбары. В тот же самый вечер, в четверг, за девять дней до предстоящего концерта у маори, Квестинг решил, что настала пора решительных действий. Он выбрал момент, когда Барбара, набросив поверх старенького купальника макинтош, отправилась поплавать в теплом озере. Миссис Клэр родила Барбару довольно поздно и потому воспитывала дочь в викторианских традициях. Сама она выросла в эпоху, когда женщины окунались в море едва ли не в рыцарских доспехах, поэтому мысль о том, что Барбара, сбросив тяжелое одеяние, останется в одном лишь купальном костюме (самом закрытом, длинном и консервативном, который только удалось отыскать в Гарпуне), приводила ее в ужас. Лишь однажды Барбара попыталась хоть

---

¹¹ Имеется в виду комедия У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

как-то изменить эту традицию. Вдохновившись фотоснимками из какого-то довоенного журнала, на которых были изображены полуобнаженные красотки на пляже в Лидо, она принялась мечтать о загаре и о том, как неспешно и даже обольстительно прогуляется к озеру без уродливого макинтоша. Она взяла и показала журналы матери. При виде лоснящихся нагих тел, ярко накрашенных губ и размалеванных глаз миссис Клэр сперва побледнела, потом побагровела.

– Да, такое случается, – пробормотала она, с трудом подбирая слова. – Конечно, будь это приличные девушки, фотографу никогда не удалось бы уговорить их сняться в таком виде, но ты ведь у нас хорошо воспитана и не станешь им уподобляться.

– Но, мамочка...

– Барбара, – строго оборвала дочь миссис Клэр тоном, зарезервированным для таких особых случаев, – когда-нибудь ты поймешь, что не все в нашем мире равны и есть в нем люди, которые живут по своим, только для них писанным законам. Люди эти, как правило, очень богатые, и нам никогда не удастся встать с ними вровень.

Она чмокнула дочь в щеку, а Барбара с тех пор не вылезала из макинтоша.

В тот же день, о котором идет речь, мистер Квестинг, не желая светиться возле дома, заранее отправился на озеро, прихватив шезлонг. Там он и присел возле купальни под сенью развесистой мануки, коротая время с сигарой.

Заметив приближающуюся Барбару, он отбросил сигару в кусты и встал навстречу девушке.

– Ну надо же! – закудаhtал он. – Какая встреча! Как дела, малышка?

Барбара плотнее запахла макинтош и твердым голосом заявила, что у нее все замечательно.

– Вот и чудесно, – расплылся мистер Квестинг. – Замечательно, значит, да? Вот молодчина.

Он весело расхохотался и проворно шмыгнул в сторону, преградив Барбаре путь к купальне.

– Куда ты так спешишь, а? – игриво спросил он. – Успеешь еще наплаваться. Как насчет того, чтобы перекинуться парой-тройкой словечек?

Барбара смерила его брезгливым взглядом. Что за пакость еще замыслил этот тип? После той самой злополучной сцены, когда бедняга Смит чуть не расстался с жизнью, ей ни разу не приходилось общаться с Квестингом с глазу на глаз, чему она была несказанно рада. Впрочем, после вечерней прогулки с Гаунтом девушка вообще мало что вокруг замечала. Она была целиком во власти охватившей ее наивной любовной страсти – той младенческой болезни, которая, случаясь в более зрелом возрасте, протекает особенно тяжело. Со времени их незабываемой встречи Барбара почти не общалась с Гаунтом. Она была настолько признательна ему за мимолетные мгновения восторга и при этом настолько уверена, что подобному больше не суждено повториться, что уже и не искала повторного общения. Ей было достаточно видеть своего кумира и слышать слова приветствия. Квестинга же она попросту выбросила из головы, поэтому неожиданная встреча не только раздосадовала, но и удивила ее.

– Что вам от меня нужно, мистер Квестинг?

– Ах, о чем мне только не хотелось бы побеседовать с нашей юной мисс Бабс, – многозначительно произнес мистер Квестинг. – Всего сразу и не расскажешь.

– Но может быть, вы мне позволите... Как-никак я шла купаться...

– Господи, ну что за спешка? – всплеснул руками мистер Квестинг. – Повремени чуток. Одну секундочку. Озеро ведь не остынет. Позагорай сначала. Загар был бы тебе к лицу, Бабс. Бронзовый или золотистый. Прелесть.

– Боюсь, что я...

– Послушай, Бабс, – многозначительно произнес мистер Квестинг, – у меня и в самом деле к тебе серьезный разговор. И нечего строить из себя недотрогу. Я ведь, в конце концов,

не пристаю к тебе. Не то чтобы мне это было не по нутру, нет, но я прекрасно знаю, что ты у нас девушка скромная, воспитанная по старинке. Я все это отлично понимаю.

Барбара ошеломленно смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Там, за кустом, я поставил шезлонг, – продолжил мистер Квестинг. – Посиди немножко. Тем более что мне удобнее вести разговор стоя. И не ерещись, никто тебя не съест. Надеюсь, то, что ты сейчас услышишь, тебя порадует. Предложение и впрямь не только заманчивое, но и вполне здоровое, если хоть на минутку задуматься.

Барбара беспомощно оглянулась. Ее мать как раз вышла на веранду. В любой миг она может вскинуть голову и увидеть свою дочь, которая, вместо того чтобы плескаться в теплом озере, общается тет-а-тет с мистером Квестингом. Вряд ли она одобрит такое общение. Однако выхода не было – Квестинг по-прежнему преграждал ей путь и, судя по всему, не собирался менять своих планов. Что ж, была не была. Барбара решительно обогнула куст мануки и уселась в шезлонг. Мистер Квестинг, проществовав следом, возвышался над ней, благоухая мылом, сигарами и туалетной водой.

– Вот и славно, – ухмыльнулся он, потирая руки. – Покурить не хочешь? Нет? Ну ладно. Послушай, малышка, я человек практичный и привык сразу брать быка за рога, о чем бы ни шла речь – о деле или об удовольствии. Мое предложение касается и того и другого. Однако сперва мне хотелось бы прояснить кое-какие недоразумения. Я не знаю, насколько ты посвящена в отношения, которые сложились между мной и твоим папашей...

Он приумолк, а встревоженная Барбара быстро затараторила:

– Я ничего не знаю. Совсем ничего! Папа никогда не посвящает нас в свои дела.

– Вот как? Ну надо же! Старомодный у тебя папаша, ничего не скажешь. Что ж, поскольку тебе, милочка, вряд ли интересны наши дела, утомлять тебя излишними подробностями я не стану. Речь же идет вот о чем, – небрежно махнул рукой мистер Квестинг. – Самое главное состоит в том, что твой разлюбленный папаня задолжал мне кучу денег.

Оказалось, что еще пять лет назад, по приезде в Ваи-Ата-Тапу (мистер Квестинг намеревался избавиться здесь от застарелого радикулита), он одолжил полковнику Клэру тысячу фунтов под довольно скромный процент, а в качестве залога получил расписку на дом, землю и грязевые источники. Полковник и проценты-то выплачивал неаккуратно, а потом подошел срок основного платежа. Мистер Квестинг щедро расцветчивал повествование игривыми намеками. Он ведь вовсе не собирался закручивать гайки, нет. Упаси Боже! В конце концов, каждому нужно давать шанс...

Потонув в потоке банальностей и шаблонов, Барбара наконец поняла, куда клонит мистер Квестинг.

– Нет! – в ужасе выкрикнула она. – Нет, ни за что! Пожалуйста, прекратите!

– Постой, детка, не заводись. Ты неверно меня поняла. Я же просто предлагаю тебе выйти за меня замуж, Бабс.

– Да, я поняла, но я не могу! – в отчаянии воскликнула девушка. – Пожалуйста, оставьте меня в покое!

– Послушай, но ведь я тебе вовсе не сделку предлагаю, – сказал Квестинг.

Если бы Барбара осмелилась приподнять голову, то увидела бы, как он переменялся в лице.

– Сказать по правде, малышка, я в тебя влюбился, – продолжал он. – Сам даже не знаю, как это вышло. Я ведь люблю вертлявеньких и бойких, а ты, извини за откровенность, святая простота, да еще и ходишь вечно в таком неряшливом шмотье. Впрочем, может, я именно на это и клюнул, кто знает. Стоп, не перебивай меня! У меня еще не поехала крыша, и я отлично знаю, что не могу рассчитывать на взаимность. Я бы не стал делать тебе это предложение, не будучи уверен, что ты способна, с моей помощью, сделать из этой дыры конфетку. Я понимаю, что припер тебя к стенке. Тебе трудно отказаться. Но я и вправду знаю, как позаботиться о

твоих стариках. Я подобрал им подходящее местечко. Я... – Мистер Квестинг перевел дух, потом вдруг выпалил: – Я хочу тебя, детка!

Для бедной Барбары весь этот нескончаемый и путаный монолог представлялся кошмарным сном. Усилием воли заставив себя поднять глаза и увидев перед собой этого бледного, облаченного в светло-голубой костюм человека с наметившимся брюшком и водянистыми глазами, жадно впившимися в нее, Барбара могла думать лишь об одном – как бы вырваться.

«Я не имею права отказать ему, я должна убежать» – такие мысли беспорядочно роились у нее в голове.

Заметив, что дорогой хронометр Квестинга на массивной цепочке уже раскачивается у нее под самым носом, Барбара поспешно вскочила, но не успела даже отпрянуть в сторону, как молниеносно взметнувшиеся паучьи лапки мистера Квестинга цепко ухватили ее. В течение последующих мгновений сознание девушки воспринимало только его шумное, почти громopodobное дыхание. Затем, сложив локти вместе, она попыталась отпихнуть своего ухажера, но тот навалился на нее всей тушей, жадно ища слюнявым ртом ее губы. Судорожно дернувшись в сторону, Барбара споткнулась о ножку шезлонга, опрокинула его навзничь, больно ударилась ногой и вскрикнула.

Вот эту сцену и застали подоспевшие Саймон и Дайкон.

II

Гаунт возвестил, что работать больше не собирается, и Дайкон, освободившись от обязанностей, решил прогуляться к пику Ранги. Ему захотелось своими глазами взглянуть на переезд и мост, где чуть не расстался с жизнью Смит. Завидев Саймона, Дайкон спросил, не укажет ли тот ему кратчайший путь, а Саймон неожиданно вызвался проводить молодого человека. Вот как случилось, что оба они оказались на тропинке, тянувшейся мимо озера и источников. Они отошли совсем недалеко, когда внимание их привлек какой-то шум и последовавший крик. Не теряя времени, оба поспешили на крик – и застали барахтающуюся Барбару в пылких объятиях мистера Квестинга.

Истый продукт цивилизованного общества, Дайкон был чрезвычайно благовоспитанным молодым человеком. Однако он принадлежал к поколению, отличавшемуся несколько вывихнутыми взглядами на жизнь. С необычайной легкостью, например, он воспринимал скандалы, стычки и перепалки, приученный наблюдать подобные вспышки эмоций за годы служения Гаунту. Ему бы и в голову не пришло, что какая-либо женщина из круга Гаунта и его друзей вдруг стала жертвой навязчивых ухаживаний Квестинга или ему подобных. Нет, любая из них с легкостью отшутилась бы или в крайнем случае согласилась отобедать или отужинать со своим не в меру страстным и пылким воздыхателем. Вот почему, завидев Барбару в объятиях Квестинга, молодой человек прежде всего смутился и смешался. Однако уже в следующую секунду он внутренне поразился, ощутив небывалую злость. Барбара между тем, выскользнув из онемевших пальцев мистера Квестинга, не чуя под собой ног, кинулась к брату.

В отличие от Дайкона Саймон свое воспитание получил главным образом на улице. Однако и он повел себя с небывалой выдержкой и даже достоинством. Обняв сестру за плечи, он свирепо спросил:

– Чем вы тут занимаетесь? – Не услышав ответа, Саймон сказал: – Хорошо, я с ним разберусь. Твое дело сторона.

– Эй! – озабоченно воскликнул мистер Квестинг. – Что ты там замышляешь?

– Ничего не случилось, Сим, – засуетилась Барбара. – Честное слово, он меня не тронул. Саймон обернулся через плечо и выразительно посмотрел на Дайкона.

– Позаботьтесь о ней, хорошо? – процедил он.

– Разумеется, – пообещал Дайкон, не слишком представляя, что от него требуется.

Саймон мягко подтолкнул упирающуюся сестру к Дайкону.

– Чтоб я сдох! – взревел мистер Квестинг. – Ты-то чего окрысился? В этой чертовой дыре и шагу ступить нельзя, чтобы тебя тут же не облепили как мухи. Ты совсем спятил. Мы тут с Барбарой мирно беседуем, а ты разорался, как будто ее насилуют или режут.

– Пошел ты в задницу! – коротко бросил ему Саймон. Квестинг судорожно сглотнул и ошарашенно замолчал, словно язык прикусил. – А ты, Барби, вали отсюда.

– Да, вам лучше уйти, – сказал Дайкон, осознав наконец, что от него требовалось.

Барбара что-то тихо сказала Саймону; ее брат, недобро усмехнувшись, проговорил:

– Ладно, ладно, не волнуйся.

Дайкон с Барбарой зашагали прочь, оставив Саймона и Квестинга испепелять друг друга свирепыми взглядами, словно петухи перед дракой.

Дайкон чуть поотстал. Барбара шагала почти бегом, плотно запахнув полы макинтоша. Они отмахали уже приличное расстояние, когда Дайкон заметил, что плечи девушки дрожат. Убежденный, что Барбара хочет поскорее скрыться от глаз у себя в комнате, он тем не менее сомневался, стоит ли оставлять ее одну. Тем временем они уже приблизились к дому. Миссис Клэр и полковник расставляли на веранде шезлонги. Барбара резко остановилась и обернулась. Лицо ее распухло от слез.

– Не хочу им показываться в таком виде, – прошептала она.

– Давайте обойдем вокруг.

Они свернули на тропинку, огибавшую источниками. От веранды их скрывали заросли кустарника дискариа тоумауту. Примерно на полпути Барбара замедлила шаг, присела на берег и, закрыв лицо ладонями, разрыдалась.

– Прошу вас, успокойтесь, – сконфуженно произнес Дайкон, готовый провалиться сквозь землю. – Возьмите мой платок. Хотите – я отвернусь? Отвернуться?

Барбара с вымученной улыбкой взяла у него носовой платок. Дайкон присел рядом и участливо обнял ее за плечи.

– Не стоит так расстраиваться, – попытался он ободрить девушку. – Дело-то выеденного яйца не стоит. Сущий пустяк.

– Это было так гадко!

– Чтоб он сдох, этот мерзавец! Как он посмел огорчить вас!

– Дело не только в этом, – всхлинула Барбара. – Он... Он держит нас в руках.

«Значит, прав был Колли, – подумал Дайкон. – Они в его власти».

– Как я жалею, что папочка познакомился с ним! – вскричала Барбара. – И ужасно боюсь, чтобы Сим не натворил глупостей. Не представляю, что он там с ним делает. Когда Сим выходит из себя, он просто сатанеет. Господи, – Барбара шумно высморкалась, – и за что нам только такое наказание! И все, как назло, выходит так, будто мы нарочно сговорились, чтобы закатывать дикие сцены на глазах у вас и мистера Гаунта. А он великодушно делает вид, будто ничего не замечает.

– Он вовсе не прикидывается – ему и впрямь любопытно, когда у него на глазах кипят страсти. Он это обожает. Порой даже использует в своей работе. Помните, например, в «Джейн Эйр», когда Рочестер, сам не сознавая, что делает, медленно отламывает головки цветов со свадебного букета Джейн?

– Еще бы! – вскинула голову Барбара. – Конечно, помню. Жутковато, но оч-чень красиво.

– Он перенял этот жест у пьянчужки костюмерши, которая разбиделась на знаменитую актрису. Нет, Гаунт умеет подмечать такие тонкости.

– Да? – оживилась Барбара.

– Похоже, вам уже лучше.

– Немного. А вы очень добры, – сказала Барбара и посмотрела на Дайкона так, словно увидела его впервые. – Вам ведь, должно быть, до смерти надоели наши вечные дразги.

– Вам не из-за чего извиняться, – заверил ее Дайкон. – Тем более что до сих пор толку от меня было мало.

– Отчего же? Вы так замечательно слушаете, – улыбнулась Барбара.

– Я просто до безобразия осторожен, если можно так выразиться.

– Как там все-таки Сим? – вздохнула девушка. – Вы ничего не слышите?

– Мы уже слишком далеко, чтобы их услышать. Если, конечно, они не попытаются друг друга перекричать. А что вы рассчитываете услышать? Глухие удары?

– Не знаю. Ой, послушайте!

– Н – да, – задумчиво произнес Дайкон несколько секунд спустя, – это и впрямь походило на глухой удар. Неужто мистеру Квестингу снова досталось на орехи – второй раз за какие-то две недели?

– Боюсь, что Сим все-таки врезал ему.

– Я тоже, – согласился Дайкон. – Посмотрите-ка.

На дорожке появился мистер Квестинг, бережно прижимая к лицу носовой платок. Он медленно прошествовал по тропе, а когда поравнялся с молодыми людьми, они увидели, что его платок обагрено кровью.

– Ух ты, ему нос расквасили, – восхитился Дайкон. – Ну и дела!

– Он меня увидит, – всполошилась Барбара. – Надо бежать...

Но было поздно – мистер Квестинг заметил их. Все так же, не отрывая окровавленного платка от лица, он приблизился к ним почти вплотную и остановился.

– Вот, полюбуйте! – возопил он. – Вот к чему приводит душевная доброта. Я хотел как лучше – и вот что получил в награду. Вы совсем тут все с ума посходили! Не успеешь предложить дамочке выйти за тебя замуж, как на тебя набрасываются какие-то головорезы и ты еще рад ноги унести. Нет, братцы, я с этим бардаком покончу. Извините, мистер Белл, что вас опять втянули в семейные дразги.

– Ничего страшного, мистер Квестинг, – вежливо ответил Дайкон.

Мистер Квестинг неосторожно отнял от носа платок, и в ту же секунду на его рубашку одна за другой плюхнулись три крупные красные капли.

– Дьявольщина! – выругался он, поспешно зажимая нос. – Послушай, Бабс, – прогнусавил он сквозь платок, – у тебя еще есть время подумать, но поторапливайся. Я начинаю завинчивать гайки. Дам полковнику срок до конца месяца, а потом – пусть выметаются к чертовой матери! Жаль, свидетелей нет, не то я упек бы твоего драгоценного братца за решетку. Бандюга чертов! Хватит с меня! Баста. Я сыт по горло вашей семейкой. – Мистер Квестинг вытаращился поверх носового платка на Дайкона. – Еще раз извините, старина. Вот увидите: в самое ближайшее время здесь все разительно переменится. А сейчас – счастливо оставаться.

III

Много воды утекло после завершения описываемых здесь событий, но Дайкон, вспоминая первые две недели в Ваи-Ата-Тапу, вынужден был признать, что все его обитатели жили словно на пороховой бочке. В течение довольно продолжительного времени жизнь на курорте шла размеренно и спокойно, а потом, когда всем уже начинало казаться, что все изменилось к лучшему, следовал очередной взрыв – внезапно, как гром среди ясного неба. Правда, после угроз Квестинга Дайкон уже почти не верил в то, что Клэры вновь заживут по-старому. Уклончивое поведение полковника Клэра, его жалкий вид – все это неопровержимо свидетельствовало о том, что ультиматум ему предъявлен. Однажды Дайкон наткнулся на миссис Клэр в тот миг, когда она, стоя на коленях перед запыленным чемоданом, разглядывала старые фотографии Эдварда, недоуменно трясая головой и бесцельно раскладывая их по стопкам. Перехватив взгляд Дайкона, она смущенно забормотала о том, что семейный уклад нужно сохранять

всегда, куда бы ты ни переезжал. Барбара, увидевшая в Дайконе союзника, поведала ему, что взяла с Саймона обет молчания по поводу случившегося, однако Квестинг, даже не поменяв рубашку, заперся в кабинете с полковником на целых полчаса и, без сомнения, изложил свою версию инцидента. Дайкон, в свою очередь, рассказал о стычке на озере Гаунту, но тут же пожалел о своем поступке. У актера разгорелись глаза.

– Дьявольски интересно, – произнес он, потирая руки. – Прав я все-таки оказался насчет этой девушки. Не такая она и простушка. Я ведь никогда не ошибаюсь. Да, верно, она ходит как бегемот, разговаривает как помешанная и гримасничает как целая стая обезьян. Но все это из-за отсутствия опыта и уверенности в себе. Но основа у нее есть. Жизненная закваска. Дайте мне закваску, пару живых глаз и свободное время – и я, подобно Пигмалиону, создам настоящую красотку. Вон как Квестинг распалился!

– Квестинга в первую очередь интересует курорт.

– Дорогой мой Дайкон, ни один здравомыслящий мужчина ради нескольких луж грязи не женится на женщине, которая его не привлекает. Нет, говорю тебе: Барбара вовсе не обычная девушка. Я ведь беседовал с ней. Наблюдал за ней. Сам знаешь: я никогда не ошибаюсь. Помнишь ту девчонку в «Единороге»? Тоже без образования и выучки, но ведь я сразу разглядел в ней недожиданный талант! С тех пор... Сам знаешь. – Чуть помолчав, Гаунт добавил: – А что, может, попытаться? Занятно будет.

– Что – попытаться? – еле слышно выдавил Дайкон, борясь с нарастающей паникой.

– Что, если я сделаю Барбаре Клэр подарок, а, Дайкон? Как назывался тот здоровенный магазин готового платья в Окленде? Возле отеля. Дурацкое название. Не помнишь?

– Нет.

– «Ай да Сара» – вот как! К концерту маори Барбара получит новое платье. Черное, разумеется. Это ведь проще простого. Только напиши им сразу. А лучше – съезди в Гарпун и позвони, чтобы доставили платье завтрашним поездом. Я видел подходящее в витрине – шерстяное с блестками. Очень славное. Оно ей пойдет. Пусть заодно подберут подходящие туфли и перчатки. И чулки, если можно. Попробуй уж как-нибудь выяснить ее размер. Да, и белье, конечно. Представить страшно, что она носит. Я лично займусь ею, Дайкон. Потом отвезем ее к парикмахеру. Я буду стоять над ним и подсказывать, что делать. Я сам наложу ей макияж. Да, если в «Саре» не поверят, что ты мой секретарь, пусть свяжутся с отелем. – Гаунт самодовольно взглянул на молодого человека. – Какой я все-таки ребенок, да, Дайкон? В том смысле, что получаю удовольствие от подобных забав.

В голосе секретаря прозвучал лед:

– Но, сэр, это невозможно!

– Почему, черт побери?

– Как можно сравнивать Барбару Клэр с девчонкой из «Единорога»?

– А что – у той малышки тоже были способности. Просто она была чересчур вульгарна.

– Барбара совсем не такая, – с волнением произнес Дайкон. Посмотрев на своего раздужившегося от гордости хозяина, он продолжил: – Да и Клэры, сэр, никогда этого не поймут. Вы же знаете, какие у них старомодные взгляды. Чтобы незнакомый человек дарил одежду их дочери...

– А что в этом дурного, черт возьми?

– Просто в их обществе так не принято.

– Что-то ты стал странно рассуждать, мой дорогой. Саймона, что ли, наслушался?

– Они нищие как церковные крысы, но гордые.

– Пф, ты имеешь в виду псевдогорделивую обидчивость обедневшей буржуазии? Хочешь сказать, что эти люди будут брезгливо воротить нос от моих подарков? Чушь!

– Я хочу сказать, что они вас поблагодарят, – произнес Дайкон, отчаянно стараясь не показаться нравоучительным, – но в глубине души почувствуют себя оскорбленными и затаят обиду. Хотя, несомненно, поймут, что вы действовали из самых лучших побуждений.

Лицо Гаунта побледнело. Дайкон, хорошо изучивший хозяина, понял, что перегнул палку. На мгновение его охватил страх – перспектива лишиться работы ему отнюдь не улыбалась. Гаунт же прошагал к двери и выглянул наружу. Затем, не поворачиваясь к своему секретарю, процедил:

– Отправляйся в Гарпун и закажи по телефону все, что я тебе сказал. Счет пусть пришлют мне, а свертки доставят мисс Клэр. Постой! – Подойдя к столу, он присел и быстро начертил что-то на листе бумаги. – Передашь им, чтобы переписали это послание и вложили в сверток. Без подписи, разумеется. И отправляйся сразу, не мешкай.

– Хорошо, сэр, – поклонился Дайкон.

Раздираемый сомнениями, он зашагал к гаражу. Там возился Саймон. Как турист, Гаунт пользовался скидкой на бензин, которым щедро делился со строптивым юнцом, а тот в благодарность вызвался ухаживать за роскошным автомобилем актера. Нужно было видеть, с какой любовью и нежностью он обходился со сверкающей игрушкой.

– И все-таки я считаю, что карбюратор нужно подрегулировать, – буркнул он, не глядя на Дайкона.

– Я собираюсь в Гарпун, – произнес Дайкон. – Поедешь со мной?

– Давайте.

Дайкон уже научился распознавать его интонации.

– Тогда запрыгивай, – сказал он. – Можешь сесть за руль.

– Не, это не мой драндулет, – покачал головой Саймон. – Сами рулите.

– Не упрямясь, я же сам предлагаю. Заодно проверишь двигатель.

Видя муки парня, раздираемого на части желанием и гордостью, Дайкон мигом положил им конец, решительно усевшись на место пассажира.

– Заводи, – твердо сказал он.

Когда они, обогнув пансион, выкатили на отвратительную щербатую дорогу, Дайкон, бросив взгляд на Саймона, поразился тому, с каким благоговением он вел машину. Парень просто светился.

– Ну как? – полюбопытствовал Дайкон.

– Клевый скакун, – похвалил Саймон. По мере того как автомашина набирала скорость, разгоняясь по шоссе, мальчишеское выражение на его лице постепенно вытеснялось уверенностью и даже властью. Дайкон, желая побыстрее выбросить из головы стычку с Гаунтом, втянул Саймона в разговор на интересующие парня темы: про поступление на службу, азбуку Морзе и войну в воздухе.

– Я уже состряпал один приемник, – похвастался Саймон. – С телескопической антенной. Классная штука. Передача у меня, правда, еще хромает, но зато принимать на коротких волнах я уже наострился. В основном все шлепают на морзянке, хотя бывают сообщения и на английском. Эх, вот бы меня взяли! Сколько можно находиться в подвешенном состоянии! Сдохнуть можно!

– Здесь тебя будет не доставать.

– Не волнуйтесь, мы тут и так не задержимся. Квестинг уж об этом позаботится. Я порой и сам не представляю, что станется без меня с предками, если я оставлю их на растерзание этому ублюдку.

Некоторое время после этого они ехали молча, после чего Саймон вдруг разразился потоком бессвязных на первый взгляд высказываний и обвинений. Что он только не поносил: мерзопакость Квестинга, беспомощность полковника, добродетельность Барбары, суеверия маори, неразборчивость в средствах финансовых воротил и вред от крупного бизнеса – все

переплелось в невероятную мешанину. В конце концов из всего этого винегрета вычленилась новая тема.

– Дядя Джеймс, – сказал Саймон, – полагает, что вся эта охота за сувенирами придумана только для отвода глаз. Он убежден, что Квестинг – вражеский шпион.

Дайкон хрюкнул от неожиданности.

– А что? – воинственно спросил Саймон. – Почему бы и нет? Не думаете же вы, что в Новой Зеландии нет шпионов?

– Просто на меня он такого впечатления не производит, – заметил Дайкон.

– А что, по-вашему, они должны ходить в масках и размахивать кинжалами? – ехидно осведомился Саймон.

– Нет, конечно, и все же... Просто все кругом настолько помешаны на шпионах, что любые разговоры о них начинают казаться вздором. А почему доктор Акрингтон считает...

– Я и сам не пойму. Он не любит распространяться на эту тему. Только намекает, что это еще вопрос – удастся ли Квестингу вышвырнуть нас отсюда. Вы уже были здесь, когда пустили ко дну «Ипполиту»?

– Нет. Но мы, разумеется, слышали об этом. Подводная лодка, да?

– Угу. Вышла из Гарпуна поздно ночью и затонула неподалеку от берега. Дядя Джеймс считает, что сигнал подали отсюда.

– Он подозревает Квестинга? – спросил Дайкон, пытаясь придать голосу серьезность.

– Угу. Дядя Джеймс уверен, что Квестинг решил прибрать это место к рукам уже тогда, когда ссудил отцу деньги. Дядя считает, что Квестинг – резидент со стажем, а курорт ему понадобился лишь как прикрытие – для своей подрывной деятельности.

– О Боже!

– Но ведь он и вправду ведет себя крайне подозрительно, – запальчиво заявил Саймон. – Эх, будь у наших спецов руки развязаны, он бы уже давно получил свое. В России, я слышал, с такими не цацкаются. Раз-два и к стенке! – Чуть помолчав, Саймон добавил: – Вот что я вам скажу. За ночь до того, как торпедировали «Ипполиту», с пика Ранги кто-то сигнализировал. Несколько парней из поселка маори – Эру, Реве Те-Каху и другие – плыли в ту ночь на лодке из Гарпуна и заметили вспышки. После того случая дядя Джеймс тоже видел, как кто-то подает с пика сигналы. Всем известно, что наш флот в самое ближайшее время должен получить подкрепление. Да и чем вообще занимается Квестинг? Куда он вечно шляется? Да и Берта Смита он ведь едва под поезд не отправил.

Дайкон попытался было заговорить, но Саймон не позволил.

– Несчастный случай, – хмыкнул он. – Черта с два! Его арестовать нужно за покушение на убийство! И чего у нас полиция такая беспомощная? Как будто еще под стол пешком ходят.

– И какие шаги ты собираешься предпринять? – учтиво поинтересовался Дайкон.

– Нечего ехидничать! – взорвался Саймон. – Впрочем, если хотите знать, я отвечу. Я собираюсь дежурить по ночам. Я буду следовать за Квестингом по пятам, не выпуская его из виду. И я буду наблюдать за пиком. Я уже достаточно поднатерел в морзянке, чтобы понять, что там творится. А потом отправлюсь в Гарпун и сообщу обо всем куда следует. Если там не примут мер, я потребую, чтобы его арестовали за покушение на убийство.

– А если и это не поможет?

– Тогда я сам им займусь, – с угрозой в голосе пообещал Саймон. – Мало ему не покажется.

Глава 6

Прибытие Септимуса Фолса

I

В пятницу накануне концерта события в Ваи-Ата-Тапу достигли высшей точки кипения. Началось все еще за завтраком. Новости из Лондона были неутешительными, и среди домочадцев воцарилось уныние. Полковник Клэр сидел мрачнее тучи. За весь завтрак он не проронил ни слова. Квестинг и Саймон пришли позже остальных, но по лицу Саймона Дайкон сразу же понял – случилось нечто его взволновавшее. Под глазами парня темнели круги, но лицо выражало мрачное удовлетворение. Мистер Квестинг, в свою очередь, выглядел так, будто провел бессонную ночь. Даже не паясничал в своей обычной назойливой манере. За два дня, прошедших после поездки в Гарпун, Дайкон так и не привык к мысли, что Квестинг может оказаться вражеским агентом. Он даже провел пару часов ночью, разглядывая темнеющую в отдалении макушку пика Ранги. Однако, несмотря на то что мистер Квестинг, как он утверждал, ночевал в Гарпуне, никаких световых сигналов в ту ночь с пика не подавали. Устав от бдения, молодой человек забылся сном. В предрассветные часы ему, правда, сквозь сон слышались звуки проезжающего под окнами автомобиля.

Было похоже, что Квестинг уже возвестил о подходе окончательного срока расплаты. Во всяком случае, Клэры сидели в пятницу за завтраком словно в воду опущенные. Они почти ничего не ели, но зато Дайкон не раз и не два перехватывал их обращенные друг на друга отчаянные взгляды.

Смит, казавшийся и впрямь потрясенным после прыжка с моста, позавтракал раньше всех и уже ковырялся по хозяйству, словно подтверждая, что честно отработывает харчи.

И без того мрачную и напряженную обстановку усугубляло поведение Хойи, которая, подавая доктору Акрингтону тарелку с овсяной кашей, вдруг ни с того ни с сего разразилась слезами и как угорелая вылетела из столовой, жалобно подвывая.

– Что за муха ее укусила, черт побери! – изумился доктор Акрингтон. – Я ведь ничего ей не сказал.

– Она из-за Эру Саула, – наябедничала Барбара. – Мам, он опять начал ее подкарауливать, когда она возвращается домой.

– Да, милая, я знаю. Тсс! – Нагнувшись к мужу, она произнесла своим особым голосом: – Мне кажется, милый, ты должен поговорить с Саулом. Он вконец распоясался.

– О, дьявольщина! – пробормотал полковник себе под нос.

Мистер Квестинг отодвинул стул и быстрыми шагами покинул столовую.

– Вот с кем тебе поговорить надо, отец, – назидательно сказал Саймон, кивая на дверь, за которой скрылся Квестинг. – Видел бы ты, как он...

– Не надо, прошу тебя! – взмолилась миссис Клэр, и за столом опять воцарилось молчание.

Гаунт завтракал у себя в комнате. Накануне вечером он был беспокойным и раздражительным, все у него валилось из рук. Оставив Дайкона печатать на машинке, он вдруг, неожиданно для всех, вскочил в автомобиль и помчал по чудовищной прибрежной дороге на север. Дайкону возбужденное состояние актера казалось одновременно нелепым и тревожным. За шесть лет службы у Гаунта Дайкон привык к чудачествам своего эксцентричного хозяина и находил их не только забавными, но даже милыми. Прежнее безудержное преклонение давно сменилось у Дайкона терпеливой и немного отвлеченной привязанностью, однако за десять

дней в Ваи-Ата-Тапу это отношение тревожным образом изменилось. Словно Клэры – трудолюбивые, трогательные, робкие и пустоголовые – оказались путеводным и желанным маяком, к которому прибило потрепанное штормами судно Гаунта. Дайкон не мог понять, почему актер так к ним привязался. Впрочем, больше всего его беспокоила история с платьем Барбары. Однако если поначалу молодой человек корил про себя Гаунта, считая, что тому изменил вкус, то теперь все чаще и чаще задумывался: а не потому ли он так осуждает затею с подарком, что она не пришла в голову ему самому?

Почтовая машина ежедневно проезжала по прибрежному шоссе около одиннадцати утра, и все адресованные Клэрам письма почтальон бросал в жестяной ящик, установленный на верхних воротах. Бандероли и посылки, не помещавшиеся в ящике, попросту оставлялись у ворот.

В то пасмурное утро Гаунт был буквально вне себя от беспокойства: что, если Клэры замешкаются и свертки с подарками насквозь промокнут под дождем? Дайкон уже всерьез сомневался, удастся ли Гаунту сохранить инкогнито или актер соблазнится и не устоит перед искушением сыграть роль доброго крестного.

«Один лишь намек – и пиши пропало, – гневно подумал он. – А Барбара, если даже и откажется от дурацкого платья, прикипит к Гаунту пуще прежнего».

После завтрака миссис Клэр и Барбара приступили к домашним хлопотам. Саймон же, который обычно приносил почту, как на грех куда-то запропастился, потому что дождь все-таки зарядил.

– Дубина! – возмущался Гаунт. – Спихватится час спустя – и все превратится в мерзкую кашу!

– Если хотите, сэр, я сам схожу, – вызвался Дайкон. – Когда для нас есть почта, всегда звучит рожок. Я могу выйти, как только его услышу.

– Они догадаются, что мы чего-то ждем. Даже Колли... Нет, пусть сами бегают за своей дурацкой почтой. Барбара должна получить посылку из их рук. Вот только посмотреть бы... Могу ведь я сам сходить за своими письмами! Господи, похоже, сейчас хляби небесные разверзнутся и обрушат на нас второй великий потоп! Может, Дайкон, ты все-таки прогуляешься и прихватишь почту, как бы ненароком?

Дайкон задрал голову, с сомнением посмотрел на небо, с которого стеной низвергались потоки воды, и спросил, не слишком ли сумасбродным покажется человек, которому вдруг вздумалось отправиться на прогулку в такую погоду.

– Не говоря уж о том, сэр, – добавил он по зрелом размышлении, – что почтовый автомобиль может на пару часов опоздать и прогулка моя несколько затянется.

– Ты с самого начала противился моей задумке, – проворчал Гаунт. – Хорошо, пойдем тогда часик поработаем.

Проследовав за хозяином в его апартаменты, Дайкон уселся и вытащил из кармана записную книжку. Его так и подмывало разыскать Саймона и спросить, чем закончилось его ночное бдение.

Меряя шагами комнату, Гаунт принялся диктовать:

– Актеры – люди по натуре скромные и отзывчивые. Будучи, должно быть, более чувствительными, чем обычные люди, они тоньше чувствуют...

Дайкон поднял голову.

– Что опять не так? – недовольно спросил Гаунт.

– Чувствительные, чувствуют...

– Проклятие! Хорошо – они более восприимчивы, чем обычные люди, и более... Ну что еще?

– Два «более» рядом, сэр.

– Ну так вычеркни второе сам! Сколько раз я тебе твердил, чтобы ты не прерывал меня по пустякам! И так, они более восприимчивы, чем обычные люди, к тончайшим нюансам, нежнейшим оттенкам чувств. Я всегда замечал, что и сам обладаю этим уникальным даром.

– Прошу вас, сэр, повторите последнюю фразу. Ливень так барабанит по крыше, что я почти ничего не понимаю. Я остановился на «тончайших нюансах».

Гаунт свирепо ощерился.

– Что я, по-твоему, орать во всю глотку должен?

– Нет, сэр, лучше я буду ходить за вами по пятам и ловить каждое слово.

– Чушь собачья!

– О, кажется, дождь стихает.

Дождь в самом деле прекратился с пугающей внезапностью субтропического ливня, а с земли и крыш строений Ваи-Ата-Тапу повалил густой пар. Гаунт заметно успокоился, и дальше диктовка протекала уже без эксцессов.

II

В десять утра Гаунт в сопровождении Колли отправился на источники греть свою ногу, а Дайкон поспешил на поиски Саймона. Нашел он юношу в его убежище – безукоризненно вычищенной и убранной клетушке, заставленной журналами и учебниками по связи и радиоэлектронике. Саймон беседовал с Гербертом Смитом, который при виде Дайкона проворчал что-то маловразумительное и убрался восвояси.

В противоположность Смигу Саймон встретил гостя почти радушно. Дайкон не знал, как воспринимает его этот парнишка, но надеялся, что после случая у озера и поездки в Гарпун несколько вырос в его глазах. Он подозревал, правда, что Саймон считает его отпетым бездельником и хлыщом, и утешался лишь тем, что в целом парень относился к нему без враждебности.

– Ну вот! – заявил Саймон. – Чего и следовало ожидать. Квестинг сказал Смигу, что его в отличие от всех нас он выгонять не собирается, и даже посулил назначить ему вполне приличное жалованье. Что вы на это скажете?

– Довольно неожиданная перемена.

– Еще какая! Что же он затеял?

– Может, он просто хочет, чтобы Смит набрал в рот воды? – предположил Дайкон.

– Это еще мягко сказано! Он же бешеный, этот Квестинг. Попытался укокошить Берта, но сел в лужу. Знает, что во второй раз такой номер у него не пройдет, вот и заладил: «Держи язык за зубами, а я уж о тебе позабочусь».

– Не могу поверить...

– Знаете, мистер Белл, я уже по горло сыт вашей наивностью. Вы со своими театральными хлюпиками совсем позабыли, что такое настоящий мужчина.

– Дорогой мой Клэр, – заговорил Дайкон с некоторой горячностью, – позвольте вам заметить, что способность орать во все горло и хамить всем подряд, в особенности тем, кто не ответит вам тем же, еще не делает человека настоящим мужчиной. Если же те, кого вы считаете мужчинами, занимаются подкупом и убийствами, то мне куда милее театральные, как вы изволили выразиться, «хлюпики». – Дайкон снял очки и принялся исступленно полировать и без того чистые стекла носовым платком. – И если слово «хлюпик» означает то, что я думаю, то ты – глупец и невежа. И перестань называть меня мистером Беллом. Ведешь себя как последний лицемер.

Лицо Саймона медленно приняло пунцовый оттенок.

– Я не нарочно, Дайк, – запинаясь, пояснил он. – «Мистер» – это привычная для меня форма обращения. Слово само с языка слетает.

– Неужели?

– Угу. А «хлюпик» – это просто слабак. Парень, которому некогда заниматься настоящим делом. Англичанин, одним словом.

– Например, Уинстон Черчилль?

– Ну это уж полная чушь! – взорвался Саймон, но почти сразу ухмыльнулся. – Ладно, ваша взяла! – кивнул он. – Извините.

Дайкон заморгал.

– Что ж, это очень мило с твоей стороны, – сказал он. – Я тоже прошу у тебя прощения. А теперь расскажи, каковы последние новости о Квестинге? Обещаю, что не буду больше морщиться, услышав про диверсии, убийства, шпионаж или подрывную деятельность. Итак, что тебе удалось выяснить?

Саймон встал и закрыл дверь. Потом угостил Дайкона сигаретой, закурил сам и приступил к рассказу.

– В среду, – сказал он, – я только зря потерял время. Коту под хвост. Он укатил в Гарпун и весь вечер проторчал в пабе – чай гонял. Там его кореш направляет. Берг Смит тоже околачивался в городе и подтвердил, что Квестинг не выходил из паба. Он даже подбросил Берга домой. Должно быть, Берг был пьян в дупель, раз согласился. Он, кстати, опять пьет как лошадь. Словом, среду вычеркиваем. А вот вчера началась настоящая потеха. Поначалу Квестинг, видимо, опять сидел в пабе, а потом напрямик помчался к пику Ранги. Около семи я прикатил на велике к переезду – семафор, кстати, работает как часы – и засел в кустах. Вот, значит, а часа через три смотрю – мистер Квестинг прет на своем драндулете. Где он только бензин берет? Ну вот, катит он себе по дороге, а я чапаю к лежке, что заранее себе приглядел. Утес там такой торчит по другую сторону заливчика, прямо напротив пика. В конце скалистой отмели. Пришлось, правда, вброд перебираться. Сам-то пик скалистую гряду венчает. Со стороны моря – крутой обрыв, а с противоположной – довольно пологий склон. Безногий младенец влезет. Там еще сохранилась тропа, по которой поднимались маори, когда тащили хоронить своих мертвецов в кратере. Примерно на полпути к вершине тропа раздваивается, и оттуда можно попасть к обрыву. Там есть небольшая расселина. Снизу-то, да и почти со всех сторон, ее не видно, но если забраться в мое орлиное гнездо, то она как на ладони. Я сразу сообразил, что у него именно там засидка. Конечно, мне пришлось здорово попотеть, чтобы поспеть вовремя. Да еще и вымок до нитки. А уж замерз, скажу я вам... Зуб на зуб не попадал. Да еще и ветер задул с моря. Словом, все тридцать три удовольствия!

– Не хочешь ли ты сказать, – вздернул брови Дайкон, – что махнул на велосипеде прямо до того мыса, что находится за Гарпуном? Это же миль семь, не меньше.

– Именно. Причем умудрился обогнать Квестинга. Зато продрог до мозга костей. Но с пика глаз не спускал. В гавани какое-то судно загружалось. Не знаю – чем. Надо Берга Смита спросить. Они с Эру Саулом закорешились с какими-то докерами. Пьянствуют вместе. Вот и вчера малость гульнули. Представляю, как Берг...

– Ты про Квестинга говорил, – нетерпеливо напомнил Дайкон.

– Ну да. Так вот, я уже начал подозревать, что меня провели, когда увидел вспышки. Причем в том самом месте, про которое я и говорил.

– Ты что-нибудь разобрал?

– Неуют, – свирепо прогнусавил Саймон. – Если это была морзянка, то зашифрованная. Впрочем, иного я и не ждал. Но сигналы подавались по определенной системе. Поначалу три длинные вспышки с интервалом в минуту. Скажем, «Выхожу на связь». Потом само послание. Допустим, пять коротких вспышек. «Корабль в порту». Повторяется трижды. Затем день отплытия. Одна длинная вспышка – «Сегодня вечером». Две короткие – «Завтра». Три короткие – «Завтра вечером». Затем продолжительное затишье – и все повторяется снова.

– И ты все это видел своими глазами?

– Шесть раз с пятнадцатиминутными интервалами. Причем всякий раз сообщение неизменно заканчивалось тремя короткими вспышками.

– Фантастика! – вырвалось у Дайкона.

– Разумеется, я не могу побороться, что верно понял смысл. Может, он имел в виду нечто совсем другое.

– Возможно. – Молодые люди с пониманием посмотрели друг на друга.

– Как бы узнать, что грузили на это судно? – вздохнул Саймон.

– А с моря никто не отвечал? – поинтересовался Дайкон и тут же сокрушенно покачал головой: – Я, правда, в этом совсем не смыслю.

– Я не заметил. Вряд ли, конечно, вражеский рейдер подошел бы к пику с северной стороны, потому что тогда его могли бы заметить из Гарпуна. Но там одни скалы и мелкие бухточки.

– И сколько же ты там просидел?

– До конца сеанса. Прилив уже начался. Мне едва ли не вплавь пришлось перебираться. А этот прохвост меня на сей раз обставил. Шина у меня спустила – чтоб ей неладно было! – и мне пришлось трижды ее подкачивать. Когда я добрался до дома, его драндулет уже торчал в гараже. Вот ведь прохиндей! Ничего, уж я до него доберусь. Он у меня попляшет!

– Что ты замыслил?

– Поеду в город и заявлю в полицию.

– Давай я возьму машину.

– Нет, я на велике сгоняю. Кстати, вам бы лучше ничего не говорить ему...

– Кому?

Саймон мотнул головой в сторону дома.

– Гаунту? Боюсь, что этого пообещать не могу. Мы ведь постоянно обсуждаем Квестинга, да и с Колли он общается, а Колли тоже многое от тебя знает. Да и потом, с какой стати я вдруг стану что-то утаивать от него? И вообще – ты плохо знаешь Гаунта. А он – это слово стало звучать почти ругательно – настоящий патриот, между прочим. Весь гонорар за трехнедельные гастроли в Мельбурне он перечислил на военные нужды.

– Пф! – презрительно фыркнул Саймон. – Деньги – мусор.

– Но именно его-то нам и не хватает. Мне в любом случае нужно потолковать с ним по поводу прошлой ночи. Ему вдруг взбрело в голову прокатиться на машине. Кто знает – может, Гаунт тоже заметил эти вспышки. Он ведь как раз собирался в сторону мыса.

– Господи, видели бы вы, в каком состоянии он пригнал машину назад! Дорога, конечно, не идеальная, я понимаю. Но чтоб так уделать тачку! Вся в грязи, оба крыла поцарапаны. Удивительно еще, что он не сломал заднюю ось, ухнув в какую-нибудь колдобину. Горе-водила!

Дайкон решил пропустить этот выпад мимо ушей.

– А что думает доктор Акрингтон? – спросил он. – Он ведь первый его заподозрил. Может, посоветуешься с ним, прежде чем обращаться в полицию?

– Дядя Джеймс видит все иначе, чем я, – запальчиво произнес Саймон. – Мы плохо понимаем друг друга. Он обзывает меня грубияном или неандертальцем, а я считаю, что он осел и зануда.

– И все же мне кажется, что не мешало бы с ним посоветоваться.

– Он куда-то слинял.

– Но ведь завтра возвращается. Дождись его приезда, прошу тебя.

С шоссе послышался звук рожка.

– Почту привезли! – вскричал Дайкон.

– Угу, ну и что? – равнодушно хмыкнул Саймон.

Дайкон встревоженно выглянул из окна.

– Дождь опять начался.

- И что из этого?
- Ничего, ничего, – поспешно ответил Дайкон.

III

За почтой пошла Барбара. Дайкон увидел, как она выбежала из дома, набросив на голову макинтош, и услышал, как миссис Клэр крикнула ей вдогонку, как бы хлеб не промок. Точно! Сегодня должны были привезти хлеб, вспомнил Дайкон. Предчувствуя приближение неминуемой катастрофы, он проводил Барбару взглядом – она стремглав неслась вверх по косогору, потешно выбрасывая ноги в стороны.

Верный своему долгу Дайкон отправился к патрону и доложил о доставке почты.

Спеша за почтой, Барбара была готова петь от счастья. Теплые и невесомые, как туманная дымка, капли дождя нежно ласкали ее лицо. Пряный аромат влажной земли позволял хоть ненадолго забыть о тяжелом запахе серы, а легкий бриз доносил из-за гор свежее дыхание океана. День был такой чудесный, что она даже забыла на время о грядущих невзгодах. Ничто в это утро не могло омрачить ее настроения.

Коробка из Окленда лежала под почтовым ящиком, наполовину скрытая высокой травой и батолами. В первое мгновение Барбара решила, что ее оставили по ошибке, затем подумала, что посылка, видимо, адресована Гаунту или Дайкону Беллу, и вдруг прочла свое имя! В ее мозгу лихорадочно замелькали самые невероятные предположения. Незнакомая тетя Винни прислала очередную кучу тряпья, никому не нужных обносков. Да, наверняка. Но что это? Сверкающий ярлык, яркие краски, новозеландские марки и печать на упаковке...

Новехонькое, с иголки, безукоризненно отутюженное и сложенное платье.

Неизвестно, сколько простояла бы Барбара на коленях в мокрой траве перед этим чудом, если бы на украшавшие платье стальные звездочки не упали первые капли дождя. Девушка проворно завернула платье в бумагу и положила в коробку, но встать никак не могла. В голове клубился туман, колени предательски дрожали.

– Что там у тебя? – спросил сзади грубоватый голос.

Барбара обернулась и устремила на подошедшего Саймона взгляд, в котором читались одновременно радость и недоумение.

– Это не мое, Сим, – пролепетала она. – Здесь какая-то ошибка.

Саймон спросил, что находится в посылке. Барбара уже стащила с себя макинтош и бережно завернула в него драгоценную коробку.

– Потрясное черное платье, – ответила девушка. – С тремя звездами. И еще какие-то вещи. Я даже не посмотрела. Это ведь не мое.

– Тетя Винни, что ли?

– Нет, тетя такие вещи не посылает. Платье совершенно новое. Ненадеванное. Да и прислали его из Окленда. Должно быть, здесь где-то есть другая Барбара Клэр.

– Ты, верно, спятила, – сказал Саймон. – А вдруг она денег прислала или еще чего. И зачем ты плащ-то сняла? Промокнешь.

Барбара встала, прижимая к груди огромную коробку.

– Но все-таки на ней – мое имя! И адрес наш. А внутри конверт, тоже адресованный мне.

– А в нем что?

– Я не смотрела.

– Ты что, дура?

– Не может быть, чтобы это предназначалось мне.

– Вы только полюбуйте на нее, – вышел из себя Саймон. – Большой идиотки я не встречал.

Недовольно махнув рукой, он поднял крышку почтового ящика.

– Так, от дяди Джеймса открытка. Сегодня вечером возвращается. Телеграмма маме из Окленда. Странно. И целая кипа какой-то мурлы для постояльцев. А хлеб-то кто в грязи извлял? Тебе наплевать, что ли? Стой, а то ноги оторву!

Но Барбара, прижимая к груди драгоценный сверток, уже неслась что было мочи под гору. Гаунт нетерпеливо поджидал ее на веранде, облаченный в атласный халат.

«Загадочный и блестящий», – язвительно подумал Дайкон. Какая бы участь ни постигла его платье, Гаунт был уже вознагражден, наблюдая, с каким счастливым видом взлетела Барбара на веранду.

– Мама! – завопила она. – Мамочка!

– Привет! – крикнул Гаунт. – Подарок на день рождения, что ли?

– Нет, мистер Гаунт. Случилось что-то невероятное. Совершенно необъяснимое!

Барбара лихорадочно сорвала с посылки макинтош. Ее руки, слегка огрубевшие от домашней работы, но еще не распухшие, заметно дрожали. Она принялась осторожно разворачивать бумагу.

– Что там, китайский фарфор, что ли?

– Нет, я просто... у меня руки грязные!

Барбара убежала в ванную. На дороге показался Саймон с хлебом. Приблизившись к дому, он поднялся на веранду и исчез внутри.

– Ты сказал им, что написать? – спросил Гаунт Дайкона.

– Да.

Вернулась Барбара и снова позвала мать. Миссис Клэр и полковник испуганно выбежали на веранду; вид у них был такой, будто они ожидали по меньшей мере извержения вулкана.

– Барби, что ты так расшумелась? – испуганно спросила миссис Клэр. Заметив на веранде своего знаменитого гостя, она смущенно улыбнулась. Ее муж и брат не разгуливали по веранде в экзотических халатах, однако со времени приезда Гаунта понятия миссис Клэр о хороших манерах заметно изменились.

Барбара раскрыла коробку. Родители девушки, возбужденно переговариваясь, ошалело уставились на платье. Барбара достала конверт.

– Неужто это и вправду мне? – произнесла она. Дайкон понял, что девушка боится вскрыть конверт.

– О Господи! – выкрикнул ее отец. – Где ты это купила?

– Это не я, папочка. Мне...

– Тетя Винни! – всплеснула руками миссис Клэр. – Вот добрая душа!

– Но это вовсе не ее почерк, – нахмурился полковник.

– Точно, – закивала Барбара. Она вскрыла конверт, и на черное платье выпала довольно крупная открытка. Размашистая надпись зелеными чернилами была сделана явно женской рукой. Барбара прочитала вслух: – «Коль вы воспримете сей дар, то, значит, он бесценен». И все, – с легким недоумением произнесла Барбара.

Вид у ее родителей был преозадаченный. Подоспевший Саймон высказал предположение, что тетя Винни прислала в Окленд чек с поручительством.

– Но она никогда в жизни не бывала в Окленде, – покачал головой полковник. – Может ли женщина, живущая в Пуне, посылать чек в новозеландский магазин, о котором и слухом не слыхивала? Чепуха на постном масле.

– А я вот что скажу, – промолвила миссис Клэр. – Тетя Винни, конечно, очень добра, но лучше бы она все-таки не играла с нами в кошки-мышки. В любом случае, Барби, я считаю, что ты непременно должна написать ей и поблагодарить за чудесный подарок.

– Но я повторяю, Агнес, – повысил голос полковник, – это вовсе не от Винни!

– Как ты можешь судить, дорогой, если она не подписалась?

– Почерк не ее, говорю же тебе, – раздраженно зашипел полковник. – Чернила зеленые, да еще эти завитушки... Нелепость какая-то!

– Может, она хотела нас разыграть?

Полковник Клэр вдруг повернулся и зашагал прочь. Выглядел он жалким и растерянным.

– Извините, можно нам взглянуть на платье? – спросил Гаунт.

Барбара вытащила платье из коробки и, расправив, приподняла. В складках юбки сияли три звезды. Платье было изумительным в своей простоте.

– Ой, какая прелесть! – восхитился Гаунт. – Совершенно очаровательное. А вам нравится?

– Мне! – Глаза Барбары увлажнились. – Оно настолько прелестно, что все это кажется мне каким-то дивным сном.

– Я вижу, в коробке еще что-то есть. Могу я подержать платье?

Гаунт взял платье, а Барбара, опершись коленками на стул, принялась лихорадочно изучать содержимое коробки. Даже у Дайкона, которому велели не скупиться на расходы, глаза на лоб полезли. Чего там только не было – атлас, тончайшее белье, кружева! Вытащив особенно изящный и интимный предмет одежды, Барбара залилась густым румянцем и поспешно припрятала его. Миссис Клэр решительно встала между дочерью и Гаунтом.

– Может быть, ты лучше отнесешь коробку в дом, милая? – строго предложила она.

Ее дочь поволокла коробку в дом, а Гаунт, к неудовольствию миссис Клэр, последовал за Барбарой, бережно держа в руках платье. В столовой развернулось любопытное действо: Барбара не знала, радоваться ей или смущаться, Гаунт по-хозяйски рассматривал содержимое коробки, а миссис Клэр тщетно пыталась отвлечь его внимание, сбивчиво рассказывая про Винни, приходившуюся Барбаре не только родной теткой, но и крестной матерью. Дайкон поглядывал в их сторону, а Саймон погрузился в газету. Вскрыв еще пару свертков, Гаунт обнаружил в них чулки и туфли.

– О Боже! – воскликнул он. – Да здесь целое приданое!

На мгновение в проеме двери появился полковник Клэр.

– Это, должно быть, дело рук Джеймса, – проскрипел он и исчез.

– Дядя Джеймс! – вскричала Барбара. – Mamочка, а вдруг это и вправду дядя Джеймс?

– Может быть, Винни ему написала, – упорно гнула свою линию миссис Клэр.

С веранды послышался обидный смех.

– Она его даже не знает, – прогудел Саймон.

– Но она знает о его существовании, – хмуро возразила миссис Клэр.

– Слушай, ма, ты ведь держишь в руке телеграмму, – трезво напомнил Саймон. – Почему бы тебе не прочитать ее? Может, в ней раскрывается тайна этого подарка.

Пока миссис Клэр читала, все так и пожирала ее глазами. Поначалу в ее лице отразилось удивление, которое затем сменилось откровенным ужасом.

– О нет! – вскричала она наконец. – Только не это! Ни за что! Господи, что же нам теперь делать?

– Ну что там еще? – рыкнул Саймон.

– Это от какого-то мистера Септимуса Фолса. Он страдает от радикулита и приезжает к нам на две недели. Как мне быть?

– Откажи ему.

– Не могу. Здесь нет обратного адреса. Он написал только: «Просьба забронировать односторонний номер с пятницы и организовать лечение радикулита сроком на две недели. Септимус Фолс». И все. С пятницы. С пятницы! – взывала миссис Клэр. – Это ведь сегодня!

IV

Такси доставило мистера Септимуса Фолса на курорт Ваи-Ата-Тапу в половине пятого, буквально за несколько минут до приезда доктора Акрингтона, который прикатил из Гарпуна на собственной машине. Приложив невероятные усилия, Клэры ухитрились подготовиться к прибытию нового постояльца. Саймон переехал в свою клетушку, Барбара перебралась в комнату Саймона, а спальню девушки спешно переоборудовали в номер для мистера Фолса, который оказался англичанином средних лет. Он был довольно высок, но передвигался в полусогнутом положении, тяжело опираясь на трость. В целом гость отличался приятной наружностью, хорошим воспитанием и своеобразным чувством юмора.

– Извините великодушно, что не смог предупредить вас заранее, – произнес мистер Фолс, поднимаясь по ступенькам и слегка морщась от боли. – Злосчастный недуг обрушился на меня только вчера вечером. Я прочел в газете вашу рекламу, а мой лечащий врач подтвердил, что термальные ванны – как раз то, что мне требуется.

– Но мы не давали рекламных объявлений, – изумилась миссис Клэр.

– Тем не менее я видел объявление собственными глазами. Если, конечно, я не имел несчастья приехать на другой курорт Ваи-Ата-Тапу. Надеюсь, ваша фамилия Квестинг?

Миссис Клэр порозовела и вежливо ответила:

– Моя фамилия Клэр, но в остальном вы не ошиблись. Могу я проводить вас в вашу комнату?

Мистер Фолс рассыпался в извинениях и поблагодарил ее. Спартанская обстановка комнаты Барбары привела его в восторг.

– Вы даже представить себе не можете, – заговорил он располагающим тоном, – до чего мне надоели гостиничные покои. Я ведь прожил в отелях шесть месяцев кряду и настолько заплесневел от традиций люкс-апартаментов, что уже всерьез борюсь с собой, прежде чем нацепить галстук в крапинку к полосатому костюму. Ужас как натерпелся. Зато здесь, – он обвел любовным взглядом аляповатую мебель Барбары, которую девушка, подержав как-то в руках журнал по домоводству, раскрасила в совершенно дикие цвета, – я быстро вернусь в свое нормальное состояние.

Таксист занес в дом багаж гостя. Три новехоньких чемодана удивительным образом соседствовали с одиноким малюткой, изрядно потрепанным временем и дорогами, но зато сплошь покрытым наклейками и этикетками. Миссис Клэр в жизни не видела столько наклеек. В дополнение к тесно лепившимся и наседавшим друг на друга британским и европейским ярлыкам вся крышка была испещрена бесчисленными новозеландскими названиями. Перехватив ее взгляд, мистер Фолс сказал:

– Вы, должно быть, подумали, что я только и делаю, что путешествую, почти не бывая в собственной стране? Нет, разгадка в том, что этот поросенок затерялся, а потом следовал по всей Новой Зеландии за каким-то другим Фолсом. Могу предложить вам вечернюю газету. Увы, новости с фронта все те же.

Миссис Клэр сбивчиво поблагодарила его и удалилась на веранду, где ее брат раздраженно препирался с Барбарой. Дайкон стоял чуть поодаль, делая вид, что не замечает происходящего.

– Привет, старичок. – Миссис Клэр радостно расцеловала доктора Акрингтона в обе щеки. – Мы уже по тебе соскучились.

– Можно подумать, я на Южном полюсе побывал, – фыркнул ее брат, но поцелуй возвратил и снова напустился на Барбару:

– Да перестань наконец строить рожи! С какой стати я буду врать, глупышка? Да и с чего бы это мне вдруг вздумалось дарить тебе такие наряды?

– Нет, правда, дядя Джеймс? Честное слово? Честное-пречестное?

– Да видно же, что у него рыльце в пушку! – воскликнула миссис Клэр, смеясь. – Ах, притвора! Мы тут хором благословляли крестную мать, а никому даже в голову не пришло, что тут на самом деле крестный отец постарался. Ай да Джеймс! Ах, проказник! Ах, шалунишка. – Она снова пылко расцеловала брата. – Право, не стоило так...

– Боже милосердный! – Доктор Акрингтон в сердцах воздел руки к небу. – Неужто я похож на сказочного благодетеля! Неужели я, который все последние годы только и делал, что твердил вам об экономии и бережливости, вдруг стал бы тратить немыслимые деньги на женское тряпье! И скажи мне, Агнес, почему ты так пялишься на эту газету? Неужто надеешься вычитать там что-то полезное?

Вместо ответа миссис Клэр протянула ему газету и ткнула рукой в колонку объявлений. Барбара прочитала через плечо доктора Акрингтона:

«ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ

Горячие источники Ваи-Ата-Тапу

Посетите сказочно живописный оздоровительный курорт на севере страны. Уникальные свойства целебных источников позволяют добиться ошеломляющих результатов. Восхитительная природа. Уютный частный пансион. Все удобства и внимательное отношение персонала. Постоянный врачебный контроль. Новое руководство.

М. КВЕСТИНГ».

Газета затряслась в руках доктора Акрингтона. Его сестра ткнула пальцем в колонку светской хроники.

«Мистер Джеффри Гаунт, знаменитый английский актер, отдыхает в настоящее время на бальнеологическом курорте Ваи-Ата-Тапу. Его сопровождает личный секретарь, мистер Дайкон Белл».

– Джеймс! – вскричала миссис Клэр. – Вспомни про свою язву! Тебе вредно нервничать. Ее брат с побелевшими губами, трясущийся мелкой дрожью, являл классический пример человека, потерявшего над собой власть.

– Тем более, – робко продолжала миссис Клэр, – что это недалеко от истины. Он ведь и впрямь скоро станет здесь хозяином. Конечно, он мог бы и подождать немного. Бедняга Эдвард...

– К чертям собачьим беднягу Эдварда! – прошептал доктор Акрингтон, сверкая глазами. – Ты читать умеешь? Забудь ты о своем слабоумном супруге и скажи мне, как я должен истолковать вот это? – Он гневно ткнул перстом в предпоследнюю строку объявления. – Вот, полюбуйся – «Постоянный врачебный контроль». Врачебный контроль! Ведь этот убудок меня имеет в виду! Меня!

Голос доктора Акрингтона внезапно сорвался на визг. Он ожег свирепым взглядом Барбару, которая тут же разразилась истерическим хохотом. Вконец осатанев, доктор изрыгнул какое-то богохульство и, скомкав газету, швырнул к ногам сестры.

– Психи ненормальные! – проорал он и, круто повернувшись, слепо рванул по веранде к своей комнате.

Однако в эту самую минуту судьбе угодно было вытолкнуть на веранду Септимуса Фолса, и оба прихрамывающих господина оказались буквально в паре шагов друг от друга. Ужасное по своим последствиям столкновение казалось неминуемым. Дайкон невольно выкрикнул:

– Доктор Акрингтон! Осторожно, сэр!

Доктор и мистер Фолс замерли как вкопанные. Септимус Фолс расплылся в приветливой улыбке.

– Доктор Акрингтон? Так это вы, сэр! Рад с вами познакомиться. Я уже хотел узнать, как вас найти. Позвольте представиться – меня зовут Септимус Фолс. Значит, вы и есть наш лечащий врач?

Миссис Клэр, Дайкон и Барбара в ужасе зажмурились и затаили дыхание. Побагровевший доктор Акрингтон сжал кулаки и попытался было что-то сказать, но вместо слов из его горла вырывалось лишь сдавленное рычание. Септимус Фолс – классическое воплощение замученного радикулитом страдальца – с трудом разогнулся и обеспокоенно посмотрел в лицо доктору Акрингтону. Вдруг глаза его засветились. – Боже, неужели вы – доктор Джеймс Акрингтон? Какое счастье! Даже не верится. Я слышал, что вы осчастливили Новую Зеландию своим приездом, но... не ожидал, право. Я сразу узнал вас по фотографии в «Некоторых аспектах изучения сравнительной анатомии». Ну надо же, такая честь...

– Вы сказали – вас зовут Септимус Фолс?

– Да.

– С ума сойти.

– Я даже не смею надеяться, что вы обо мне слышали.

– Идемте ко мне! – мотнул головой доктор Акрингтон. – Я хочу с вами поговорить.

Глава 7 Торпеда

I

– Похоже, – сказал позже Дайкон, – что мистера Фолса всерьез интересует анатомия, а доктор Акрингтон вот уже несколько лет является его идиолом. Причем прояснилось это за считанные мгновения до кровопролития. Между прочим, наш доктор, судя по всему, даже этой встрече рад.

– А куда подевался Фолс? – полюбопытствовал Гаунт. – Почему он с нами не ужинал?

– Мне кажется, он долго парился в горячем источнике, после чего сразу лег в постель. Доктор Акрингтон подозревает, что ему поставили неправильный диагноз, и собирается поколдовать над его крестцом.

– Брр! Не завидую я этому Фолсу. Доктор мне всю ногу исколол. А ты заметил, Дайкон, как преобразилась наша малышка? Она показалась мне необыкновенно хорошенькой, когда рассматривала свое новое платье. Представляю, что будет, когда она его наденет. Нужно непременно отвезти ее завтра к парикмахеру. Местная публика просто обалдеет. Концерт всем надолго запомнится, это как пить дать.

– Да, – сухо сказал Дайкон.

– Если ты, конечно, не будешь брюзжать и сидеть как в воду опущенный.

– Не буду, сэр, уверяю вас, – произнес Дайкон и, сделав над собой усилие, добавил: – Вы доставили ей невероятное наслаждение.

– А главное: она не догадывается, кто это. – Гаунт метнул на своего секретаря пыливый взгляд и, чуть поколебавшись, взял за локоть. – Я хочу поставить маленький психологический опыт. Когда Галатее преобразится, примет поздравления и немного привыкнет к своему новому состоянию, я признаюсь, кто ее тайный даритель. Интересно, какой будет ее реакция?

– Я думаю, она разрыдается и вернет подарки.

– Нет, только не она. Дорогой мой, я буду очень тактичным и нежным. Ах! Самому интересно, что из этого выйдет.

Дайкон промолчал.

– Почему ты молчишь? Тебе что-то не нравится? – спросил Гаунт.

– Да, сэр, – кивнул Дайкон. – Мне не нравится ваша затея.

– Что значит – не нравится? Надеюсь, ты не собираешься меня отговаривать? Черт побери, Дайкон, ты превращаешься в сварливую старуху. И почему только я тебя терплю, сам не знаю.

– Может быть, потому, сэр, что я не боюсь честно отвечать на вопросы.

– Приставать к девчонке я не намерен, если тебя это волнует. Ты распустился, дорогой мой, и стал чересчур чувствителен. Вся эта болтовня про шпионов и закладные притупила твоё эстетическое восприятие. Ты превращаешь безобидного шалуна в коварного оболыстителя. Повторяю, у меня нет никаких дурных намерений в отношении Барбары Клэр. Я не Квестинг.

– Квестинг для нее не так опасен, – выпалил вдруг Дайкон, сам того не желая. – В Квестинга она по крайней мере не влюблена. Неужели вы не понимаете, сэр, что после вашего экстравагантного подарка она будет ждать естественного продолжения? Вы и без того уже вскрыли ей голову.

– Ерунда, – отрезал Гаунт, однако задумчиво почесал затылок. – Она прекрасно понимает, что я ей в отцы гожусь.

– Девочка ослеплена, – пылко произнес Дайкон. – Она выросла в глухой провинции, и вдруг появляется знаменитый актер и начинает оказывать ей знаки внимания.

– Не делай из мухи слона, – поморщился Гаунт. – Лучше честно признайся – ты ведь сам влюблен в нее по уши, да?

Дайкон промолчал. Гаунт подошел к нему, игриво обнял сзади за плечи и встряхнул.

– Ничего, Белл, это пройдет, – сказал он. – Подумай хорошенько, и поймешь, что я прав. А пока обещаю: я буду обращаться с ней бережно, как с фарфоровой статуэткой. Но отказываться от своего замысла я не намерен.

Пришлось Дайкону удовольствоваться этим обещанием. Пожелав друг другу спокойной ночи, они разошлись по спальням.

II

В ту же ночь, двадцать минут первого, в Тасмановом море, в шести милях к северу от Гарпунской бухты, был торпедирован и пущен ко дну корабль. Тот самый, за погрузкой которого наблюдал продрогший Саймон в ту памятную зябкую ночь. Позднее выяснилось, что судно под названием «Хокианага» перевозило слитки золота для казначейства Соединенных Штатов. Ночь стояла теплая, тихая и почти безветренная, и многие обитатели Гарпуна утверждали на следующий день, что слышали взрыв. В Ваи-Ата-Тапу печальные новости доставила Хойя, примчавшаяся поутру с вытаращенными глазами. Большинство членов экипажа удалось спасти, сказала она, и доставить в Гарпун. Сама «Хокианага» еще тоже не пошла ко дну, и с вершины пика Ранги ее можно увидеть в бинокль.

Саймон ввалился в комнату Дайкона, преисполненный злобного торжества, окончательно уверившийся в виновности Квестинга. Он готов был в ту же минуту вскочить на велосипед и сломя голову мчаться в Гарпун. «Расшевелить этих лежебок» – как он выразился.

– Предупреди я их вчера, этого не случилось бы, – заявил Саймон. – Черт бы меня побрал, никогда не прощу себе, если Квестингу это сойдет с рук. А все из-за вас, Белл, – злобно зыркнул он глазом на Дайкона. – Вы меня отговорили. Вот и радуйтесь теперь.

Дайкон в ответ заметил, что не чувствует своей вины: власти в любом случае не успели бы обнаружить вражескую субмарину.

– Но они могли остановить корабль! – вскричал Саймон.

– На том лишь основании, что тебе померещились какие-то подозрительные сигналы? Не злись – я-то тебе верю, но вот полицию ты навряд ли убедил бы.

– Гори они вечным огнем в геенне огненной! – проревел Саймон. – Пойду сам сверну шею этому Квестингу – и дело с концом!

– Да угомонись ты, – миролюбиво сказал Дайкон. – Твои петушинные наскоки на Квестинга ни к чему хорошему не приведут. Я бы на твоём месте лучше посоветовался с доктором Акрингтоном – он тоже его подозревает.

В конце концов Дайкону удалось уговорить Саймона потерпеть еще немного и не задирать Квестинга. Однако, отправившись навестить дядю Джеймса, Саймон узнал, что тот куда-то укатил на своей машине, предупредив, что вернется к обеду.

– Ну вот! – возмутился Саймон. – Нашел время. Ни минуты нельзя терять, а он где-то мотается. Ну и ладно, без него обойдусь. Только вы тоже держите язык за зубами, хорошо?

– Непременно, – пообещал Дайкон. – Гаунт, правда, в курсе. Я же говорил тебе...

– О, дьявольщина! – в сердцах сплюнул Саймон.

Гаунт позвал Дайкона и сказал, что хочет прокатиться к пику Ранги. Предложил захватить с собой желающих.

– Я пригласил твою сестру, – сказал он Саймону. – Может, ты тоже с нами съездишь?

Саймон после некоторого колебания согласился. Они прихватили с собой полевой бинокль полковника Клэра и отправились в дорогу.

Дайкону еще не приходилось бывать на пике Ранги. После железнодорожного переезда дорога сбегала к побережью и там уже долго тянулась, заканчиваясь возле исполинского усеченного конуса. Очертания горы имели настолько правильную геометрическую форму, что издали огромный пик казался порождением шального воображения художника-кубиста. У подножия горы дорога обрывалась, упираясь в ворота, сделанные в ограждении из колючей проволоки. На большом щите красовалась надпись «Ландшафтный заповедник», ниже которой перечислялись предписания и запреты для зевак и туристов. Дайкон прочитал, что с территории заповедника запрещается выносить любые обнаруженные предметы.

Они были не первыми посетителями – несколько автомобилей уже маячило у ворот.

– Дальше пойдем пешком, – сказал Саймон, с сомнением посмотрев на дорогие лакированные туфли Гаунта.

– О Господи! А далеко?

– Для вас – да.

Барбара быстро вмешалась:

– Не так уж и далеко. Наверх ведет удобная тропинка, и мы в любую минуту можем повернуть назад.

– Тогда – в путь, – весело произнес Гаунт, устремляясь вслед за Саймоном.

Поначалу они огибали подножие пика, двигаясь вдоль его основания. Земля пружинила под ногами, а воздух, казалось, звенел от свежести. Где-то позади послышалась задорная песня жаворонка, звонким эхом прокатившаяся над полуостровом. Переливчатые трели одинокой птицы вскоре сменились трескотней и пронзительным клекотом чаек, стаи которых, громко хлопая крыльями, слетались с моря и принялись кружить над головами путешественников.

– При виде этих пернатых мне почему-то всегда вспоминаются какие-то телесериалы, – сказал вдруг Гаунт. – А там, значит, они хоронили своих мертвецов? – спросил он, задрал голову и разглядывая кратер.

Вместо ответа Барбара указала на серию небольших плато, уступами поднимавшихся до самой вершины.

– Похоже на лестницу, правда? – сказала она. – Маори до сих пор верят, что именно для этого она и предназначалась. Конечно, они уже лет сто как не проводят здесь ритуальные захоронения. Но если верить слухам, после появления здесь пакеха тайные погребения еще продолжались какое-то время.

– А теперь маори сюда не ходят?

– Почти никогда. Это табу. Молодежь, конечно, гуляет по нижним склонам, но по кустам они не лазают, никогда не поднимаются на вершину. Верно, Сим?

– Мало кому охота туда карабкаться, – кивнул Саймон. – В два счета можно шею сломать.

– А по-моему, дело не в этом, – возразила Барбара. – Просто они боятся. Место это заколдованное.

Саймон со значением посмотрел на Дайкона.

– Угу, – выразительно буркнул он. – Поэтому некоторые этим и пользуются.

– Ты имеешь в виду пресловутого мистера Квестинга? – небрежным тоном осведомился Гаунт.

Саймон метнул на него колючий взгляд, а Дайкон поспешно пояснил:

– Я же говорил тебе, что обсуждал с мистером Гаунтом наши подозрения.

– А раз так, – гневно возразил Саймон, – то теперь, значит, можно посвятить в это вас?

– Если ты имеешь в виду меня, – проворковала Барбара, приподнятое настроение которой не погубило бы в тот миг ничто, даже упоминание о Квестинге, – то я и без вас знаю, чем он тут занимается.

Саймон замер как вкопанный.

– Ты? – громко спросил он. – Да что ты можешь знать?

Барбара не ответила.

– А ну выкладывай! – угрожающе потребовал Саймон. – И не вздумай вилить.

– Ну все ведь говорят о его интересе к захоронениям маори.

– Ах вот ты о чем, – с облегчением вздохнул Саймон. А Дайкону вдруг подумалось, что, будь он его командиром, он бы не стал обременять парня секретной информацией.

– Правда, дядя Джеймс, по-моему, подозревает что-то похлеще, – тут же добавила Барбара, поочередно обводя взглядом всех троих спутников. Дайкон в ужасе зажмурился, Гаунт присвистнул, а Саймон раздулся как индюк. – О, Сим! – вскричала Барбара. – Не думаешь же ты, что он... Боже, этот корабль! Нет, не может быть...

– Слушай, Барби, забудь об этом, – заговорщическим шепотом заговорил Саймон. – Дядя Джеймс у нас известный фантазер и выдумщик. Обожает небылицы плести. Выкинь это из головы. А теперь пошли.

Дорожка зазмеилась вправо, полукольцами взбегая на склон небольшого холма. Впереди замаячил морской горизонт. Еще три шага – и перед путниками разлилась небесная голубизна. Гарпунская бухта осталась слева; справа, прямо из моря, высоченным острым утесом вздымалась исполинская круча пика Ранги.

– Если хотите увидеть что-нибудь стоящее, нужно подняться на вершину, – сказал Саймон. – Вы не боитесь высоты?

– Что касается меня, – произнес Гаунт, – то высота вызывает у меня головокружение, тошноту и острое стремление *felo-de-se*¹². Однако коль скоро уж я так далеко забрался, то возвращаться отказываюсь. Изгородь кажется мне вполне прочной. Постараюсь держаться поближе к ней. – Он улыбнулся Барбаре. – Если заметите в моих глазах сумасшедший блеск, схватите меня в охапку, и я мигом приду в себя.

– А как же ваша нога, сэр? – напомнил Дайкон. – Она вам не мешает?

– Я сам о ней позабочусь, – легкомысленно отмахнулся Гаунт. – Ступайте вперед с Клэром, а мы побредем сзади.

Дайкон, заметивший, что предложение актера встретило живейшее одобрение со стороны Саймона, с неохотой последовал за ним. Непривычный к восхождениям, он скоро почувствовал щемление в груди и легкое головокружение; сердце шумно колотилось. Стекла его очков запотели. Гладкие подошвы туфель то и дело скользили на пожухлой траве, а из-под кованых ботинок Саймона в лицо летели комья сухой грязи.

– Если ускорим шаг, – сказал Саймон, даже не запыхавшись, – то можем добраться до лежки, откуда сигналил Квестинг.

– В самом деле?

– Думаю, что они за нами не полезут.

Они добрались до места, где тропа расширялась и взбегала на небольшую ровную площадку. Здесь прямо на земле расположились туристы – человек десять – двенадцать, – которые жевали кончики сухих травинок и смотрели на море. Двое юнцов поздоровались с Саймоном. В одном из них Дайкон узнал Эру Саула.

– Какие новости? – спросил Саймон.

– Еще держится, – ответил Эру. – Хотя погружается буквально на глазах. Вот, взгляните.

---

¹² Свести счеты с жизнью (*фр.*).

Эру протянул им бинокль. Бинокль полковника остался у Гаунта, поэтому Дайкон с благодарностью воспользовался предложением Эру Саула. С непривычки он довольно долго настраивал резкость, но в конце концов сумел вычленить из неясной голубизны крохотный черный треугольник.

– Спасатели подходили, но так и ушли восвояси несолоно хлебавши, – пояснил Эру. – Все, спета его песенка. С таким-то грузом!

– Черт знает что, – с негодованием покачал головой Саймон. – Пошли, Белл.

Дайкон вернул бинокль, поблагодарил Эру Саула и покорно последовал за Саймоном по круто уползавшей вверх тропе.

Вскоре они выбрались на крохотное плато, внизу под которым раскинулось море. Дайкон с глубоким облегчением увидел, что Саймон, карабкавшийся по скале с ловкостью горного козла, наконец остановился и присел на корточках.

– Вот, – сказал Саймон, дождавшись, пока Дайкон добрался до плато, – я думаю, он сигналил отсюда.

В горле у Дайкона пересохло, сердце билось так, будто хотело выпрыгнуть из груди. Он уже собрался было растянуться на камнях, но Саймон предостерегающе вскинул руку.

– Не вздумайте! Здесь могут остаться следы. Жаль, что дождь вчера прошел.

– А что ты рассчитываешь здесь найти? – кисло спросил Дайкон. Несмотря на сбитые ноги и страшную усталость, ослиная самоуверенность Саймона раздражала его пуще прежнего. – Следы ног, что ли? Или отпечатки пальцев? Увы, мой юный друг, такие следы существуют только на песчаных пляжах и в воображении авторов детективных романов. Что же касается перевернутых камушков и погнутых травинок, то это полнейшая чушь!

– Неужели? – воинственно произнес Саймон. – А ведь нас, между прочим, опередили. Кто-то уже побывал здесь до нас. Разве вы не заметили?

– Что я мог заметить, когда ты всю дорогу засыпал мои очки грязью? Покажи мне след, и я поверю.

– Пожалуйста. Вот, например, что это такое, по-вашему?

– Ты же сам сюда только что наступил, – возмутился Дайкон.

– Ну и что из этого? Чем мой след хуже любого другого? Зато видно хорошо.

– Пусть так, – вздохнул Дайкон, протирая очки. – А это что такое? – спросил он. – У самого обрыва. Слово какая-то вмятина.

Саймон пригляделся и испустил торжествующий вопль.

– А что я вам говорил! Вот они, следы-то! – Ставив ботинки, он осторожно приблизился к обрыву. – Можете сами посмотреть.

Дайкон с готовностью снял туфли, поскольку успел набить мозоли на обеих ступнях.

– Верно, – произнес он, приблизившись к Саймону. – Вот как описал бы их Великий сыщик. Неясные отпечатки ботинок. Два самых четких расположены под углом около тридцати градусов друг к другу. Расстояние между внутренними сторонами каблуков составляет около полдюйма. Между большими пальцами – примерно десять дюймов. Эти отпечатки оставлены в сырой глине, а сохранились под дождем благодаря нависающему футому в трех выступе утеса.

– Здо-орово! – восхитился Саймон. – Может, еще попробуете?

– Обе подошвы и оба каблука подбиты гвоздями. Носки отпечатались глубже пяток. Правая нога: четыре гвоздика в каблуке, шесть – в подошве. Левая: три в каблуке, шесть в подошве. Ерго, один гвоздик он потерял.

– Кто потерял?

– Он. «Эрго» – это «следовательно» по-латыни.

– Ха! Так, а можете вы описать его? Похож ли он на Квестинга? Стоит ли он, например, держа пятки вместе, а носки врозь? Больше опирается на носки? Словом, говорите что угодно – котелок у вас здорово варит.

– Гм, ну что ж – во-первых, он был карлик.

– Что?!

– Этот выступ нависает над плато на высоте всего в три фута. Как же он мог стоять под ним?

– Ох, черт возьми!

– Не огорчайся, – засмеялся Дайкон, – он мог сидеть на корточках. По другим следам видно, как он пристраивался.

– Точно! Значит, он сидел на корточках. И довольно долго.

Дайкон вдруг почувствовал, как в нем просыпается следопыт. Он посмотрел налево. Высокий отрог скрывал Гарпун и гавань, но утес, с которого вел наблюдение Саймон, был виден как на ладони.

– Если встать на самый край, видны даже камни, по которым я карабкался, – сказал Саймон. – Вот посмотрите.

– Спасибо, я верю тебе на слово.

– Ух ты, отсюда видна даже подводная песчаная отмель. Так, должно быть, и с самолета видно. Эх, скорей бы меня призвали!

Саймон застыл на краю обрыва – высокий и крепкий, с широко расправленными плечами. Легкий бриз ерошил его волосы. Волнующий образ, невольно подумалось Дайкону. Художники давно уловили, какое величие приобретает любая фигура, изображенная на большой высоте на фоне моря и неба. Дайкон снял очки и в очередной раз протер стекла. Силуэт Саймона тут же расплылся.

– Завидую я тебе, – произнес Дайкон.

– Мне? Почему?

– Ты имеешь законное право пойти на войну. А я вынужден протирать в тылу штаны. Я ведь слепой как крот.

– Да, не повезло. Хотя считается, что эта война никого не обойдет.

– Тоже верно.

– Помогите уличить этого подонка Квестинга, вот и вам будет дело.

– Наверное, – произнес Дайкон, уже пожалев о своей мимолетной слабости. – Кстати, о Квестинге. Значит, ты думаешь, что в четверг вечером он забрался сюда в кованых башмаках и подал сигнал подводной лодке, что в гавани Гарпуна загружается корабль? А ты способен представить Квестинга в кованых башмаках?

– Он уже три месяца не слезает с пика. Я думаю, он мог бы приобрести подходящую обувь.

– Придется осмотреть всю его обувь. Может, попробовать зарисовать эти отпечатки? Или хотя бы запомнить?

– А что – отличная мысль! Профессионалы всегда снимают гипсовые слепки. Я про это читал.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил Дайкон. – Полицейских? Военных? В Новой Зеландии имеется что-нибудь вроде нашей секретной службы? В чем дело?

Саймон внезапно вскрикнул, и карандаш Дайкона царапнул бумагу.

– Есть тут один малый из Скотленд-Ярда. Крупная шишка. Пару недель назад о нем написали в местной газете. Если верить статье, его прислали сюда ловить шпионов, а дядя Джеймс предложил засадить репортеров в тюрьму – чтобы не выдавали военные тайны. Вот кто нам нужен! Хочешь добиться результата – ступай к начальству!

– Как его зовут? – спросил Дайкон.

– Вот в том-то и беда, – сокрушенно поскреб макушку Саймон. – Совсем из головы вылетело.

III

Барбара и Гаунт не стали подниматься на пик. Они лишь проводили взглядом Саймона и Дайкона, которые карабкались по тропе, цепляясь за изгородь и время от времени поскальзываясь на короткой траве и зыбкой почве.

– При одной лишь мысли о восхождении нога начинает ныть, – признался Гаунт. – Может, прогуляемся к морю? Что за дурацкая затея – забраться в поднебесье, чтобы пялиться на тонущий корабль! Нельзя уж и затонуть спокойно. По-моему, это все равно что наблюдать за казнью друга. Слава Богу, экипаж удалось спасти. Вы согласны со мной?

Барбара охотно согласилась – да и кто бы не согласился, когда актер говорил таким располагающим, проникновенным и дружеским тоном. Впервые за все время они остались вдвоем.

Актер с девушкой спустились на берег. Гаунт растянулся на песке с молодецкой удалью, которая изрядно разозлила бы его секретаря. Барбара опустилась рядом с ним на колени, подставив лицо свежему бризу.

– По-моему, вам стоит всегда зачесывать волосы назад, – произнес Гаунт. – Это вам очень идет.

– Вот так? – Барбара поднесла руки к волосам. Ее легкое хлопчатобумажное платье, обдуваемое ветром, обтягивало фигурку девушки так, словно насквозь промокло под дождем. Перехватив взгляд Барбары, Гаунт быстро оторвал взгляд от ее груди.

– Да, так гораздо лучше. Никаких завитушек и прочей ерунды. Просто и красиво.

– Это приказ? – улыбнулась Барбара.

Одно удовольствие – говорить с ней.

– Просьба.

– У меня слишком узкое лицо.

– Именно в таком лице и ощущается истинная красота. Я даже как-то раз сказал Дайкону, что вы... Впрочем, не буду вас смущать – это дурно. Все из-за того, – закончил тираду Гаунт в излюбленной им манере Рочестера, – что я не привык скрывать свои мысли или кривить душой. Вас это не обижает?

– Нет, – промолвила Барбара, вдруг растерявшись.

Гаунт подумал, что уже целую вечность не общался с такой простодушной и застенчивой девушкой. Жеманных и нервных или нарочито скромных юных особ – хоть пруд пруди, но вот девушку, которая краснела и даже не отворачивалась из опасения, что Гаунт сочтет это дурным тоном, он встретил впервые. Гаунт принялся рассказывать Барбаре о себе.

Девушка была очарована. Актер разговаривал с ней столь доверительно и проникновенно, словно она обладала каким-то особым даром сопереживания. Он рассказал, как, еще будучи школьником, должен был прочитать наизусть монолог «Канун Дня святого Криспиана» из «Генриха V», начав декламировать скучным и монотонным голосом – который тут же с охотой продемонстрировал Барбаре, – а затем с ним вдруг что-то произошло. В голове зазвенел страстный голос и, к неимоверному изумлению учителя литературы (Гаунт передразнил и его) и остальных учеников, монолог прозвучал необычайно выразительно и почти без запинки.

– И вот тогда, – добавил Гаунт, – я понял, что должен читать и играть Шекспира. Я воспринимал эти строки так, словно их читал кто-то другой:

И Криспианов день забыт не будет
Отныне до скончания веков;
С ним сохранится память и о нас —

О нас, о горсточке счастливых, братьев¹³.

Над их головами пронзительно вопили чайки, на берег набегали бирюзовые волны, рассыпаясь мелким бисером, но для Барбары все это было лишь волнующим аккомпанементом к чарующим строкам великого Барда.

– И это все? – жадно спросила она.

– Ну что ты! Самое главное – дальше. – Гаунт взял девушку за руку. – Ты будешь моим кузеном Уэстморлендом. Слушай же, мой кузен, и внимли.

И он прочитал Барбаре – Уэстморленду весь монолог целиком. Актер был до глубины души тронут и восхищен искренностью и восторгом девушки, счастливыми слезами, застилавшими ее глаза. Он так и не выпустил ее руки, пока не закончил чтение. Прихрамывающий Дайкон, первым появившийся из-за поворота, успел заметить, как актер запечатлел на руке девушки легкий поцелуй.

Обратно все ехали в молчании. Саймон был погружен в свои мысли. Гаунт и Барбара, задав несколько приличествующих вопросов про торпедированное судно, тоже затихли. Дайкон отнес необычную молчаливость Барбары на счет Гаунта – это было видно по ее взволнованному лицу.

– Влюблена без оглядки, – бормотал он про себя. – Что же он ей наплел? Павлин расфуфыренный. Ишь ты, ручки целовать уже начал. Окажись на этой сцене второй этаж, он бы вывел Барбару на балкон и, встав на колени, читал ей стихи. Ромео с фиброзитом. Как будто сам не знает, что в его возрасте влюбленный мужчина выглядит полнейшим болваном. Позор какой.

Однако, позволяя самому себе кипятиться, Дайкон стал бы с пеной у рта отстаивать Гаунта, вздумай кто-то другой критиковать актера подобным образом.

По возвращении домой они обнаружили, что мистер Септимус Фолс и мистер Квестинг сидят в шезлонгах на веранде и мирно беседуют. Саймон, буркнув Гаунту, что очень признателен ему за поездку, тут же скрылся в своей клетушке, а Барбара со светящимся лицом взлетела на веранду и прошла в дом. Прежде чем вылезти из автомобиля, Гаунт нагнулся вперед и сказал Дайкону:

– Я уже целую вечность не испытывал такого удовольствия. Замечательная девушка. Я, безусловно, скажу ей, кто прислал эти наряды.

Дайкон отвел машину в гараж.

Вернувшись, он услышал, как Квестинг, который уже успел представить Септимуса Фолса Гаунту, назидательно вещает:

– Я все утро твердил этому господину, мистер Гаунт, что вы должны обязательно познакомиться. «Наш знаменитый гость, – говорил я, – совсем заскучал без общения с культурными людьми». Этот господин, мистер Гаунт, – большой знаток театра.

– Вот как? – вежливо осведомился Гаунт, раздумывая, как бы так отшить Квестинга, чтобы не обидеть Фолса.

Фолс протестующе и немного самоуничижительно махнул рукой.

– Мистер Квестинг преувеличивает, – сказал он. – Я всего лишь обыкновенный дилетант, сэ. Если кто и властвует надо мной, то это не Талия, а Каллиопа¹⁴.

– Неужели?

– Вот видите! – восхищенно выкрикнул Квестинг. – А я вот даже не возьму в толк, о чем вы говорите! Для меня это просто китайская грамота. Кстати, мистер Фолс сказал, что является вашим давним и преданным поклонником, мистер Гаунт.

¹³ У. Шекспир. «Генрих V». Пер. Е. Бируковой.

¹⁴ Музы из греч. мифологии: Каллиопа – покровительница эпической поэзии; Талия – покровительница комедии.

Обе его жертвы смущенно рассмеялись, а затем Фолс, словно извиняясь за неловкость Квестинга, поспешил исправить положение.

– Это суцая правда, – кивнул он. – По-моему, за последние десять лет я не пропустил ни одного вашего лондонского спектакля.

– Потрясающе, – смягчился Гаунт. – Вы ведь уже знакомы с моим секретарем, верно? Давайте присядем.

Они уселись, и мистер Фолс тут же придвинулся поближе к Гаунту.

– Я давно мечтал поговорить с вами, чтобы развеять одно мое сомнение, – начал он. – Это касается Горацио. Уж очень откровенно он соврал насчет Розенкранца и Гильденстерна. Мне кажется, что с вашим блистательным знанием «Гамлета»...

– Да-да, я понимаю, что вы имеете в виду. «Он никогда не требовал их казни»¹⁵. Это просто оправдание. Яйца выеденного не стоит. Что-нибудь еще?

– А я всегда считал, что эти слова относятся к Клавдию. Ваш Горацио...

– Нет-нет – к Гамлету. Безусловно – к Гамлету.

– Разумеется, всякие сравнения абсурдны, но я хотел спросить вас, не приходилось ли вам видеть Гамлета в исполнении Густава Грюндгена?

– Вы имеете в виду этого гитлеровского любимчика?

– Да. Ой! – Мистер Фолс вдруг судорожно дернулся и вскрикнул. – Чертова спина! Извините. Да, вы совершенно правы. В его интерпретации Гамлет выглядел просто юродивым, а публика улюлюкала и неистовствовала от восторга. Я был на этом спектакле. До войны, разумеется.

– Еще бы, – хохотнул мистер Квестинг.

– Кстати, – оживился мистер Фолс, – почему в ваших постановках Гамлета всего три действия, тогда как в оригинале их пять? Почему бы не сыграть пьесу в том виде, в каком задумал ее Шекспир?

– Порой мы так и играем.

– Я знаю, знаю. От лица всех поклонников шекспировского гения я страшно вам признателен. Вы уж меня извините!

– Не за что! – улыбнулся Гаунт. И тут же, заметив появившуюся в проеме дверей Барбару, которая мялась, не решаясь подойти, поманил ее рукой. Девушка уселась прямо на ступеньку, рядом с Дайконом. – Вам это будет интересно, моя дорогая.

«Что с ней случилось? – подумал Дайкон. – Она изменила прическу, отчесав волосы назад, но ведь этим не объяснить столь разительную перемену. Куда делся ее истерический хохот? Да и гримасничать она перестала».

Гаунт завел разговор о таких сложных пьесах, как «Троил и Крессида», «Генрих VI» и «Мера за меру». Фолс подхватывал каждую его реплику. Он вынул из кармана трубку, но закуривать не стал, а принялся отбивать такт о ножку шезлонга, словно желая подчеркнуть значимость своих слов.

– Разумеется, он был агностик! – с горячностью воскликнул он. – Это доказывают его самые знаменитые монологи.

– Вы имеете в виду Клавдио? Однажды в молодости я играл его. Монолог о смерти, конечно, впечатляет. Даже дрожь пробирает.

В стремленье к смерти нахожу я жизнь,
Ища же смерть – жизнь обрящу.
Пусть же приходит смерть!¹⁶

¹⁵ У. Шекспир. «Гамлет». Пер. М. Лозинского.

¹⁶ У. Шекспир. Шекспир. «Король Генрих V». Пер. Е. Бируковой.

– Или вот:

Но умереть... уйти – куда, не знаешь...
Лежать и гнить в неподвижности холодной...
Чтоб то, что было теплым и живым,
Вдруг превратилось в ком сырой земли...¹⁷

Голос Гаунта вдруг обрел какую-то зловещую монотонность, и слушатели тревожно заерзали. Миссис Клэр выглянула в окно и тоже слушала с неясной улыбкой на устах. Мистер Фолс, отбив особенно удачную дробь, вдруг уронил трубку и наклонился поднять ее, но тут же глухо застонал и схватился за поясницу. На веранду вышел доктор Акрингтон и застыл как изваяние.

– Продолжайте, прошу вас, – сказал мистер Фолс, с усилием выпрямляясь.

Мистер Квестинг подобрал упавшую трубку и тоже застыл на месте; на губах его блуждала восхищенная улыбка.

Появился Саймон и, бросив недовольный взгляд на Гаунта, принялся наблюдать за Квестингом.

Гаунт уже приближался к финалу короткого, наводящего ужас монолога. Дайкону вдруг подумалось, что никакому другому актеру не под силу сыграть трагического шекспировского персонажа на залитой полуденным солнцем веранде термального курорта. Некоторых слушателей Гаунт к тому же заметно обескуражил. Во всяком случае, заставил вспомнить о смерти.

Квестинг громко прокашлялся и принялся исступленно аплодировать, колотя трубкой мистера Фолса по одной из деревянных опор.

– Ну, класс! – восхищенно выкрикнул он. – Во дает, а? Верно я говорю, мистер Фолс?

– Это, кажется, была моя трубка, – вежливо произнес тот, потянувшись за тем, что осталось от его вересковой трубки. – Спасибо.

– А вот мне больше всего по душе «Как вам это понравится», – заявила миссис Клэр, высунувшись из окна. – Такая прелесть! Обожаю Розалинду!

Доктор Акрингтон тоже не выдержал.

– Сейчас все так помешались на этой современной психопатической ерунде, что, по моему, в ваш театр уже никого не заманишь, – проворчал он.

– Напротив, – высокомерно возразил Гаунт, – интерес к Шекспиру велик, как никогда.

Появилась Хойя, громко звеня неизменным колокольчиком. Из кабинета вынырнул полковник. Его и без того мрачная физиономия казалась даже более вытянутой, чем обычно.

– Обед? – проблеял он. – О чем вы тут митинговали? Мне показалось, кто-то призывал к бунту.

Барбара поспешно зашептала отцу на ухо.

– А? Не слышу, – пожаловался он. – Что? Какой Гораций? – Он уставился на Гаунта. – Ах, из спектакля? Ну, дела! Когда я служил в Индии субалтерном, – горделиво заявил он, – мы тоже забавлялись лицедейством. Однажды мне даже роль дали. Ох и пьеса, скажу я вам! Может, слышали? «Тетка Чарлея».

IV

За обедом Дайкон быстро понял, что Саймон что-то замыслил. Во всяком случае, взгляды его были весьма красноречивы. Дайкон и сам извелся от беспокойства за Барбару из-за случившейся в ней перемены, а также из-за перемены его собственного отношения к своему патрону.

---

¹⁷ У. Шекспир. «Мера за меру». Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

А тут еще Квестинг. Несмотря на все находки Саймона, несмотря даже на пущенный ко дну корабль, молодой человек отказывался верить в то, что Квестинг вражеский шпион. Оставаясь в глубине души истым новозеландцем, Дайкон считал, что рассказы о шпионах – досужие бредни, плод воображения пугливых старух и записных клубных сплетников. И все же... он мысленно перебирал все доводы «за» и «против». Почему Квестинг так необъяснимо повел себя на железнодорожном переезде? Почему соврал, что ездил в бухту Похутукава, хотя, по свидетельству доктора Акрингтона, его там не было? Зачем и кому подавал с пика Ранги непонятные световые сигналы?

Решив еще раз обсудить накопившиеся вопросы с Саймоном, он заглянул к молодому человеку сразу после обеда.

– Вы угадали, что я хотел с вами поговорить, да? – спросил Саймон. – Я хотел подать знак, но боялся, что он заметит.

– Дорогой мой, воздух в столовой наэлектризовался от твоих намеков. Что случилось?

– Мы его засекли, – заявил Саймон. – Вы догадались? Он выдал себя перед обедом.

Трубкой.

Дайкон недоуменно уставился на него.

– Прохлопали, да? – самодовольно произнес Саймон. – Хотя и сидели на расстоянии вытянутой руки. Может, он так к этому привык, что уже и сам не замечает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.